ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

5. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов Муса Магомедович

Редколлегия:
Л. Абдулаев
М. Бексултанов
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
М. Музаев
С. Мусаев
Р. Талхигова
А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail:vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».
Отпечатано в ГУП«ИПК «Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать 16.05.12
В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.
Тираж – 2500 экз.
Цена договорная
Заказ № ___

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАМЯТЬ
Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *Во имя консолидации общества*.....2
Зайнди ДУРДИЕВ. *Чеченский характер*. Очерк.....12
Махьмуд КУЗАЕВ. *Вайнах махках бахар*. Хилларг.....36
Насрудин ДАБАЧХАДЖИЕВ. *Благодарность в письмах. И в аул пришла беда*.....68
Асвад ИРЗАХАНОВ. *Судьба старшего сына*.....72
Увайс ЛОРСАНУКАЕВ. *Летчик-орденоносец из Гехов*..76

ЮБИЛЕЙ
Ахмад СУЛЕЙМАНОВ. *Конах*. Стихи.....4

ПРОЗА
Алвади ШАЙХИЕВ. *Дом со слепыми окнами*. Рассказ.....7
Мохьмад АЛИЕВ. *Даьгна нур*. Дийцар.....21
Мухтар БАКАЕВ. *Последняя улыбка*. Рассказ.....30
Иса ГУНАЕВ. *Доза*. Повесть. *Продолжение. Начало в №№ 3, 4*.....41

ПОЭЗИЯ
Марем НОХЧИЕВА. *Когда наступит тишина…* Стихи.....10
Хьапта ИСАБАЕВА. *Нохчо*. Стихаш.....19
Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Сольфеджио для любви*. Стихи.....29

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ
Муса БАРКИНХОЕВ. *Батальон уходит на рассвете*. Рассказ.....26

ДЕБЮТ
Хава ГАГАЕВА. *Стихолистики*.....39

ДРАМАТУРГИЯ
Муса АХМАДОВ. *Встреча с избирателями.* Комедия....51

ИСТОРИЯ
Вахит АКАЕВ. *Чеченский алим Магомед-Башир-хаджи Арсанукаев: духовное возвышение и поиск истины*.....59

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ
Иса ОКАРОВ беседует с Ямлиханом ХАСБУЛАТОВЫМ. *«Если бы я был птицей, я полетел бы домой…»*.....79

ПУБЛИЦИСТИКА
Ширвани ЮСУПОВ. *Истоки коррупции и перспективы борьбы с ней*.....84

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
Малика ГОРТИКОВА. *Освободительная борьба чеченского народа: новое слово ученых*.....94

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ
Сацита ИСРАИЛОВА. *Источник вдохновения*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Память

Во имя консолидации общества...

В этом году Чеченская Республика во второй раз отмечает День памяти и скорби. Учреждая его, руководство, в первую очередь, преследовало весьма значимую общественно-политическую цель, а именно – укрепление духовно-нравственного единства чеченского общества путем введения республиканских объединяющих дней, призванных создать дополнительные эмоциональные связи между различными слоями населения Чеченской Республики. Если краткосрочная консолидация общества может быть достигнута различными способами (вплоть до создания образа внешнего или внутреннего врага), то его долговременная консолидация возможна только на основе духовно-нравственных ценностей, единых для всех социальных слоев и групп.

Понятно также, что любая власть стремится консолидировать общество вокруг себя, но в данном случае речь идет о вещах более значимых. Республиканское руководство официально провозгласило, что дальнейшее поступательное развитие Чеченской Республики возможно только через интеграцию в общероссийское политическое, экономическое и культурное пространство. И здесь становятся очевидными две вещи: во-первых, лишенное внутреннего единства общество просто не способно интегрироваться в более крупные сообщества; во-вторых, внутренне разобщенное общество всегда и везде обречено на утрату этнической самобытности и, в конечном итоге, на ассимиляцию среди более устойчивых этносов.

Таким образом, учреждая республиканские дни (День памяти и скорби, День чеченского языка и т.д.), глава Чеченской Республики имеет конечной целью укрепление национальной самоидентификации чеченского общества. И по этой причине создание дополнительных эмоциональных связей внутри чеченского общества не представляется лишним.

С другой стороны, День памяти и скорби у жителей Чеченской Республики прочно ассоциируется с фигурой Ахмат-хаджи Кадырова, с именем которого связан переход от войны к миру, от разобщенности – к сплочению во имя возрождения Чеченской Республики. Став во главе Чеченской Республики, Ахмат-хаджи Кадыров сумел создать дееспособные республиканские государственные структуры, добился перехода реальных властных полномочий от временных федеральных структур к республиканским органам, ближе стоящим к народу и наиболее заинтересованным в политической и общественной стабильности. Ему удалось также заручиться поддержкой своего политического курса со стороны основной массы населения Чечни, чем не мог похвастаться ни один из его предшественников из числа как

ичкерийских, так и пророссийских политических деятелей. И главное, Ахмат-хаджи Кадыров начал движение по пути прекращения внутричеченского противостояния и перехода к восстановлению Чеченской Республики. А это означало преодоление многолетней дезорганизации чеченского общества и формирование новой национальной элиты, способной задать единый вектор развития для республики.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что Ахмат-хаджи Кадыров заложил основы оригинального механизма осуществления обратной связи с населением Чеченской Республики, которая осуществлялась напрямую, помимо существующего государственного аппарата. Наличие такой обратной связи сразу же делало главу республики независимым от государственной бюрократии и позволяло ему в случае необходимости напрямую апеллировать к жителям Чечни. Наконец, это позволило начать процесс преодоления откровенного отчуждения, существовавшего между чеченским обществом и органами государственной власти.

Сегодня, пожалуй, уже можно говорить об исторической значимости результатов деятельности Ахмат-хаджи Кадырова в качестве Президента Чеченской Республики. Как у любого политика и государственного деятеля, у него были свои сильные и слабые стороны, но необходимо признать, что сильные и слабые стороны Ахмат-хаджи в качестве президента объясняются не столько чертами его личности, сколько особенностью российской системы государственности. Поэтому при оценке итогов его деятельности необходимо исходить из того, насколько успешно были им разрешены задачи, стоявшие на тот момент перед Чеченской Республикой. А таковыми являлись: во-первых, консолидация чеченского общества и его национальной элиты; во-вторых, формирование дееспособных органов власти, чья легитимность не ставилась бы под сомнение как внутри, так и вне Чеченской Республики. Обе эти задачи Ахмат-хаджи Кадыровым были успешно решены.

И не будем при этом забывать, что становление новой политической системы в Чеченской Республике происходило в рамках общероссийского правового поля и под непосредственным воздействием федерального центра. За годы, прошедшие после гибели самого Ахмат-хаджи Кадырова, эта система наглядно продемонстрировала жизнеспособность, достаточно высокую эффективность и, что особенно важно, способность к модернизации. Последнее обстоятельство означает, что впервые за два десятилетия общественного хаоса и войны перед Чеченской Республикой открывается путь эволюционного развития. Сумеем ли мы в полной мере воспользоваться этой возможностью – другой вопрос.

Таким образом, возвращаясь ко Дню памяти и скорби, во второй раз отмечаемому в Чеченской Республике, можно сказать, что эту памятную дату с полным правом можно ассоциировать с именем Ахмат-хаджи Кадырова. И не потому, что она соседствует с днем его трагической гибели, а потому, что она нацелена на консолидацию чеченского общества, в чем сам Ахмат-хаджи видел свою первейшую задачу как политика и государственного деятеля.

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ

Юбилей

Ахмад Сулейманов

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения одного из самых ярких и талантливых чеченских поэтов прошлого века Ахмада Сулеймановича Сулейманова (1922–1995). Педагог, ученый-краевед, Народный поэт ЧИР (1991), лауреат премии культурного возрождения Чечни (1991), лауреат Государственной премии ЧР (1995), член Союза писателей СССР (1979), родился в с. Алхазурово ЧИАССР. Работал учителем и директором школы. Автор нескольких поэтических сборников как на чеченском, так и в переводах на русский язык: «Симфония гор» (1977), «Несколько слов» (1988) и др. Сулейманов хорошо знал устное народное творчество, в совершенстве владел техникой стихосложения. Его стихи отличаются глубиной мысли, колоритной метафорой. Блестяще владея родным языком, умел выявлять скрытые возможности чеченского языка. Многие его стихи переложены на музыку местными композиторами и самим автором. Поэмы и стихотворения А. Сулейманова легли в основу нескольких спектаклей, поставленных Чечено-Ингушским государственным драматическим театром. Вклад А. Сулейманова в театральную жизнь Чечни – это и постановки пьес русских авторов, переведенных им на чеченский язык. Главным делом всей жизни А. Сулейманова была педагогическая деятельность. Он преподавал чеченский и русский язык и литературу, работал директором школ. Он автор учебников по чеченской литературе для старших классов. Автор уникального научного труда – «Топонимия Чечено-Ингушетии» в четырех частях. Переработанное и дополненное издание – «Топонимия Чечни» (Нальчик, 1997) – увидело свет уже после смерти Сулейманова. Этот труд удостоен Государственной премии ЧР в 1995 г.

Конах

Что значит конах, ты спросил, и какова ему цена?
И я сказал тебе в ответ под гул торжественного пира,
Что конах – это славный муж, чья жизнь другим посвящена,
Что конах – это тот, на ком покоятся устои мира.

Ретив и ловок конь в горах, пока подкован крепко он,
Подковы стерты, – станет конь хромым, беспомощным и вялым.
Пока есть конахи средь нас, – незыблем доблести закон,
И можем смело мы идти по самым трудным перевалам.

Да, конах – это богатырь, чье сердце бьется для людей,
Что служит правде и добру во имя Родины любимой.
В ком нервы – лука тетива, в ком разум – ярче ста огней,
Чья, словно сталь, душа тверда и к подлости непримирима.

Бахвальство презирает он, достойно ценит удальство,
И мудрость знаний для него дороже всех богатств несметных.
Когда вы сходитесь на пир, оставьте место для него:
Кто в битве за Отчизну пал, — тот вечно жив в строю бессмертных.

Они всегда среди живых – герои, витязи, борцы,
Кто справедливость утверждал, чья кровь – на пламенных знаменах.
Чья жизнь прекрасна и чиста, как гор заоблачных венцы,
Кого народная молва почтила гордым званьем – конах!

Мы тост в их честь провозгласим, и роги, полные вина,
Осушим в память храбрецов, в трудах и битвах непреклонных.
Что значит конах, ты спросил, и какова ему цена?
Народа стойкость, верность, ум и славу воплощает конах!

Смелый жертвует собой

Воет волк уныло, злобно,
Вторит волку бури вой,
Ветер, пьяному подобный,
Знай, швыряется листвой.
Небо расколов на части,
Хлынет молнии струя,
Словно с огненною пастью
Разъяренная змея.
Тучи небом овладели,
Звезд не видно и луны,
Выси гор и тьма ущелий
Мутной мглой поглощены.
Сбился в стонущую кучу
Строй деревьев молодых,
Но не дрогнет дуб могучий,
Грудью заслоняя их.
Что ему небес дрожанье?
В землю он корнями врос,
Жизни мощное дыханье
Не боится бурь и гроз!
Буря в ярости и гневе,
Поднимаясь на дыбы,
Клонит юные деревья,
Но не старые дубы.
Пусть бушует ветер ярый,
Листья слабые губя, –
Дуб тяжелые удары
Принимает на себя.
Ветви распростер тугие
Рощи кряжистый оплот,
Дуб деревья молодые
От погибели спасет.
Молнии сверкнуло жало, –
Вспыхнул дуб, суров и прям.
Красной белкой побежало
Пламя по его ветвям.
Но, как прежде, непреклонно
Молодые деревца
Он своей горящей кроной
Прикрывает до конца.
Ствол дымится обгорелый:
Дуб погиб, как богатырь,
Чтоб деревьям юным смело
Вновь расти и ввысь, и вширь.
Дуба мертвая верхушка
Солнышком озарена,
И поет в лесу кукушка,
Славит гордый дуб она.
Да, суров закон природы,
Как завет идущим в бой:
Чтоб другим добыть свободу,
Смелый жертвует собой!

Слово к новорожденному

Ребенок в мир пришел едва –
Незрячий, плачущий комок, –
А люди добрые слова
Уже ему готовят впрок.
Так принято. И я стою
Над зыбкой, где малыш орет:
Ему напутствие даю
На два десятка лет вперед.
В аге[1] спеленут ты, Муслим,
И весь твой мир – твоя ага.
Но мир широк, необозрим,
Его не втиснешь в берега.
Я не пророк. Но жизнь твоя
Мне, словно даль с горы, видна,
Отсюда путь твой вижу я
Сквозь завтрашние времена.
Она не так уж далека,
Твоя грядущая судьба:
В ней чистый рокот ручейка
И в поле спелые хлеба.
И я завидую тебе,
Как мне завидуют отцы:
Их век тянулся на арбе,
А мы – железных птиц творцы.
Тебя же через двадцать лет
Я представляю в вышине
Водителем таких ракет,
Какие и не снились мне.
За срок короткий мы смели
Гнет, что века терпел народ,
Ты сыном солнечной земли
Направишь в космос свой полет.
Завесу лет приподними, –
И мир такой увидишь ты,
Где в жизнь воплощены людьми
Столетий светлые мечты.
Волшебники лишь в сказках есть,
Земной живой волшебник – труд!
Его чудес не перечесть,
Они вовеки не умрут.
Гранита хватит ли у гор,
Чтоб памятники возвести
Народу, чей орлиный взор
В край счастья разглядел пути?
Мне очень хочется, Муслим,
Чтобы ровесники твои
Воздали должное своим

Отцам, что в бой за правду шли!
Ваш полдень не увидеть нам,
Но знаю: светел будет он!
Пускай по праздничным столам
Разносится заздравный звон!
Пускай нам радость и успех
Сулит простор земных дорог!
За тех, кто в мир пришел! За тех,
Кто этот мир для них сберег!

Горные родники

Пей нашу воду! Впитаешь ты с ней
Мудрость и знанье,
что дарят нам горы.
Бурно струимся мы между камней,
Плавно втекаем в степные просторы.

Не остановимся мы ни на миг –
Помните: жизнь и свобода –
в движенье!
Холод и ясность дает нам ледник,
Солнце в нас ищет свое отраженье.

В горы обратного нет нам пути:
Устье не смешивается с истоком.
Может и силу и ум обрести
Тот, кто прильнет к нам
в раздумье глубоком.

Надписи на камнях

Есть ветер всегда для чинары высокой,
Кто славен, тот не защищен от упрека.
Без брата сестра, – что орел без крыла:
Его исклевать и ворона б смогла.

Коль воин один, –
не составить нам рать,
Коль камень один, –
башню нам не сложить.
Но жизнь лишь одна –
и другой не бывать, –
И эту одну надо с честью прожить!

Коль конь твой хорош, –
то один раз стегнуть
Довольно, чтоб несся он
вихрем весь путь.
Коль слово разумно, – один раз его
Довольно сказать, чтоб людей повело!

Одно только каждому сердце дано,
Но может огнем ярким вспыхнуть оно:
Кто сердце свое посвящает Отчизне, –
Тем жить в миллионах сердец суждено.

Огромна земля, – но родная страна,
Как мать и отец, на земле лишь одна.
Кто Родине верности клятву нарушит,
Достоин проклятья на все времена.

Родимую землю должны мы беречь,
Легко на ней жить и легко в нее лечь.
И славен, кто, жизни в бою не жалея,
За землю свою обнажает свой меч!

Коня перед скачками зря не хвали,
Дочь не наряжай,
если нравом плоха, –
Конь может споткнуться
и рухнуть в пыли,
Девица – вовек не найти жениха!

Мой друг! Недостаточно шапку носить,
Чтоб храбрым мужчиной
в ауле прослыть.
Как вор, что он честен,
твердить не привык, –
Дела его рук не прикроет язык.

Не греет ни летом очаг, ни зимой,
Нет в доме тепла у хозяйки плохой.
Где правит хозяйка негодная, – там
И холодно мужу, и зябко гостям.

Когда я недружную вижу семью, –
То словно терплю пораженье в бою:
На сердце обида, тоска и печаль,
И тех, кто живет в этом доме,
мне жаль.

Кто гибнет в сраженье,
как доблестный воин,
Тот имя свое обессмертить достоин.
А трус малодушный,
хоть жизнь свою спас, –
Утративши честь, умирает сто раз!

Мужчина, что гордость
свою бережет, –
Как крепость,
Отчизны надежный оплот.
А девушка, верная чести своей,
Сравнима с надежностью
трех крепостей!

Перевод с чеченского Л. Шерашевского

[1] Ага (чеч.) – люлька.

Проза

Алвади Шайхиев

Дом со слепыми окнами

Рассказ

Улица круто вбегает на подъем, и тут, в самом конце, этот добротный двухэтажный дом. С завешанными окнами он слепо смотрит на прохожих: не постучится ли кто в ворота? Но люди равнодушно проходят мимо. Добрым соседом наглухо закрытые ворота столько лет не скрипнули, даже петли заржавели.

А когда-то стены этого дома возвели мы, собравшись на белхи[1]. Потом всем миром справляли новоселье. И забурлила, заклокотала в нем счастливая жизнь, которой, казалось, не будет конца. А теперь…

Когда выпадало свободное время или просто так оказывался в этом городе, я всегда спешил в этот дом. Мне навстречу выходила сгорбленная старушка и, долго и пристально глядя из-под руки, наконец-то, узнав, кидалась в объятья:

– Как долго тебя не было в наших краях!

Этими словами встречала она меня каждый раз, если я себя и не заставлял долго ждать.

Потом она меня приглашала в дом. Усаживала. И сама устраивалась на деревянной тахте – маленькая, сгорбленная добрая старушка. Только тогда она возобновила прерванный во дворе разговор.

– Когда был жив Хамзат, ты часто навещал нас, – мягко попрекала она, скорее для завязки разговора, нежели для попреков.

Так бывало всегда, в каждый мой приезд. И мы долго блуждали с ней по лесу памяти. Разговор от Хамзата, старшего сына, переходил к младшему – на Хусейна. Затем к дочери Хамзата – Айзе. Потом вновь вспоминали Хамзата. Как всегда…

А теперь и ее нет. Осиротел дом.

– Ты помнишь, – говорила старая Бацу, чуть-чуть прикрыв глаза, устремляя взгляд за воспоминаниями, – наш дом всегда сотрясал звонкий смех гостей – друзей и товарищей Хамзата. Ни черт, ни дьявол не смели притулиться на краешке уюта. А однажды… – она промокнула краешком платочка сухие глаза – слезы выплакала давно, – случайно заглянув в кладовку, я увидела целую гору пустых бутылок. Они, оказывается, пили и веселились до утра. А я-то, старая дура, думала, что им просто весело друг с другом. Я же не видела их не то, что пьяными – слегка выпившими. Даже запаха не слышала…

На этом месте она всегда делала паузу. Каждый раз, когда рассказывала эту историю. Я же ее рассказ помню наизусть – не первый раз слушаю. Теперь она перейдет к Айзе – дочери Хамзата. Затем мягко пожурит его жену Элиму. Щедрой души была человек! Почему была, есть и сейчас. Только она давно не живет в этом городе, и я с ней не вижусь.

Айза-то болела. Она, бедная, мучается в другой комнате, а они пьют и веселятся. Элима должна была взбунтоваться, восстать, забить тревогу. Но она ни того, ни другого не делала. Наедине с дочерью молча глотала слезы. А навстречу гостям выходила с деланной улыбкой, как ни в чем не бывало, и щедро накрывала на стол. Вообще-то, что могла она изменить? Перечить мужу

не полагается. И вот однажды…

Снова замолкает Бацу. Надолго. Но я прекрасно знаю продолжение. Вот оно:

Однажды, следуя поговорке: «Пришла беда – открывай ворота!» – широко распахнулись они.

В субботу утром на «Жигулях» прикатили друзья.

– Хамзат, собирайся, едем на рыбалку.

– Сейчас, – был ответ.

Тут я позволю себе сделать отступление, и дальнейший ход событий опишу со слов самого Хамзата:

– В тот день я не собирался ехать на рыбалку. Я был занят дочерью. Ее необходимо было везти на лечение в Ростов. Нужно было в тот день делать кое-какие покупки, а в воскресенье сесть в поезд. Но, когда приехали друзья, я не смог отказать. «Вернемся рано утром, успею», – подумал я. Успеть-то я действительно успел. Но я никогда не прощу, что взял с собой в тот день Хусейна. Я сделал это с одной лишь целью – нана, когда он со мной, не слишком тревожилась.

Я завел свой мотоцикл. И мы поехали. Это недалеко – в двадцати километрах. Потом, когда внезапно сгустились сумерки, быстро насобирали валежник и развели костер. И начали… ребята, оказывается, приготовились хорошо. Выпивка, закуска – всего было вдоволь. Только ухи не хватало. Но закидывать удочки мы не спешили – ночь длинная, успеем. Один Хусейн сидел на берегу реки.

Сколько сидели и пировали, не помню. Но выпили изрядно – это точно. Мы, может быть, еще продолжали бы, если бы вдруг не переменилась погода. Небо заволокло тяжелыми черными тучами. И вскоре полил дождь, как из ведра. О рыбалке и думать нечего было – спешно засобирались домой. Они на «Жигулях» впереди, а мы с Хусейном на мотоцикле – за ними. Ехали через лес: слякотная дорога, как змея, извивалась. И вдруг, не знаю, как это получилось, я, не справившись с управлением, врезался в дерево...

Меня разбудил Хусейн. Он очнулся первым. Солнце аж в зените.

Заметных ушибов мы оба не получили. Но почти 10-12 часов пролежали без сознания под дождем на сырой земле…

Однажды вахтер общежития Литературного института имени М. Горького вызвала меня на проходную. Своим глазам не верю: ко мне в гости пожаловал Хамзат.

– Какими судьбами? – уже в лифте спрашиваю его.

– Да вот, решил проведать, – одними губами улыбнулся.

Потом в комнате я узнал: заболел Хусейн. Он его и привез в Москву во Всесоюзный научно-исследовательский медицинский институт.

– Только на врачей вся надежда, – грустно сказал он. Затем: – Ну зачем я его тогда взял с собой на рыбалку? – Хамзат обхватил обеими руками голову и опустил ее. Мне послышался всхлип. Да, Хамзат, этот всегда озорно улыбающийся жизнерадостный парень, плакал. Впервые на моей памяти.

– Как себя чувствует Айза?

– Надежды мало. На этой неделе ездил ее проведать. Я, наверно, очень сильно согрешил, если все беды навалились сразу. Я ведь тоже болен. Только об этом никто не знает.

– Ты тоже?

Только теперь я заметил: Хамзат сильно похудел, помутнели глаза.

– Почему бы и тебе не лечь вместе с Хусейном? Вдвоем было бы не так скучно.

– Нет, не могу. Я должен любой ценой спасти Хусейна и Айзу, вырвать их из лап смерти. А я… Моя жизнь ничего не стоит.

Немножко подумав, продолжил:

– В нашей семейной трагедии виноват я. И себе это никогда не прощу. Мои ежедневные попойки не перенесли они…

Утром мы навестили Хусейна. Еще через несколько дней я провожал Хамзата домой.

– Не беспокойся за Хусейна. Я ежедневно буду его проведывать, – говорю Хамзату.

Дома и Хамзат лег в больницу. Отпрашивался у лечащих врачей. Ездил в Ростов, а отуда приезжал в Москву к Хусейну. Так прошло несколько месяцев. Хусейн все-таки узнал (от кого – неизвестно), что и Хамзат лечится. Добился перевода в республиканскую больницу в Грозном. Оба брата были в одной палате – я навещал их.

Первой похоронили Айзу. Затем Хусейна. Через два месяца не стало и Хамзата. Потом хоронили Бацу.

На кладбище в ряд вознеслись в небо четыре чурта – надмогильные памятники Айзы, Хусейна, Хамзата и Бацу.

Когда выпадает свободное время или оказываюсь в этих краях, я всегда спешу на это кладбище. После обязательного доа – заупокойной молитвы – я долго стою у этих могил, воскрешая в памяти то, уже канувшее в Лету, счастливое и беспечное время, проведенное нами вместе.

…Улица круто вбегает на подъем. И тут, в самом конце, последним сиротливо стоит добротный двухэтажный дом с завешанными окнами. Он слепо смотрит на прохожих. Но никто в ворота не стучит – люди равнодушно проходят мимо.

---

[1] Белхи – коллективная помощь (чеч.).

Поэзия

Марем Нохчиева

Когда наступит тишина…

Когда наступит тишина
И состояние покоя,
Душою, сердцем и рукою
Я прикоснусь к твоим стенам…
И обожжет мою ладонь
Через холодный серый камень
Неугасимый жаркий пламень,
Как Вечной памяти огонь.
В оцепенении застыв,
Умолкнет все – исчезнут звуки…
И лишь дерев сухие руки
Уронят желтые листы.
… Я прикоснусь к твоим стенам.
Вот только с памятью такою
Нет состояния покоя.
И не наступит тишина…

Люблю я старые дома…

Идет холодная зима.
Тепла не будет…
Люблю я старые дома –
Они как люди…
Здесь обогреют, утолят
Мои печали.
Здесь непременно напоят
Горячим чаем.
Запахнет хлебом…и теплом
Дохнет из печи…
Ночному сумраку назло
Зажгутся свечи.
И будет бабушкин пирог
Такой же вкусный…
Перешагнула я порог –
А в доме пусто.
… Идет холодная зима,
Тепла не будет.
Уходят старые дома –
Они ж как люди…

Фронтовая межа

Снегом сыплет за ворот…
Никуда не сбежать.
Пролегла через город
Фронтовая межа.
Трассера над дорогой,

Точно злые шмели…
Только месяц двурогий
Слышит стоны земли.
Где-то снайпер укрылся,
Схоронясь у реки.
Автомат притворился
Продолженьем руки.
Кто-то выживет… все ли…
Разве чья-то вина?..
Здесь пристреляны цели –
Потому что война!
… Снегом сыплет за ворот.
От судьбы не сбежать.
Пролегла через город
Фронтовая межа.

Там цветет алыча…

Жителям Шароя,
долгие годы ждавшим
возвращения в Отчизну –
посвящается

Растворяясь в ночи,
Даже ветры молчат –
Там, где гор тишину охраняя,
Над обрывом цветет
По весне алыча,
Хлопья снега в ущелье роняя.
Там за синей горой
Притаился Шарой –
Грозно башни стоят боевые…
И в сиянии дня,

И ночною порой
Все глядят в небеса, как живые.
Сколько видели зла,
Сколько знали добра
Эти башни, и горы, и люди,
И разоренный кров,
Что, как будто вчера,
Мы зимою оставили лютой.
Уходили года,
О забвенье крича,
Дни и ночи собою ровняя…
Но, как прежде, цвела
По весне алыча,
Хлопья снега в ущелье роняя.
И хранила она
Наш покинутый кров –
Берегла его темные своды.
Уносили цветы,
Будто искры костров,
Аргуна торопливые воды.
… В эти горы придем
Мы дорогою снов,
Чтоб уже никогда не проститься.
Это наша любовь,
И основа основ,
И мечты, и надежды граница.
Дрогнут струны души,
И слова зазвучат…
И застынет в молчании ветер…
Закружат лепестки,
Зацветет алыча,
Растворяясь в серебряном свете.

Мы не сдадим Бамут

Разодрана траками земная твердь…
Это – Бамут.
Здесь временна жизнь и безвременна смерть.
Меня не поймут
Те, с чашкой кофе у камина,
Тлеющего огнем.
Они ж не видели поле минное
С цветами на нем!
Такое поле видел ли ты?
Там и тут
Яркие, желтые смерти цветы
На нем цветут!
Мир, говорят? Это – сказки…
Здесь – Бамут.
Однажды ночью люди в масках
К тебе придут.
Уведут…
В рыжей траве зловещей картиной
Роится страх.
Газопроводы висят паутиной
На деревах…
Остовы домов стоят серы,
Разбиты в прах.
До предела натянуты нервы –
Мрак…мрак…
Но что это?! Голоса слышны –
Дети в школу бегут!
Вопреки законам войны –
Живет разбитый Бамут!
Да, мы верим сейчас с трудом,
Надежда наша, как дым…
Но вот уже где-то строится дом…
Дальше – еще один…
И пусть слова сейчас не в цене –
Знаю, меня поймут:
Мраку,
разрухе,
смерти,
войне –
Мы не сдадим Бамут.

Память

Зайнди Дурдиев

Чеченский характер

Очерк

Теркйист[1] славится в Чечне своими сыновьями. Здесь родились и выросли достойные къонахой – люди чести и благородства, смелые, решительные, храбрые воины. Известные поэты, писатели, ученые, исследователи. Беспримерного мужества и таланта борцы за свободу, достоинство и справедливость. И все они гордились и гордятся, что они с этого чудесного края.

Есть в Теркйист село с красивым и поэтическим названием Лаха-Неврe, то есть Нижний Наур. Есть предположения, что получило село название от своего расположения: Лаха-Неврe расположено в низовье реки Терек. А слово Неврe, скорее всего, произошло от имени собственного Нойр. У теркахой – жителей Притеречья – бытует легенда о герое Нойре, смелом защитнике Теркйист от чужеземцев.

Жил в селе Лаха-Неврe человек необыкновенной судьбы – восьмидесятилетний Юнус Асуханов.

Односельчане с почтением и уважением отзывались о Юнусе. Сверстники при встрече радушно обращались к старцу: «Бабаши (так его звали близкие, друзья и родственники), ты хорошо выглядишь, в твоих глазах молодой задор, а во взгляде неугасающий азарт». Юнус с юмором отвечал: «Зато походка, как у старой клячи».

С детства Юнус отличался своенравным характером. Он не хулиганил, не дерзил, но никто не мог его убедить закончить среднюю школу. Охотно помогал по дому, заботливо относился к матери, младшим братьям; но всегда ему чего-то не хватало.

В юношеские годы Юнуса обуревала жажда риска и подвигов. В любую погоду, ночью или днем, он мог вплавь переплыть Терек. Или, бывало, рискуя жизнью, отправлялся в соседнюю казачью станицу Наурская по хрупкому льду проведать своих друзей. Но молодость и вольная жизнь прошли незаметно.

В 1938 году отца Юнуса, старейшего коммуниста, председателя одного из колхозов Староюртовского района, арестовали. Юспи, отец многодетной семьи, будучи в постоянных разъездах, практически не уделял должного внимания семье. Для него важнее был хозяйственный, партийный долг.

Скоропалительные, принудительные методы коллективизации крестьянских хозяйств Юспи были чужды. За что он и поплатился: его обвинили в непартийном подходе. А вернулся он из заключения за несколько месяцев до выселения чеченцев и ингушей.

С арестом отца Юнус резко изменился. Он не выходил из дома. Мать тяжело переживала его внутреннее состояние и отчужденность. Но была уверена: ее Бабаши – добрый, сердечный, заботливый сын. Младшие три брата вопрошающе смотрели на старшего, ожидая ответа, где их отец, когда он вернется домой. Юнус понимал: вся забота о семье теперь легла на него. А что мог сделать 17-летний юноша без образования, без специальности?

Своенравный, смелый, рисковый, Юнус отличался хорошей памятью и способностью что-то сочинить, смастерить, придумать. Вскоре он с помощью приятелей отца устроился на работу в отделение связи. Подучившись на курсах операторов-телеграфистов, он ловко управлял шнурками и штекерами аппарата.

Все свободное время усиленно занимался по школьной программе, наверстывая упущенное. Постоянное общение с казаками Наурской станицы, их помощь в овладении русской литературой и письменностью позволили Юнусу за год научиться хорошо читать и писать на русском языке. Чеченская

письменность на основе латинского алфавита также была успешно освоена.

Его пригласили на работу в типографию наурской районной газеты. Первое время он работал простым рабочим, а через полгода его перевели переводчиком с чеченского.

В родном селе Юнусу предложили работу с более высокой зарплатой. Но не успел он проработать здесь и год, как началась война.

Первого сентября 1941 года Юнус добровольцем уходит на фронт. На просьбы матери и уговоры родственников остаться, доброволец твердо заявил: «Когда стране навязана война и фашисты рвутся к Москве, гибнут люди, горят города, никто, считающий себя человеком чести, не имеет права отсиживаться дома».

Сборы прошли быстро. Призывников-добровольцев из Дагестана и Чечено-Ингушетии товарным поездом доставили на распредпункт Ростовской области. Юнуса вместе с десятками призывников направили в пехотный полк, дислоцированный в крупном селе, расположенном на левом берегу Дона в Воронежской области.

Каждый день из репродуктора доносилось: советские войска отступают, нанося тяжелые потери немецким захватчикам. Полк, в котором служил Юнус, строил блиндажи и окопы вдоль берега. Во взводе Юнуса не хватало штатного обмундирования и оружия. Ожидали его поступления с тыла.

Наступили осенние холода. Все ближе доносилась канонада тяжелых орудий. В небе часто появлялись немецкие самолеты. Наши летчики вступали в воздушные бои. Фронт приближался. Однажды рано утром Юнус заступил на боевое дежурство. Разглядывая обстановку, чтобы выбрать хороший обзор из окопа, он услышал шелест бумаги под ногами. Взяв в руки лист, он всмотрелся в текст и увидел знакомый алфавит – латинскую письменность. Он еще не успел прочитать содержание найденной немецкой агитлистовки, которая была отпечатана на немецком и русском языках, как сверху его окрикнул старшина взвода и приказал Юнусу подняться к нему. Юнус мигом выскочил из окопа и доложил:

– Рядовой Асуханов на боевом дежурстве!

Старшина потребовал:

– Достань листовку, что ты держал сейчас в руке!

Юнус, вновь спрыгнув в окоп, взял листок и поднялся.

– Командованием фронта издан приказ, запрещающий всему личному составу, гражданским лицам читать и распространять немецкие провокационные листовки. За невыполнение приказа – наказание вплоть до расстрела... Следуйте за мной! – приказал старшина.

Юнуса сначала повели к командиру батальона вместе с ротным, а затем к самому командиру полка. При каждом допросе Юнус спокойно объяснял происхождение листовки. Начальство грозилось суровым наказанием. Командир полка в присутствии нескольких офицеров выслушал командира батальона и обратился к Юнусу:

– Рядовой Асуханов, вы знаете, что за невыполнение приказа командующего фронта вас могут расстрелять?

– Товарищ полковник, – спокойно начал Юнус. – Я добровольно попросился на фронт не для того, чтобы за всякую немецкую листовку меня расстреливали. Если за листовки будут расстреливать красноармейцев, то кто же будет воевать с фашистами? И чем больше вы будете расстреливать, тем больше немцы будут бросать такие бумаги, – помолчав несколько секунд, продолжил: – Я не знаю содержания листовки. Меня заинтересовал алфавит. Должен доложить, что именно латиница является основой чеченской письменности. Если я виноват, накажите. Но дайте сначала боевое задание, а то дома скажут: добровольца Асуханова за немецкую листовку расстреляли.

Полковник, знающий историю Кавказской войны и читавший об отважных, смелых воинах-горцах, особенно чеченцах, задумался и внимательно посмотрел

на Юнуса. Командир полка был уверен, рядовой Асуханов не лукавит, он смелый и решительный.

Юнус был физически развитым человеком. Солдатский бушлат и рукава ему были коротки. Слегка согнутые руки свисали ниже колен, огромные, жилистые, с длинными пальцами кисти смотрелись как лопаты. Широкоплечий, с открытым лицом, ясным и твердым взглядом, он явно не походил на человека трусливого. Напротив, все в нем говорило, что он храбрый и бесстрашный воин.

– Рядовой Асуханов, возьмите этот агитлисток и прочтите на латинском, – распорядился полковник.

Юнус свободно, без запинки прочитал текст.

– Немецким владеете? – спросил комполка.

– Нет, не владею, – был ответ.

Фронтовая разведка распространила разведданные: в 10-15 километрах севернее дислокации пехотного полка замечено несколько лодок, на которых с местными жителями переплавляются немецкие шпионы. Командование армии требовало усилить наблюдение и захватить «языка».

Отпустив бойца с батальонным, комполка обратился к начальнику штаба с вопросом, что тот думает о рядовом Асуханове. Последний посоветовал не торопиться с наказанием. И добавил:

– Ему самое место в разведке.

Командир и начальник распорядились провести в разведгруппе двух-трехдневные занятия с Асухановым и вместе с сержантом из этой группы направить их за «языком».

Через три дня Юнуса вместе с сержантом ночью на автомашине доставили в лесной массив на место предполагаемого перехода немецких шпионов. Помимо экипировки, им выдали трехдневный паек.

Весь световой день разведчики вели наблюдение. У противоположного берега маячили деревянные лодки. Желающих переплыть реку не наблюдалось. Ночью реку покрывал туман. Брал озноб. Юнус был в хорошем настроении. Ему не терпелось встретиться с врагом.

Наступил третий день. Как только на востоке забрезжил рассвет, Юнус осторожно спустился к реке. Сержант Сергей никогда раньше не бывал в разведке. Зато неплохо ориентировался по карте местности.

Туман над рекой стоял плотный, ничего невозможно было разглядеть в двух шагах от себя. Прислушавшись, Юнус понял: по реке что-то движется. Плеск воды от весел постепенно усиливался. Асуханов взбежал на берег, где находился сержант, и, переговорив с ним, быстро спустился назад к реке.

Деревянная лодка с длинным носом причалила к берегу. Из нее выскочил высокий мужчина в кожаной куртке, галифе и сапогах. Схватив за кольцо, он потащил лодку к пологому берегу. В лодке оставались двое. Один из них был одет в немецкую форму, другой – в рабочую одежду. Передав большой вещмешок и объемистую кожаную сумку тому, кто вышел на берег, они собирались уже отплыть.

«Промедление смерти подобно», – промелькнуло у Юнуса. Передернув автомат, Юнус послал длинную очередь по мужчинам, стоящим в лодке. Оба повалились в лодку. А тот, кто вытаскивал лодку, бросился бежать по берегу, стараясь укрыться.

Юнус, пробежав по высокому выступу, в прыжке настиг убегающего и уложил его прикладом автомата на землю. На подмогу Асуханову прибежал сержант и связал пленнику руки.

– Сержант, уходим! – сказал Юнус.

Напарник, захватив вещмешки, мигом вернулся к Юнусу и потащил пленника к лодке.

– Поплывем на лодке, – сказал Юнус.

И стал затаскивать лодку в реку. Загрузив багаж «языка» и его самого, Юнус осмотрел тех, кто оставался в лодке. Оба были мертвы.

Забрав документы и оружие погибших, Юнус выбросил их трупы подальше

от берега. Усадив на дно лодки сержанта и «языка», быстрыми взмахами весел направил лодку вниз по течению.

По расчету сержанта, в полк они должны были прибыть до рассвета. Ориентиром был гужевой мост через реку. Лодка шла ближе к берегу на тот случай, если противник начнет обстрел. Юнус изо всех сил работал веслами.

Когда подплыли к мосту, Юнус поднял сержанта и велел срочно провести разведку на берегу. Вскоре вместе с сержантом к лодке спустились два солдата. Они помогли доставить вещи и пленного к наблюдательному пункту и сразу доложили в штаб.

Пока солдаты угощали чаем разведчиков, к пункту подъехал на полуторке майор. Оттуда пленного и разведчиков доставили в штаб, где их ждали командир и начальник штаба полка.

Полковник поблагодарил Юнуса и сержанта за выполненное задание. Велел адъютанту переодеть и накормить разведчиков.

Юнус и сержант не предполагали, какая крупная «рыба» им попалась. Во второй половине дня командир полка пригласил к себе разведчиков, усадил за стол и стал рассказывать, какой крупный улов у них сегодня был.

Пленный оказался кадровым шпионом немецкой разведки. Следовал в Тулу с особым поручением для встречи с тульским разведцентром. При себе у него была новейшая портативная радиостанция; сведения о наступлении немецкой армии с грифом «совершенно секретно». Пленник сообщил, что в тылу Советского Союза действует многочисленная группа из немецких шпионов и советских предателей. По приказу командующего, пленного уже доставили в штаб армии.

Рядового Асуханова Юнуса Юспиевича и сержанта представили к правительственным наградам, зачислили в разведгруппу полка. Не прошло и месяца, как Юнуса направили на курсы в разведшколу, где готовили разведчиков-шпионов, обучали немецкому языку, политическому и диверсионному «искусству».

Являясь курсантом школы, он неоднократно бывал вместе с группой разведчиков-диверсантов в тылу немцев, взрывал мосты, склады, нефтебазы.

Комполка направил в Надтеречный военкомат на имя родителей Юнуса благодарственное письмо.

Разведчики – это люди особого склада. Стальная выдержка, терпение, бесстрашие, осознание огромной ответственности за порученное дело и судьбу своей Родины. С тяжелыми боями до самой Волги отступали войсковые соединения под командованием генерала Чуйкова. После Сталинградской битвы армейские разведподразделения усилили свою работу.

Юнус Асуханов всю войну прошел в составе частей армии Чуйкова.

В 1943 году разведка получила задание развернуть работу в тылу врага. Юнуса и его группу снабдили необходимыми документами. Все они в совершенстве владели немецким языком, а некоторые могли свободно общаться на чешском и венгерском. Они проникали через фронт на территорию Украины, Венгрии, Чехии, Австрии и через связных выходили на тельманские центры антигитлеровской оппозиции. Их люди работали на многих военно-промышленных закрытых предприятиях и передавали разведчикам важные секретные сведения. Многие сторонники Тельманской оппозиции сидели в тюрьмах и концлагерях. Располагая нужными документами, советские разведчики освобождали, а иногда выкупали своих немецких сотрудников и советских пленников. Советская резидентура совместно с немецкими, чешскими и венгерскими оппозиционерами вела активную антигитлеровскую пропаганду среди рабочих, в германской армии, у их союзников. В одну из своих «командировок» в 1944 году Юнус узнал со страниц немецкой газеты, что его родственник, известный борец против сталинского режима Абдурахман Авторханов находится в Германии в городе Потсдам.

Появление Юнуса в форме немецкого обер-лейтенанта Абдурахман

воспринял очень настороженно и с недовольством. Он не стал с Юнусом разговаривать и назначил встречу в Берлине.

Во время встречи Абдурахман настойчиво требовал объяснений, почему Юнус здесь и в немецкой форме. Он подозревал, что Юнус предатель, немецкий агент. Была и другая мысль, что его послали советские чекисты, чтобы убрать Абдурахмана.

Успокоив и развеяв сомнения Абдурахмана, Юнус дал понять, что он не предатель и не наемный убийца.

Абдурахман жил бедно. Эмигранты никому не нужны. Юнус на прощание передал земляку продовольственные припасы, подарил пистолет.

Абдурахман, успокоившись, объяснил причину своей эмиграции, что он не дезертир и не предатель. Скоро закончится война. Германия ее проиграет. Руки его будут развязаны. Мировое сообщество узнает, какую власть и режим насадили коммунисты в Советском Союзе. Он будет продолжать борьбу до тех пор, пока империя Кремля не развалится.

Пять лет в экстремальных условиях, не получая весточки из дома, от Дона до Сталинграда, через топи и болота Украины и Белоруссии, Восточной Пруссии, в воздухе и на воде, Юнус не раз бывал на волоске от смерти; пересекал огненные рубежи фронтов, чтобы отстоять свою большую Родину – СССР и свою малую, но такую дорогую и любимую – Чечню. Юнус был на особом счету у командования.

Свой боевой путь бесстрашный Юнус завершил в Германии, где получил свою одиннадцатую боевую награду – медаль за взятие Берлина.

В 1946 году ефрейтор Асуханов в составе гвардейского полка из Берлина прибыл в Астрахань. С документом о демобилизации ему вручили на руки еще один документ, дающий право бесплатного проезда в Казахстан и Среднюю Азию. Только тут он узнал о депортации чеченцев и ингушей...

Своих родных Юнус отыскал под Карагандой, в степном кишлаке. Здесь он узнал, что отец освободился в 1943 году. Через некоторое время Юнус перевез родителей и трех братьев в г. Темир-Тау, где строился металлургический завод. Туда же он позже и устроился на работу.

До 1952 года Юнус работал в прокатном цеху обрубщиком листовой стали. Теперь его оружием были огромный секач и тяжелая кувалда.

Как-то в кругу знакомых и друзей Юнус рассказал о встрече с Абдурахманом Авторхановым. Об этом тут же стало известно в КГБ. Сразу же последовал обыск.

Документ, датированный 5 мая 1952 года, Юнус хранил в футляре от батареек слухового аппарата, а в апреле 2002 года он был передан автору этих строк.

Обыск проводился на основании санкции и ордера на арест, выданного прокурором Военного трибунала Среднеазиатского Туркестанского Военного округа.

При обыске были изъяты следующие вещи: государственные займы 1948-1952 гг. на сумму 6550 рублей; три ордена – Красной Звезды, Славы 2-й степени, Отечественной войны, а также медали за освобождение Сталинграда, Крыма, Польши, Восточной Пруссии, Чехословакии, за взятие Берлина, за Отвагу и к ним удостоверения и 17 благодарственных писем от Верховного Главнокомандующего И. Сталина.

«Все изъятое конфискуется, – написано в документе, – и передается в архив КГБ Карагандинской области до особого распоряжения.

Военный трибунал приговорил Юнуса к 25 годам заключения. Несправедливый приговор был отменен лишь в 1955 году.

Наш герой вернулся в город Темир-Тау на свою работу, в прокатный цех.

В 1957 году семья Юнуса вернулась в родное село Лаха-Неврe. От глинобитного родительского дома, как впрочем и от таких же жалких саманных саклей, кроме развалин, ничего не осталось. Вчерашний воин-металлург пошел в строительную бригаду рабочим.

Общительный и жизнерадостный, Юнус пользовался особым почтением,

всегда был в центре внимания. Часто его приглашали в школу на встречу с учащимися.

Но на все его обращения восстановить факт его участия в Великой Отечественной войне ответ был неизменен: вы не реабилитированы, статус участника ВОВ не подлежит восстановлению.

Тогда Юнус обратился непосредственно к маршалу Советского Союза, командовавшему в войну армией, в рядах которой он служил.

И вот в 1965 году в один из майских дней в дверь дома Асуханова постучал офицер Надтеречного райвоенкомата и сказал, что его срочно приглашает военком района. Было это в 20-ю годовщину Победы над фашистской Германией.

Когда Юнус переступил порог кабинета военкома, тот стоя зачитал ему письмо заместителя министра обороны СССР, маршала Советского Союза В.И. Чуйкова, в котором говорилось, что ефрейтор Асуханов Юсуп Юспиевич реабилитирован. Здесь же военком вручил Асуханову удостоверение участника войны и принес свои извинения...

Этот документальный очерк-рассказ был напечатан в 2002 году на страницах газеты «Справедливость», которую издавала чеченская диаспора в Москве. В сентябре 2003 года пресс-служба Президента Ахмат-хаджи Кадырова на его встрече с участниками Великой Отечественной войны и ветеранами труда ознакомила президента с содержанием данного рассказа. Ахмат-хаджи тут же распорядился, чтобы к нему пригласили Юнуса Асуханова.

Встреча состоялась в резиденции Президента. У Юнуса был на руках единственный документ о его прошлом: это третий экземпляр акта, составленный уполномоченным КГБ в 1952 году при его аресте в городе Темир-Тау.

Состоялась очень теплая и трогательная встреча бывшего воина и борца, великого сына чеченского народа Ахмат-хаджи Кадырова. Ахмат-хаджи распорядился выдать Юнусу денежное вознаграждение и заявил, что тот отныне является его советником.

Ахмат-хаджи твердо обещал посетить Лаха-Неврe, встретиться с народом и поблагодарить жителей Теркйист и родных Абдурахмана Авторханова, Мовлида Висаитова, Юнуса Асуханова за воспитание достойных сынов, великих борцов за свободу и независимость России и чеченского народа.

Оба участника встречи ушли из жизни почти в одно время. Но в памяти нашего благодарного народа дела и подвиги великих и славных сынов чеченского народа будут вечны.

По воспоминаниям Юнуса, Ахмат-хаджи был проницательным, чутким и внимательным человеком. Его спокойное, открытое лицо, уверенный взгляд вызывали доверие и теплые чувства к нему. Умел слушать собеседника. Не любил повторяться. Слова и действия его были убедительны.

Ахмат-хаджи был вежлив и ровен со всеми. Человек слова. Принятые решения практически не менял. Чутко следил за развитием событий; предвидел их благодаря своей прозорливости и был тверд, как скала, когда требовалось предотвратить их негативный исход или развитие. Его политика была основана на здравом смысле. Своим долгом он прежде всего считал служение народу.

Когда Ахмат-хаджи поинтересовался жизнью и судьбою Абдурахмана Авторханова, Юнус, посмотрев в глаза Ахмат-хаджи, сказал:

– Вы оба во многом схожи непоколебимостью и духом, верностью борьбе за свободу, глубокой болью за свой народ...

Наступило молчание. Оба собеседника внимательно смотрели друг на друга. Юнус, отводя взгляд, задумчиво посмотрел на свои огрубелые руки с мощными длинными пальцами, опутанные бордовыми четками, и продолжил:

– Уважаемый Ахмат-хаджи, ваша первая поездка в Среднюю Азию, ознакомление с величайшими памятниками исламской культуры Бухары и Самарканда и дальнейшая учеба в старейших духовных учебных заведениях, мне представляется, были связаны с вашим решением поиска пути спасения

и возрождения ислама, мусульманской веры в чеченском народе, который за период советской власти подвергся дискриминации, геноциду. Ведь не секрет: ислам был практически вне закона, за веру в Аллаха людей преследовали, расстреливали. Верующие вынуждены были тайно совершать обряды. Разрушались семьи, родственные, дружеские отношения. Я прошел суровую школу и безрадостную жизнь, как и все мое поколение, но никогда не терял трезвость мысли, не изменял чувству долга перед своим народом. Я глубоко убежден, что и в России, и в Чечне найдутся здоровые силы, трезвые умы, национальные патриоты, которые, объединившись, положат конец этой кровавой войне, спасут Россию от развала, а чеченцев от физического уничтожения. Ваше решительное, смелое, волевое заявление: «Я не остановить хочу эту войну, а покончить с ней раз и навсегда», – уверило народ в том, что вы истинный патриот, национальный лидер. Лжеисламские лозунги восточных экстремистов не преследовали цели нашего воскрешения, и война, навязанная нашему народу лжепатриотами Чечни и народоубийственной политикой ельцинского режима, не преследовала цели свободной и мирной жизни в Чечне. Всемогущий наделил вас праведностью. Когда такой человек берет на себя роль предводителя, вождя, борца за свободу и честь своего народа, народ идет за ним, под его знамя. И тогда, волею Всевышнего, приобретают силу и правду слова великого предводителя арабов XIII века Саладдина, защитника ислама, мусульманского Востока от европейских варваров: «Для спасения государства достаточно одного Великого Человека и Божья Воля». И я молюсь, чтобы вас никогда не покидала сыновья любовь к своему народу и отеческая забота о многострадальной Чечне.

– Да... Все это печальная и верная правда, – соглашаясь с мнением Юнуса, произнес Ахмат-хаджи. – Без веры и консолидации сохранение национальной самобытности народа, защита его свободы, обеспечение мира между людьми невозможно. Для возрождения ислама, воскрешения нашего народа предстоит нелегкая борьба. Чрезвычайно важно, что наш народ сохранил свою веру в нас. В первую очередь, нужно обеспечить мирную жизнь и свободу. Создать людям нормальные условия для жизни. Чечня должна стать обществом высокообразованных профессионалов, людей духовной и светской культуры, независимо от национальной принадлежности, религиозной приверженности. Особой заботой и вниманием должно быть окружено молодое поколение. У меня это вызывает глубокую тревогу. Все религии мира, конфессии должны объединить свои усилия для оздоровления травмированных молодых душ. Всевышний вернул нам свободу, возможность постичь тайны природы; приобщиться к мировому прогрессу. Для этого у нас есть все. Долг каждого – честно и преданно служить во имя национального возрождения нашего народа!

[1] Теркйист (чеч.) – Притеречье.

Поэзи

Исабаева Хьапта

Нохчо

Тоьаш дац хьуна: «Со нохчо ву!» – бахарх ахь,
Ца хаахь хьуна хьайн ненан мотт шера,
Схьаваьлла мичара, бийца лам бацахь,
Т1евахана д1агайта дай баьхна кхерч бацахь.

Оьшуш дац хьуна: «Со нохчо ву!» – баха ахь,
Дай леллачу лар т1е ког баькхина вацахь,
Лам лекхачу ваьлла, гондахьа хьаьжна
Безамца марзо ахь цунах ца эцнехь.

Тоьаш дац хьуна: «Со нохчо ву!» – бахарх ахь,
Дай баьхначу махкахь дог тохалуш вацахь,
Лам лекхачу дайн кхерча хьо воьдуш
Нохчочун санна дог дузуш хьан дацахь.

Оьшуш дац хьуна: «Со нохчо ву!» – баха ахь,
Дайн латтах къаста ца луш хьан дог даслуш дацахь,
Цуьнан хазалла сов яьлла, ала дош доцуш,
Г1ийлачу узамца некъ беш хьо вацахь.

Оьшуш дац хьуна: «Со нохчо ву!» – баха ахь,
Дег1 дуьзна оьзда г1иллакх хьоьца дацахь,
Хьо нохчо хиларх ахь дозалла деш дацахь,
Хьайн къам хестош цуьнан сий деш вацахь

Хьо нохчо ву хьуна хьайн доьзалан да велахь,
Яхь йолуш 1амийна, нийсачу новкъа уьш баьхнехь,
Хьайн къоман вон-дикан верас хилла д1ах1оттахь,
Халкъашна юкъехь хьайн къоман сий дахь.

Г1ойййст

Х1оранна ма хета
Ша кхиъна юрт хаза,
Цу юьртахь дуьххьара
Кхолалло безам а.
Ма хьоме ю суна
Аренаш, бошмаш,
Со ловзуш лелла
Урамаш, некъаш.
Дагна хьо йиц ца ло,
Со кхиъна Г1ойййст,
Къоналлехь хийла со
Лаьттина хинйист.
Иэсехь ас кхобуш ду
Бераллин ловзарш,
Б1аьстенан чам болуш ду
Цигахь ас диъна ирс.
Х1инца-м со генахь ю
Кхиъначу юьртана,
Риц1къано яькхина
Ворх1 ломал дехьа.
Сахьаьвзий йоьду со
Юьрте б1аьрг тоха,
Ц1а йоьрзуш йог1у со
Марзонах дог дуьзна.

Хьерчаш ду сан юьртах
Орга а, Г1ой а,
Кегирхойн са хьаста,
Хи эца дог даста.
Хуур ду ткъа царна
Хан яхна шаьш дисча,
Безам ша бисича
Кхечуьнан дог хьаста.
Сан дагна там хуьлу,
Сан юрт, хьо хазлуш,
Дог-майра кегирхой
Дуккха а кхуьуш.
Ма ирча хетало
Баккхийнаш д1абовлуш,
Ма ч1ог1а оьшур ду
Церан а васташ.
Яхалахь хьо маьрша,
Де-дийне хазлуш,
Кхуьийла доьзалаш,
Барт болуш, эхь долуш,
Сий долу мехкарий,
Яхь йолу къонахий,
Т1аьхьарчу т1аьхьенна,
Диканна дош долуш.

Г1ан

Суна го г1енаха:
Йоьду со пана д1а
Хийрачу цу махка
Хан яькха генахьа.
Д1акхаьчча го суна
Адамаш тамаше,
Яхь йоцуш, юьхь йоцуш,
Мохк боцуш, эшаме,
Бехк боцуш, эхь доцуш
Сийсаза шаьш бевла,
Сискалах 1ехалуш,
Дилханах буьзна.
Оьздачу дег1а т1е
Кхин духар дуьйхина,
Доьзалло чеха деш,
Ца лоруш да-нана
Гергарло ва доцуш,
Г1иллакхаш д1а девла.
Шаьш шайна чу боьрзуш,
Йиш-ваша ца оьшуш,
Мохк битна, дин дитна
Дакъаза бовлуш.
Ца лаьа суна ткъа
Г1ан семах хуьлийла.
Дерзийша, адамаш,
Шайн махка даха ц1а,
Мел хиларх г1ийла вай
Мохк бу вайн дийна
ма гойла г1енах а
Иштта вон вайна.

Проза

Алиев Мохьмад

Даьгна нур

Дийцар

Б1аьстенан бовха кхеттачу малхах сарралц 1индаг1ашкахь левчкъина а 1ийна, шайн хазчу эшаршка девллачу олхазаршка ла а доьг1уш, дас шийла шовданан хи дан яхийтина ойланашка яьлла йог1ура Пет1амат. Йо1 ц1а ян хьеяларна сагатделла кет1ахь лаьттара цуьнан нана Хеда. «Зуда, и йо1 ма хьеелла, цо х1ун леладо хьажал!» – бохуш, чуьра аракхойкхуш Пет1аматан да Х1арон а волуш, некъо голатухучохь гучуелира йо1. «Оффай-кха, ма са дии-кха ахь сан!» – аьлла, йо1 ц1а йог1уш хилар хаийтира Хедас шен х1усамдега. Кет1ахь лаьтташ шен нана гина, болар сихдира йо1а.

– Йо1, ахь х1ун леладо, хьо гал-м ца яьлла, хьан да оьг1азвахана ма ву, хьо хьеелла бохуш, хьо х1ун деш яра?

– Нана, дов ма дехьа, со ц1а ма еъна! – аьлла, нанна хьастаелира йо1.

– Дов-м ца дора ас хьуна, делахь са дии-кх ахь, – аьлла, йо1 хьастаелча са к1адделла: «Яло, хьайн дена хи хьо!» – аьлла, йо1 да волчу а хьажийна, цуьнан ойла ян елира нана. «Д1асахьаьжна а ялале, кхиъна ели-кх хьо, кеста захалш а бевр бу, 1имранна цхьа нускал далийча-м хала а ца хетара захалонаш хьахорах, цунна бина г1айг1а а боцуш, цхьаммо захало хьахадахь ду-кха галдаьлларг; воккхах волу ваша д1а а тарвале, маре муха йохуьйтур ю?!» – бохуш, ойлаеш Хеда а йолуш, уьйт1а еара оцу юьртахь шен эладитанца евзаш йолу кхеран лулахо Хьасипат: «Суьйре дика хуьлда хьан, Хеда!» – олуш. Амма Хедина хиира т1е ма-хьаьжжинехь и цхьаъ дохьуш еъний.

– Диканца дукха ехийла хьо а, хьо лаа леларий?

– Дера со-м сагатделла хьо х1ун деш ю хьажа еънера, – аьлла, дехьа яьлла, кхоьссина лаьттачу гуьйриг т1е охьахиира лулахо. Хьасипат д1аяха ца еъний, иза цхьаъ дохьуш еъний а хиъна, уллехь йолчу цхьана дечиг т1е охьахиира Хеда. Кхин башха йистхилар доцуш хиъна 1ара ши зуда, «Муха д1адоладе-те?» – бохуш, Хьасипат, «Х1ун дохьуш еъна-те х1ара эладитанча?» – бохуш, Хеда а. Юьртахь цхьанне езаш яцара Хьасипат, цуьнан мотт бахьана долуш. Г1уллакх ца хиладоллий а хиъна, са а ца тохаделла, шен къамел д1адолийра Хьасипата.

– Гой хьуна, Хеда, со яра, кха т1ера йог1уш, гихь бецан мохь а болуш, хьаг а елла хи мер дар-кха аьлла, хи т1е йирзира со, – аьлла, жимма йовхарш тоьхна сецира важа.

– Хьасипат, хьо хьагъелла хир юй а хаьа, ахь гихь беъначу бецан маьхьарца сан г1уллакх дац, дийций ялахьа, сан дандезарг дукха ду декъа т1ехь, – аьлла, шен 1ан йиш ца хилар хаийтира Хедас.

– Со-м кхин х1умма ала ца г1ертара, тахана оцу шовданан коьртехь хьан йо1 яр-кха вайн юьртарчу Замраилан к1антаца Шамсуддица лаьтташ, – аьлла, ша дуьйцург саца а дина, Хедас х1ун олу хьажа сецира Хьасипат. Ела а къежна, д1аса корта а ластийна, йоь1ан нанас элира:

– Х1ун ду и йо1 к1антаца хинкоьртехь лаьттича, йо1 маре яха а еза, к1анта зуда ялон а еза, цундела уьш хинкоьртехь вовшахбеттало-кха, ткъа хьо суна керланиг дохьуш еъна, эхь долуш х1ума-м ца дина сан йо1а? – аьлла, цо дуьйцучунна ша реза ца хилар хаийтира Хедас.

– Вай, со-м т1ехйолушшехь йист хир яр-кха аьлла, чуйирзинера, д1айоьду со-м, – аьлла, г1уллакх ша бохучу т1ег1ан т1е ца даьлча, кехъяьлла д1аяхара Хьасипат.

Цунна т1аьхьахьоьжуш, ойланаш еш дукха лаьттира Хеда. Цунна дагадеара масийтта шо хьалха, Хьасипата юкъа мотт лелийна, юьртахь галдаькккхина захало. Ткъа, Хьасипатан ц1ийнада, юкъахь баккхий доьзалш хиларна цунна

дан х1ума а ца хилла виснера. Хеда цецъюьйлура Хьасипатах а, и санна болчу нахах а. Цо ша-шега хоьттура: «Х1унда белла-те Дала оцу нахана мотт?» – бохуш, амма оцу хаттарна жоп дацара цуьнан. «Цунна, Шена дика хуур дукха», – аьлла, юха ойлане яхна Хьасипата дийцинарг дагахь листа елира Хеда.

«Шамсудди-м хьа ву дика к1ант, дикчу ден а ма ву, нагахь цара т1е нах бахкийтахь х1ун дийр ду, вешийна зуда а ялаяле йо1 маре яхийтина эр ду наха, нагахь шайна йо1 езахь, оха к1антаца цхьалхо яккхалц 1ийр бу», – аьлла, шен г1уллакхаш дан яхара Хеда. Ткъа нанна-м ца хаьара тахана шен йо1а Шамсуддина вашас зуда ялийча (иза мацца хилахь а), йог1ур ю аьлла, тешамна кара йовлакх деллий. Пет1амат ша а яцара вашас зуда ялаяллац маре яха ойла йолуш, шен вешин сий ч1ог1а дора йо1а. Амма и хаза сирла денош гена д1адаха ца доьг1на хиллера-кх йоь1ан дахарехь.

Цхьана 1уьйрана ламаз а дина арахь хиъна 1аш Х1арон а волуш, уьйт1а баьхкира кхунна ца бевза нах. Церан кхоьлинчу яххьашка хьаьжча Х1аронна хиира уьш диканиг дохьуш ца баьхкиний. Хьал-де а хаьттина шаьш парг1атдевлча, къамел долийра х1усамдас:

– Цкъа чу девлла, юучух кхетар ду вай, т1аккха аш деанчу г1уллакхе а хьовсур ду! – аьлла. Жимма цуьнга ла а доьг1на, къамел долийра баьхкинчех воккхачо.

– Тхо чу даьхкина а 1ийр дацара, ахь пурба делча тхаьш деъна г1уллакх хьуна довзийта лаьара тхуна.

Хьеший диканиг ца дохьуш баьхкинчух тера хеташ, цхьана вочу х1уманна дог кхиъна волу Х1арон, ц1а ванза волчу шен к1антана т1ехь ойла лаьтташ волу, уьйт1ахь уьш охьа а ховшийтина, цаьрга ладоьг1на ирахь сецира.

– Х1арон, тхо шуна вон кхаъ бохьуш даьхкина. Делан кхиэл ю лелларг, дардацар хиллачохь, сийсара тхан юьртахь хиллачу ловзаргахь шаьлта а кхетта, валар хилла шун к1ентан. К1ант кечвина оха схьавалийна. Тхо шуьга хаийта даьхкина. Оцу к1антаца цхьаберш эвлайистехь 1аш бу. Хала-м ду х1ара саннарг, дег1а ваханчу шен доьзалхочух дерг хаар, делахь, Делан кхел лелаш ю-кха, Х1арон. Ахь х1ун олу? – аьлла, шен къамел дерзийра цо.

Кийрахь ц1е кхерстира Х1аронна. Деле шена собар а дехна, шех ледарло яларна а кхоьруш, жимма ойлаеш а 1ийна, «К1ант ц1а валаве, шуна Дела реза хуьлда аш лелийначунна!» – аьлла, схьавоьрзушшехь, чохь Пет1аматан мохь белира, шен вешин 1имранан ц1е а йоккхуш. «Нанас винарг, юххе вала ваша воций, я и жима вуй хууш атта хетта-те, тешнабехк бина-те хьуна? Ас Делаца ч1аг1о ма йо хьуна, и мухха делахь а, хьан ч1ир ца оьцуш лаьтта кийра ца ерза. Со тахана ваша а ву хьан, йиша а ю хьан, кхин стаг дуьненчохь ца хилча а, ас хьо вуьтур вац-кха, и къонахалла ю хьуна соьгахь!» – аьлла. И йишин ч1аг1о массарна хезира, цо уьш цхьана ханна 1адийна бист ца хуьлуш совца а бира. Пет1амата ша-шена йина ч1аг1о яра иза, цхьанне хазийта йина а яцара. Х1ораммо а ша-шега хоьттура: «Муха хир-те кхуьнан чаккхе?» – бохуш.

1имран д1авоьллира, тезет чекхделира, куьгбехке боцурш т1е а битира. Амма, куьгбехкениг къайлаваьллера. Волчарна а ца хаьара цунах хилларг. Наха дийцарехь 1имранна цо тешнабехк бинера. Ловзаргахь йо1 къевсина вистхила дехьаволуш, тешшийтина шаьлта тоьхна бохуш дуьйцура тешхиллачара.

Йоь1ан дог туьйш дацара. Вешин самукъне, дуьненах даккхийдуьйш долу б1аьргаш дуьхьалтуьйсура цунна. Наб еш а яцара иза, юучух а хаьдда йолуш лаьттара. 1имран, вийна ц1а валийначу дийнахь даге кхеттачу лазаро де-дийне мелдолу ницкъбеш, охьате1а воьллера Х1арон. Денна худалуш чекхволуш волу шен да а гора йо1ана. Цо а ч1аг1йора иза шен ч1аг1он т1ехь.

Ишта цхьана суьйранна йо1 шен вешин ойла а еш, цуьнан дикалла дага а лоьцуш: «Ма дика ваша вара хьо, хьайн декъа т1ехь г1уллакхдеш, юьртахь оьшучунна накъост а волуш, бусулба 1илма 1амо а г1ерташ, дахарчу волуш вар-кха хьо, ма ишта д1аваха хьакъволуш к1ант вацара хьо!» – бохуш, йоьлхуш 1ачу хенахь, чуеара нана.

– Йо1, ахь лелориг дош дац, юуш яц хьо, молуш а яц, виснарг ца ваьхча ца волу, ма леладе и х1ума! – аьлла.

– Нана, оцу вайн мостаг1чо чуузу са а новкъа ду-кха суна. Дада могуш вац х1умма лело, ткъа вайн нах х1умма деш бац, уьш мостаг1 лохуш а бац, дукха парг1ат 1аш бу. Я ч1ир екха дагахь а бац, ткъа ас айса биъна дуй кхочушбийр болуш бу хьуна, наха шайна цхьацца олий хаьий-те оцу вайн нахана?!

– Йо1, ахь х1ун дуьйцу, хьо ларт1ехь юй, хьуна мичахь гина йо1а ч1ир йоькхуш? Оцунна божарий ма бу, кхин дош ца олуш охьайижал, хьан дена хиъча мегар долуш къамел дац иза, ишта а могуш воцуш, хала лелаш волчу цунна, бала бан г1ерта хьо, вайн нах и лоьхуш бу, хьо сиха ю, ведда воьдушшехь ма ца нисло и саннарг. Ткъа наха дуьйцучунга ла ма дег1алахь, наха-м эвлаяашна а баьхна. Зударий, божарша де аьлларг деш 1ийчахьана бовлу, дерриг хьуна дуьйцийла яц, божарша шаьш лелориг зударшка дийца а ца дуьйцу, хьайн коьртера 1овдал ойланаш д1а а яхий, охьайижа, – аьлла, нана йижа чуяхара. Охьа-м йижира йо1, кхин а ч1аг1он т1ехь ч1аг1ъелира иза шен вешин ч1ир эца.

Шераш д1адоьлхура, пхи шо хан яьллера и зулам Х1аронаг1еран керта деъна, мостаг1, вахна меттиг боцуш, вайнера. Х1аронан тайпанан нах и кара а ца вина, къарбелла севццера. Я оьрсийн махка вахна хир ву я велла хир ву, цкъа мацца гучувалахь д1айоькхур ю ч1ир аьлла.

Ткъа Шамсудди безамо денна вагош, Пет1амате вистхилар товш ца хеташ, таь1на лелара. Ц1ахь а хьийзош вара иза, Пет1амат ч1ир кхобуш ю, и хьоьга йог1ур яц, хьайна зуда ялае бохуш. Амма, Шамсуддис Пет1аматах дог ца дуьллура.

Иштта цхьана дийнахь хи т1е еъначу Пет1аматна т1екхечира Шамсудди. Ший а доьхна вовшашка хьаьжначохь сецира. Сиха меттаеъна йо1 д1айолаелира, наха цхьаъ аларна кхийрина. Амма, дуьхьалъиккхинчу к1анта ши дош аллалц сацахьара аьлла, дийхира. Йо1 ладоьг1на сецира.

– Пет1амат, вайшимма дийцина цхьа х1ума ма дара, ахь пхи шо бахахь, пхи шо, итт шо бахахь – итт шарахь со хьоьга хьежа реза ву, айхьа деллачу даша т1ехь юй хьо, цкъа мацца еъна а соьга йог1ур юй хьо? – аьлла, йо1а х1ун олу хьаьжна, ладоьг1на сецира к1ант.

– Шамсудди, соьга ма хьежа, хьайна зуда ялае, сан дахаран нур даьгна, сох догдилла! – аьлла, сихачу боларца д1аяхара йо1.

Веха лаьттира к1ант хинкоьртехь. Амма, Пет1амат д1а а теттина, кхечуьнан б1аьра хьажалур ву бохург бакъ дацара цуьнан ойланашка хьаьжча.

Кхин латтарх г1уллакх хир доций а хиъна, г1ийлачу ойланца ц1ехьа вог1учу к1антана ца хезара шега бетта мохь. Юха а цхьаъ кхойкхуш а хезна юхахьаьжча, Шамсуддина гира говр хьийзош динбере. «Накъост, хьо соьга кхайкхирий?» – аьлла, к1ант ладоьг1на сецира. «Къонах, хьо цхьана х1умано вагийна вог1у моьтту суна, соьгара г1о оьший-те хьуна?» – элира беречо, г1еххьа вела а къежаш. «Х1ан-х1а, ца оьшу», – аьлла, Шамсудди д1аволавелира. Динбере а, 1одика а йина, д1авахара. Амма, Шамсуддина и стаг шена вевзаш санна хийтира, цуьнан велакъажар шена девзаш санна хийтира. Мел дагадахкийта г1ортарх цуьнан аматаш дага ца дог1ура цунна.

Иштта и ойланашкахь волуш буьйса а д1аелира. Шолг1ачу дийнахь Пет1аматг1еран лулара цхьа зуда яхийтира цо йо1е хит1е йола аьлла. Хьен ца луш юхаеанчу зудчо йо1 ц1ахь яц селхана дуьйна, цунах хилларг хууш стаг а вац, цуьнан нах и лоьхуш бу, элира. Шамсудди т1аккха кхийтира, селхана шена гина динбере Пет1амат хиларх. «Дакъаза ма яла хьо, Пет1амат, х1ун дагахь араяьлла-те хьо, дуьйцуш хезна х1ума дац-кха ахь юьхьарлаьцнарг» – аьлла, шен кийра яьллачу ц1арна дан х1ума доцуш б1арзвелла ц1а иккхина, сиха говра т1е нуьйр а тиллина, Пет1амат яханчу аг1ор говр д1ахийцира к1анта.

Шамсуддица хинкоьртехь къамел хиллачул т1аьхьа ц1а а еъна, шен вешин духар т1е а дуьйхина, герзаш юкъ къовлуш д1а а дихкина, шен полша, пезагаш говран таьлсаш чу а ехкина (эшахь аьлла), дена-нанна ца хоуьйтуш шен вешин хилла дин ара а баькхина, шен жимха волчу, итт шо долчу вешега Исламе, т1е х1ума а юхий, ден говрахь шена т1аьхьа вола, ша эвла йистехь хьоьжур

ю, вай стенга доьлхуш ду аьлла, вашас хаттарх и ца вохийта, цунна жоп ца луш: «Сихо елахь, вайшиммо лелориг массарах хьулделахь!» – аьлла, новкъахь Шамсуддица 1одика а йина, ша биъна дуй кхочушбан яхара Пет1амат. Йо11а-м цхьа воцуш ша г1ур йолуш яра х1умма ийза а ца луш, и къонахалла яра цуьнгахь, делахь, ша яхар товш ца хетта, жима велахь ваша а ву, накъост а оьшур ву аьлла, йилленче д1акхайкхира цо Ислам.

Йо1ана хезнера, шен ваша вийнарг кхечу махкара ц1а вирзина, дийнахь цхьана ломан хьехахь 1аш ву, амма буьйсана ц1а вог1у, башха къехкаш а вац, аьлла. «Х1инца масийтта шо а даьлла, со башха сан мостаг1аша лоьхуш вац», – бохуш, эвхьаза лела воьлла. И хабар а Хьасипата деънера цунна.

Пет1амат шен вешийца Исламаца мостаг1 вехачу юьрта йисте кхочуш, суьйре яра. Шаьшшинан дой дажа д1а а хецна, цхьана боккхачу ножа к1ел сада1а д1атевжира и шиъ. Г1еххьа Пет1аматна наб озочу хенахь етташ вота, лоькхуш пондар а хезна, самаяьллачу кхунна т1евог1уш шиъ динбере гина, шен дег1 нисдеш хьалаг1еттира иза.

– Ассаламу 1алайкум, мехкан доцу хьеший, дой дажа а хецна, шу х1ун деш 1а тхан юьрта йистехь, дайн г1иллакхаш тхо дицделла дац х1инца, тхан юрт юьхь1аьржа х1отто г1ерта-те шу, кхетавейша тхойшиъ шаьш лелочух?

– Ва 1алайкум салам, Делера салам-маршалла хуьлда шуьшинна а, ч1ог1а юьхь1аьржа ду тхо шуьшинна хьалха, цхьа хабар эцна доьлхуш дара тхо, шу ца ларар а дацара, шуна ала х1ума а дацара, делахь жимма говрашка чож а тохийтина (сада1ийтина) д1аг1ур ву-кха аьлла сецнера тхойшиъ, бег1ийла доцуш нисдели-кха х1ара, – аьлла, йоьхна хьаьвзира йо1.

– Х1умма дац ишта делахь-м, х1инца башха галдаьлла х1ума а дац, дерриг д1анислур долуш х1ума ду х1ара, юьртахь х1уттуш доккха ловзар ду, оха деза хьеший дийр ду шух, дуьло тхоьца, ткъа аш хьушдолу хабар, мегар делахь, тхоьха муьлххачо а д1ахьур ду.

– Хаьа суна аш хьаша вийр вуй а, шу ледара хир доций а, аш пурба делча тхо новкъа девр дара, шух ца тешар а дац, аша оха новкъа баькхина некъ кхочушбийр буй а хаьа, делахь а, тхайна т1едиллинарг тхаьш кхочушдан лаар ду, – аьлла, и ши бере кочара ваккха г1оьртира йо1.

– Шу хабар эцна доьлхуш хиларна д1адаха пурба ло оха шуна, лаахь тхойшиъ накъост ву шуна, вуьшта лаа-м лаьара шух тхайн хьеший дан, – аьлла, д1авахара ши динбере.

«Ккузахь 1ахь вайша нахала дер ду, хьуьн чу дахна, цигахь собар дан деза вайшиммо», – аьлла, шайн говрашка а хевшина, хьуьн чу дахара и шиъ. И дерриг къамел хезаш коьллашна т1ехьа ладоьг1уш а 1ийна, цаьршиммо х1ун леладо хьажа т1аьхьа вахара Шамсудди, ша вуй а ца хоуьйтуш. Иза воккхавера, ца хууш нисвеллехь а, ша цаьршинна т1енисваларх. «Х1инца-м хала дацара хьо б1аьрга1уьналлера ца ялийта», – аьлла, Пет1аматна, Исламана гур йоцчу говр д1а а тесна, лечкъаш цаьршинна юххехьа вахара Шамсудди. Амма шена гинчу суьрто цецваькхина лаьттара иза.

Х1инцца хиллачу динберечух, шарула к1айн полша а юьйхина, исбаьхьа хаза йо1 хилла лаьттара. «Йо сан Дела, х1ун дагахь лела-те х1ара йо1, х1ун дан г1ерта-те хьо, х1ара бер т1аьхьа а тесна? Г1о хьуна эша там бу, цхьаьний чекхдоккхур вайшимо ахь долийнарг», – аьлла, 1арж а ялийтина, юьрта доьдучу цаьршинна т1аьхьа вахара Шамсудди. Ткъа йо1, таь1ина йол-йолчухула нахана ца гойтуш, ша полша, пезагаш схьаэцна хиларх йоккхаеш, ийши-кха шу суна бохуш, ловзарна т1е яхара, ткъа Ислам божарий болчу хьажийра цо.

Юккъехь латийна йоккха ц1е а йолуш, д1адоьдуш доккха ловзар дара, мехкарийн мог1аршна т1ехьа д1ах1оьттира Пет1амат. Цхьаммо цуьнан тидам а ца бира. Ткъа к1ентийн мог1аршна т1ехьа а ваьлла, цуьнан тергам бан х1оьттира Шамсудди. К1енташна юкъа хьожуш 1ара йо1. Хелхаяла аьлча, хелха а ца йолура иза. К1ант кхийтира цо лелочух. Иза шен мостаг1 лоьхуш яра. Ткъа йо1а ойла йора, хийцавелла хир ву, вевзар вац-те бохуш. Кхеран юьрта вог1уш вара иза, шен ненахой болчу, цундела ца вевзийла дацара, хан яьллехь

а. К1енташа дукха хабарш кхоьхьуьйтура йо1ана т1е. Цкъа-шозза хелхаяла а дийзира цуьнан.

Ловзар гуттар толучу хенахь, 1аьржа чоа, 1аьржа куй, оццу басахь башлакх а йолуш, хелхавала юкъавелира цхьа къонах. Леррина цуьнга хьоьжура йо1. Дийца ца оьшуш вевзира Пет1аматна шен ваша вийнарг. Човс т1е а кхайкхина, кхуьнга а хьаьжна, цхьаъ элира хелхавала юкъаваьллачо. Йо1 хелхаяла юкъакхайкхира човсо. Шен дас пхийтта шо кхочуш шена совг1атна елла дашо варкъ даьккхина жима шаьлта пхьуьйшара схьаяккха томехь д1а а нисйина, хелхарна юкъаелира йо1.

Цкъа а ца яьллачу тайпана шуьйра т1ам хоьцуш хелхахьаьвзира иза. Т1аьхьа ца вуьсуш, дика хелхаволура к1ант а. Сих-сиха, шен г1иллакхдацар гойтуш, лере а таь1ий, цхьаъ олура к1анта Пет1амате. Ямартхочун «г1иллакхан» кхин цхьаъ а тоьшалла гайтира ч1ирхочо. Амма цо дуьйцург хезаш яцара йо1. Цуьнан дагахь верг, цо вийна шен ваша вара. Юха цхьаъ ала хелхарча юххе матаь11инехь, пхьуьйшара схьаяькхина дог лоцуш шаьлта туьйхира йо1а. Голаш т1е охьавахара важа. Зударийн маьхьарий девлира. Божарий т1ехьаьлхира.

Цхьаммо мохь туьйхира: «Цо вийнарг шен ваша вийнарг ву, т1е ма г1ерта шена соьца мостаг1алла ца дезарг, йо1ах кхид1а жоп луш верг со ву», – аьлла, цхьана куьйга шаьлта, вукха куьйгахь мажартапча а йолуш лаьттачу къонахчух б1аьрг кхетча, адам юхаделира. Нах долучунах кхетта, ладоьг1на севцира. Даг т1е диллина куьг а долуш, йо1е хьалахьаьжира лазийнарг. Ткъа йо1 буйнахь шаьлта а йолуш, 1адийча санна лаьтташ яра.

«Пет1амат, ца евзир-кха хьо суна, евзинехь хьан вешин санна, ас са доккхур дар-кха хьан а. Суна хаза ма хезнера ахь со вен дуй биъна бохуш!» – аьлла, охьавуьйжира мостаг1. Шен т1аьххьара садолуш а, гайтира цо шен ямарт догойла.

Меллаша мохьтоьхначуьнгахьа схьайирзира йо1. Юххехь лаьтташ шена веза к1ант, цуьнца шаьлта а яькккхина лаьтташ шен ваша Ислам а гича, охьахьаьвдира йоь1ан б1аьргех хиш. Жима велахь а, шен йишин букъ ларбан х1оьттинера ваша.

Пет1аматна хиира, жима ву бохуш ша лелориг цунах лечкъийнехь а, кхид1а дахарехь иза шена йоккха г1ортор юй.

Тийналла х1оьттинера ловзар хиллачохь. Х1ора а лаьттара хиллачун ойлаеш, кхид1а х1ун хуьлу-те бохуш. И тийналла йохош дас элира:

«Яло, Пет1амат, д1адоьлху вай, чекхдели х1ара х1инца!» – аьлла. Кхеран лар хьовзийна баьхкина да Х1арон а, берриг тайпанан нах а лаьттара йо1ана го бина. Ткъа дехьо вухахилла, йоь1ан нахана меттиг белла, г1иллакх лаьцна, ша ца гойтуш Шамсудди а.

Ваша а вийна, къизачу дахаро чахчийна лазийначу йо1ан дагах х1ун хир ду кхид1а, х1ун къайленаш кечйина цо цунна ала-м хуур дацара цхьанне а. Ямартлоно, тешнабехко, Пет1аматан санна, хийла йоь1ан а, к1ентан а дагадокха дахаран нур.

Муса Баркинхоев
Республика Ингушетия

Пишет стихи, афоризмы, рассказы, очерки, сказки, пьесы. Образование высшее, квалификация – юрист. Написал две повести, посвященные военным летчикам: «Время Взлета и Стратегия Полета» (2003), «Сиреневый Вальс» (2003).

Дважды лауреат Республиканского конкурса «Золотое Перо» в номинациях «Поэзия» и «Проза».

Автор двух любительских изданий: «Стена Вокруг Мира» (2007), «Выше Звезд» (2008). Участник Совещаний молодых писателей Северного Кавказа (Нальчик-2008, Майкоп-2009, Домбай-2010), Форума молодых писателей России (Москва – Липки-2009). Вошел в «Каталог лучших произведений молодых писателей России» (М, «Норма», 2010) по итогам Форума 2009 года.

Публиковался в газетах и журналах: «Литературная Ингушетия», «Нана», «Звезда», «Веста», «Гений», «Вестник-Лам», «Москва», в коллективных сборниках: «Молодые писатели России», «Пролог».

Батальон уходит на рассвете

Рассказ

Было необычайно тихо, и капитан Тамерлан Мальсагов подумал о том, что такие ночи с крупными, как абрикосы, звездами, часто бывают в его родной Ингушетии.

Он только что проводил седьмую роту и спецвзвод боевого обеспечения. Старший лейтенант Муса Джамбулатов повел людей в ночь через горы. Им предстояло участвовать в сложных ночных учениях, и ближайшая задача состояла в том, чтобы к рассвету закрыть ущелье. Главные же силы батальона должны были начать движение в три ноль-ноль, переправиться через реку и в срок выйти в заданный район.

Наступил час ужина, но не видно было ни костров, ни дыма полевых кухонь. Не слышно было шума моторов БМП. Они замерли полукольцом, прикрытые бруствером из булыжников, каждая на своей, определенной необходимостью и в строго очерченной позиции. А впереди затаилось боевое охранение. Капитан Мальсагов возвращался на КП батальона, где должны были собраться командиры подразделений и офицеры управления. Шел и думал о том, как сложится завтрашний день. Как покажет себя новый комбат, потому что, если будешь ты и семи пядей во лбу, но после Руслана Аушева командовать батальоном ох как трудно. Герой Советского Союза, гордость военного офицерства и генералитета, самый молодой генерал в СССР, талантливый военный стратег, достойный сын ингушского народа, доблестный и отважный Руслан Аушев уехал на учебу в военную академию им. Фрунзе и, как говорили солдаты и офицеры, «увез с собой сердца подчиненных».

Он был для них высшей честью советской воинской доблести и славы. И останется в их сердцах навсегда. Они все его любили и уважали. И не было для Мальсагова секретом, что к новому командиру приглядываются, сравнивают с прежним и еще долго, наверное, будут сравнивать. На отгороженной боевыми машинами площадке стоял выносной стол, над которым была подвешена переноска. На стене расстелена карта боевых позиций, и над ней склонились новый комбат, подполковник Михаил Дунайцев и новый начальник штаба майор

Адам Аушев, родной брат Руслана. Увидев своего заместителя по вооружению, Дунайцев спросил:

– Тамерлан, как там у бойцов настроение?

– Отличное настроение, командир, – ответил Мальсагов.

Командиры рот и взводов собрались все сразу. От пятой, родной роты Мальсагова, где он до недавнего времени занимал должность командира, прибыл лейтенант Ворошилов. Высокий, статный, голубоглазый, с добродушным и благородным, одухотворенным лицом, он был строгим офицером и добрым наставником для солдат. За глаза они его называли просто – Саня, выказывая этим безграничное уважение и признательность за ежедневные командирские заботы.

Докладывали коротко и по уставу о расстановке рот, взводов, отделений, проверке вооружения, наличии боеприпасов и сухого пайка. А неразговорчивый командир восьмой роты – старший лейтенант Павел Соболев – вообще обошелся всего двумя фразами.

После постановки боевой задачи Дунайцев сказал совсем не по-командирски:

– Всем свободным от службы – спать. По часу – на каждый глаз.

Простота и лаконичность комбата понравилась Мальсагову. Вот так и Аушев не любил долгих разговоров и пустых слов. Командовал прямо и конкретно.

– Пойдете с пятой, – сказал ему Дунайцев. – Я – с шестой. Начштаба – на КП.

И это было правильно и справедливо, потому что солдат пятой роты капитан Мальсагов знал наперечет. Ему и по долгу службы, по обязанности офицерской ответственности положено было знать людей, их настроение, нужды, нрав и характер. Служба в Афганистане такова, что все солдатские радости и печали на виду, и Мальсагову было давно известно, кто чем дышит, кто на что способен, кто от кого ждет писем и кто о чем думает сейчас, в эту теплую звездную ночь.

Пятая рота располагалась рядом с командным пунктом батальона. Хотя и поступила команда «спать», однако народ тихо колготился, пристроившись на ночлег кто где. Тоненький и стройный, как лозинка, рядовой Омаров, притулясь к башне БМП, что-то бормотал, записывал в тетрадку. Капитан Мальсагов был одним из первых слушателей и читателей его стихов, сначала на таджикском языке и тут же в его переводе на русском. Омаров писал о походах, о белых памирских горах, снегах, командирах и черных глазах любимой девушки, которой, к сожалению, у него не было. В ближайшем к БМП окопе устроился снайпер сержант Байсангур Хадиров, маленький, жилистый и до предела отчаянный, даже рисковый. В соседнем окопе сидел малообщительный и скромный Петр Герасимов. В свободное время он подолгу писал кому-то письма, но не отправлял их, а складывал в вещмешок. Когда в роту приходила почта, тоскливо и безнадежно взглядывал на почтальона.

Обходил офицер Мальсагов позиции пятой роты, заговаривал с людьми и размышлял о том, что служба в Афганистане и есть проверка на крепость и выносливость. Как бы ни выглядели внешне молодые люди, какие бы черты характера и замашки ни имели, экстремальные обстоятельства все расставляют по своим местам, обнажают нутро, самую что ни на есть человеческую суть. А суть у всех одна – советская, интернациональная. И слово «традиция» обретает в таких обстоятельствах особый, утвердившийся смысл, который ведет при необходимости на подвиг и заставляет безоглядно распахнуть душу навстречу другому человеку.

Сегодня днем Мальсагов вручил экипажу БМП во главе с лейтенантом Алексеем Соколовым памятную медаль имени Александра Исаева. Из истории части: их было трое в разведке, вынужденных принять неравный бой. Александр Исаев был кадровым военным офицером-разведчиком. Он был ранен и по кодексу офицерской чести понимал, что всем оторваться от противника не удастся, а сведения о нем в штабе были нужны позарез. И он отдал свое последнее распоряжение: «Уходите через зеленую зону. Я прикрою». Кончились патроны и гранаты. Осталась одна единственная, которую он берег для себя. И когда с

торжествующим воем враги кинулись к раненому разведчику, раздался взрыв…

«Исаеву было столько лет, сколько и лейтенанту Соколову, – подумал Тамерлан Мальсагов, вручая памятную медаль. – Видно, не нашлось фотокарточки Исаева в офицерской форме, не до фотографирования было в сумятице боев. А родные прислали довоенную – в пиджаке и белой рубашке при галстуке».

Таким и изобразило Исаева на медали государственное производство. Мальсагов услышал неторопливый говор лейтенанта Соколова, сетовавшего кому-то на медлительность и ненадежность полевой почты. Откинув на БМП водоотражатель, он устроил постель из шинели и вещмешка. Сидел на ней, тихо беседуя с лейтенантом Ворошиловым. Увидев заместителя командира батальона по вооружению, Ворошилов шагнул к нему, по-уставному приложил руку к головному убору, собираясь официально доложить, чем занимается рота: капитан Мальсагов остановил его, и тот продолжил движение рядом с капитаном в сторону, где расположился взвод обеспечения под командованием младшего лейтенанта Юрия Архипова, прижимистого, как все снабженцы, и щедрого одновременно.

– Товарищ капитан, вам тоже не спится? – спросил Ворошилов Мальсагова.

– Какой сон, Александр, не до сна мне в последнее время!

– Знаете, о ком я все время вспоминаю? О сыне. Когда я уезжал из дома и садился уже в автобус, он сказал: «Откуда провожаю, здесь и встречу. Понял, папа?» Неделю назад письмо получил от жены. Пишет, что хотела перебраться в город, а сын ни в какую: «Обещал папе дождаться на автобусной остановке и дождусь». Вот ведь какое упрямое дитя!

В этом слове «упрямое» Тамерлан почувствовал такую любовь, такую привязанность, благодарность к своему «чаду», что у него защемило сердце. Откровение за откровение, и он признался, что тоже болеет памятью, что во сне и наяву чаще всего видит одну и ту же картину: зимний солнечный день, шестилетний Саид, как медвежонок, в комбинезоне катится с горы на санках и визжит от радостного страха, а внизу стоит Лида, жена, в белой шубе, и закатывается в счастливом смехе.

– Помните майора Кузнецова? – спросил Ворошилов.

– Помню.

– А капитана Искандерова? – Мальсагов утвердительно кивнул. – У меня, товарищ капитан, такое чувство, что сердце скоро переполнится. Ведь боевые товарищи живут не только рядом с нами, но и в сердце… Я потому их вспомнил, что последний раз мы виделись в такую же вот ночь. И тоже не спалось...

Вечность жизни той природной среды поглощала часы и минуты, приближая рассвет и первый шаг в завтрашний день. В половине третьего все пришло в движение. Вполголоса отдавались команды, вполголоса звучали доклады. Наконец, взревели двигатели, и началось формирование «реки».

Они уходили в рассвет с верой в свое воинское предназначение, в свой солдатский и офицерский долг. С неразлучным своим пулеметом шагал рядовой Андрей Белов. Улыбаясь, оглядывался по сторонам не ведающий своей судьбы лейтенант Александр. Нес в вещмешке тетрадку Ворошилов, шел с так и не увидевшими света стихами стройный, как лозинка, рядовой Омаров. Никто из них не знал, что в это самое время спускается по тропам один из афганских отрядов, который ведет Пегобородый. Об этом нападении сообщит им встретившийся на пути оборванный, изголодавшийся афганский мальчик. Застынет в дверях крайнего дома капитан Мальсагов, увидев обезображенный труп женщины. Наткнется у дымящейся мечети на истекающего кровью и умирающего Ворошилова лейтенант Соколов… Но все это случится позже, когда взойдет солнце. И вообще, много чего еще произойдет в ближайшее время.

…До встречи с афганским мальчиком оставалось три часа. И три часа до той минуты, когда лейтенант Соколов, увидевший у мечети окровавленного мертвого, того самого строгого офицера и доброго наставника Ворошилова, скажет капитану Мальсагову:

– Смотрите, товарищ капитан, тут еще один, и как будто еще живой…

Поэзия

Ахмет Денисултанов

Сольфеджио для любви

Мая хмель одурманит, отравит
Тот последний глоток весны,
Где зеленая проседь правит
Прядь пушистую крон лесных.

У ее живого истока
столько света и радостных дней,
Я стою и молчу до срока –
Там за далью, в мерцанье огней
Тишина, наша жизнь и зароки.

Назови свою тайную фетву,
Что ты ждешь от разлуки со мной,
И сосна закачает ветви
И простится зеленой волной.

Жди меня, и без срока давности
Я домой возвращаюсь, к тебе –
Ты откроешь резные ставни
И протянешь руки ко мне.

Ну а сосенка стройная, как же –
Твой все тот же зеленый наряд?
Я тебя обниму однажды,
вспоминая весенний обряд.

Не проходит случайная встреча –
Все вернется на круги своя.
Пусть вернутся прощальные речи,
Но любовь не твоя, не твоя.

Что поделать, такие расклады
Нам устроила матушка Настя,
И слагают душевно баллады
Менестрели о счастье-ненастье.

Это счастье так близко-далеко –
Вон за тою белесой горою,
и в такие глубокие реки
Нашу память уносит порою!

Это так не случайно, так скоро
Происходит в своей ипостаси…
Но так памятна матушка Настя,
Что расскажет нам скоро про море.

Коллаж из сирени

На заре в переливах рассвета
Затеряется солнечный луч,
Мы не ждем с тобою совета,
Где искать тот потерянный ключ.

Эти чувства, слова и ответы
Не найдут в горизонтах наш край –
Но над нами далекою правдой
Тот божественный, чувственный рай.

Этот мир и светел, и ясен,
Все воздушно и так утонченно,
И сердечною сказкой украшен –
Будто вечностью освященный.

Синих глаз голубая печаль –
В них, как в зеркале, все безусловно.
И струится воздушная шаль –
Та, которая все же условна.

Не гляди же в безмолвную даль,
Не ищи же воздушных сонетов,
Нам с тобою влюбиться не сталось,
Что поделать – ни слов, ни ответов.

Ты все смотришь в пустынную даль,
Провожая туман и рассветы,
Зябко кутаясь в стылую шаль…
Та разлука была нелепой.

Как же быть? Эта болесть не радость,
Но весною, поверь, без сомнений –
к нам вернется та горькая сладость,
Словно куст под окном сирени.

Проза

Мухтар Бакаев

Последняя улыбка

Рассказ

Жене,
Галине Александровне,
посвящаю

Середина лета тысяча девятьсот сорокового года. Безоблачное небо чисто-голубое. Облака как будто канули куда-то, словно их и не было.

Полдень. Солнце в своей ослепительной яркости смотрит сверху: мол, наслаждайтесь мною, я вечно буду светить вам, живите мирно и дружно.

Кругом лес, только на небольшой равнине среди гор маленький перелесок. В том перелеске давно живут три брага со своими семьями. Старшие уехали на заготовку сена в горы, а младший, Ахмет, остался дома.

Женился Ахмет полтора года назад. Первому ребенку, сыну, шел шестой месяц.

Когда родился сын, устроили большой праздник. Еще бы – сын! В вайнахской семье рождение сына – это явление особое, его отмечают щедро. Собравшиеся гости были довольны.

Почтенные старики благословили младенца и дали ему имя Бектимир. Ахмет каждого проводил подарками и благодарностью. Самому почетному аксакалу, который первый произнес имя его сына, оседлал и подарил коня. Разговор о празднике долго не утихал в народе, распространяясь далеко среди жителей горных селений.

Вот все позади, разошлись гости, даже самые близкие родственники и друзья и те ушли. Дома остались вчетвером: отец, мать, сын и нареченная мать.

– Пусть растет богатырем и достойным сыном отца! – сказала нареченная мать, кладя младенца в люльку, и во всеуслышание добавила: – Благословляю от имени всех предков, – потом, продолжая вслух читать молитву, уложила ножки и по ним натянула тесемки, затем, разровняв сверху мягкой перины беленькую простыню, положила правую, затем – левую руку, приласкала ребенка. И, натягивая по ручкам и груди вторую, широкую разукрашенную тесьму, начала тихим убаюкивающим голосом петь колыбельную песню. А после концы тесьмы закрепила на поперечнике люльки. Младенец, окунувшись в перину, слегка порозовев, тут же уснул.

– Да, ангелы с ним, уснул. Не тревожить, пока не проснется, – сказала она, занавесив люльку сверху специально сшитым покрывалом.

Еще раз благословив мальчика, с щедрыми подарками покинула счастливый дом и она.

В доме вместе с младенцем поселилась радость. Так шло счастливое для родителей время.

Мать наклонит люльку к себе, нежно раскроет лицо ребенка и наслаждается им. Маленькие капельки пота на щеках и лобике его, бисерно блестя, ласково играли, словно оживали. Ноздри покрытого тоненьким слоем прозрачного пота носика красиво раздувались при его незаметном дыхании, ротик закрыт, а под натянутой тесьмой животик слегка поднимался и тут же опускался. Мать белой тряпочкой, всегда хранившейся в уголочке перины, вытирала с личика пот. Она делала все это с материнской нежностью и завершала тихим и

ласковым поцелуем в его сжатые губки. Сын во сне как бы неохотно шевельнет ими, потом, почуяв материнскую ласку, нет-нет, да и улыбнется. Сладкий сон продолжается.

Когда подходило время его кормить, он быстро просыпался. Открывались глаза и радостно глядели на мать. Она вытаскивала свою мягкую, белоснежную грудь, наполненную материнским молоком, подносила к его губам, а Бектимир чмокнет, затянет сосок в ротик и принимается за работу.

Чуть позже она отпускала нагрудную тесьму, а Бектимир, словно ждал этого момента, быстро освобождал ручку, поднимал вверх, не выпуская грудь матери изо рта. Для нее такие минуты были самыми желанными и счастливыми.

По обычаю, отцу не полагалось до исполнения года ребенку подходить к нему, брать на руки. Веками мужчины гор строго придерживались этих законов и ревностно исполняли их.

Отец Бектимира тоже дал себе слово не отступать от них: иначе нельзя, Аллах все видит и не простит. Еще, не дай Бог, заметит из аула кто-нибудь – позора не оберешься. Разговоры, пересуды...

Младенец сначала был отдан полностью матерям – своей и нареченной. Они купали его, исполняли все указания муллы. Однако отец, издали наблюдая, незаметно бросал взгляд на нежное тельце сына. Когда тот плакал, даже его недовольный, чего-то требующий голос нравился ему. «Что значит мужчина – с малых лет показывает свой характер, из него получится настоящий джигит!» – гордился отец. Коня уже для него приготовили. Какой джигит в горах без коня?! Представлял, как они вместе будут скакать по горным оврагам, лощинам и тропинкам... Мысли уходили далеко.

Но отец не смог идти строго по стопам предков, уж больно хотелось взять на руки своего джигита. Он боролся с собой, отгонял эти мысли. «Нельзя, Аллах все видит, не простит...» – снова про себя повторял он.

Все же отцовское желание незаметно брало верх. Нежный голосок сына, ласковые разговоры матери с ним, как магнит, тянули его. Однажды Бектимир спал с открытым лицом, иногда улыбаясь во сне. Мать куда-то ушла. Отец, проходя мимо, невольно бросил взгляд на ребенка и, забыв обо всем, нагнулся к нему, поцеловал, прищемив слегка носик, ласково провел по лобику рукой и коснулся щеки. Младенец подарил ему улыбку во сне.

Отец, очнувшись, бросил взгляд вокруг и отпрянул в сторону. К счастью, в доме никого не оказалось. Быстро вышел на улицу и, объятый какой-то неведомо-волшебной силой, занялся делами в сарае. Счастливый отец и не заметил, как повечерело.

Он просил у Аллаха прощения за нарушение обычаев предков, умолял не гневаться. К вечеру, возвратившись домой, чувствовал какую-то неловкость.

– Хозяин, – по обычаю, не называя его по имени, спросила жена, заметив что-то неладное, – что с тобой, заболел?

– Ничего, просто устал, видимо, – он взял себя в руки...

Прошло несколько дней. Ахмет переборол себя, не подходил к сыну больше, держался, но все же недолго. Однажды жена ушла к соседям. Сын спал, а отец, совершив намаз после обеда, лежал в полудреме. Сквозь сон услышал тоненький голосок плачущего сына. Мигом вскочил, потеряв всякий рассудок, машинально схватил люльку и начал качать ее. Жена что-то задерживалась. Он качал ее тихо и осторожно, боялся уронить. Сын умолк.

Бектимир больше не плакал, воцарилась тишина, а отец обрадовался, что ему не придется беспокоиться, и прилег. Но через некоторое время до него донесся какой-то странный звук. Он сначала не понял, откуда, прислушался, затаив дыхание. Чуть позже, встревоженный, он открыл лицо сыночка, а сам

едва не потерял дар речи: карие глаза младенца смотрели на него, словно он и не спал. Улыбка украшала его розовое личико. Тут Ахмет понял все: сын оказывается, проснувшись, искал грудь матери. Отец невольно снова поцеловал его. Во дворе послышался голос жены. Он второпях накрыл лицо сына и лег как ни в чем не бывало.

Вошла жена со старшей дочерью брата.

– Ты что так долго? Мне кажется, что он ... – намекнул Ахмет.

– Ой сыночек, сладенький мой! – сказала мать, раскрывая лицо ребенка, и сразу поняла. Молча дала грудь. Отец с закрытыми глазами слушал уже знакомый звук.

Так шли дни. Бектимиру вот-вот исполнится полгода, щеки его стали пухленькими. А отец тайком продолжал свои «свидания» с сыном. Жена хотя и знала о поступках мужа, сохраняя приличие, виду не подавала, только тихо радовалась про себя.

Как-то ночью Бектимир заплакал. Лежавший с краю отец сам не заметил, как протянул руку и начал качать люльку. Он думал, что жена и не слышит ничего. Но она не спала: лишь лежала с закрытыми глазами. Бектимир не переставал плакать: видимо, хотел есть или пить.

– Ой, он плачет, что ли? – сказала она, как будто только проснулась. Муж не успел убрать руку.

– Жена, он, наверное, хочет есть, – только и успел сказать.

– Давно плачет? – спросила она.

– Да не так давно, – виновато ответил он. С тех пор их секрет раскрылся, счастливые дни продолжались...

Дома братьев были окружены с трех сторон горами, а с четвертой – лесом. В лесу узкая тропинка кончалась у родника, пробивающегося из-под маленькой скалы. Заполнив яму, вода уходила дальше, теряясь в гуще леса.

В тот день отец Бектимира с утра работал во дворе и провозился до обеда. В минуты отдыха подходил к сыну уже при матери и целовал, ласкал его.

Она была занята делами по дому. У обоих настроение радостное. К обеду мать накормила сына и уложила спать. Когда он уснул, погладила, вытерла пот, поцеловала, потом накрыла легким одеялом, заметила его улыбку во сне...

– Хозяин, я пошла за водой к роднику, а то дома почти не осталось, – предупредила она, подходя с большим медным кувшином на плечах. А люльку вынесла во двор под навес, в холодок, чтобы сын дышал свежим воздухом.

– Хорошо, только не задерживайся, – продолжая работу, лишь чуть приподняв голову, ответил он, поняв, что она имеет в виду, и добавил: – Не беспокойся.

Она ушла, но не успела отойти далеко, как странное чувство страха и беспокойства овладело ею. Она старалась не обращать на это внимания, но ей не удавалось...

Вот она у родника. Набрала полный кувшин, сама напилась холодной чистой воды и села немного отдохнуть, подышать горным воздухом...

Отец подходил к люльке и прислушивался: тишина. Он отходил и про себя думал: «Пусть спит мой джигит».

Мать Бектимира вернулась. Поставила кувшин на землю:

– Ну, как там наш?

– Тише, разбудишь, все хорошо, – шепотом предупредил тот, прикладывая палец к губам.

Она, довольная, улыбнулась и с радостью занялась делами. Нет-нет, да подходила к люльке и прислушивалась.

– Ассаламу алейкум, Ахмет! Аллах в помощь тебе! Чем занят, можно к вам?

– послышался голос. Ахмет поднял голову и узнал гостя – почтенный старец из другого аула.

– Ва алейкум салам, добрый тебе день! Очень рады твоему приходу, – Ахмет шагнул к нему навстречу.

Подойдя друг к другу, они обнялись, три раза касаясь плечами. Ахмет принял из его рук посох и верхнюю одежду. На ходу успели спросить о житье-бытье, задавая друг другу разные вопросы. Сели в тень, не снимая, по обычаю, головных уборов.

– Чем занимаешься? – спросил гость.

– До зимы недалеко, навожу порядок в сарае, – ответил Ахмет и крикнул: – Жена, у нас гость! Вынеси попить, он с дороги, пить, наверное, хочет!

– Не прочь. Как там наш герой-джигит?

– Спит, куда ему торопиться…

Вышла хозяйка.

– Добрый тебе день, дедушка, – сказала она, подавая ему чашечку с холодной водой. – Попей, скоро и чай, и еда будут готовы.

– Баркалла, дочка! – ответил старик, беря посуду с водой. Когда он пил, в честь гостя Ахмет встал и сел только с его разрешения и благословения. Хозяйка, взяв посуду, вернулась в дом. Проходя мимо люльки, прислушалась: тишина. Повернувшись, она заметила, как за угол дома уползла змея. Хозяйке было не до нее.

«Все еще спит», – радостно отметила она про себя и занялась приготовлением угощения. Ахмет с гостем посидели в тени, поговорили. Потом обошли весь двор, посмотрели его работу, старик дал несколько советов.

– Зайдем, Бешир, в дом, отдохнем, жара усиливается. Хозяйка чай подаст, – предложил Ахмет.

– Хорошо, – согласился гость. – О деле можно говорить и там.

– Куда тебе торопиться, успеем наговориться, ночь еще впереди.

– Нет, Ахмет, мне необходимо возвратиться с ответом сегодня.

Они зашли в прохладную, затемненную комнату. Мягкую постель с пушистой подушкой для гостя хозяйка приготовила заранее. Бешир, сняв обувь, сел.

– Бешир, сними пиджак, приляг, ты с дороги, – предложил Ахмет гостю. Тот снял пиджак и отдал Ахмету, потом облокотился на подушку.

Бешир действительно устал – жара, возраст да горные крутые дороги – трудновато было идти.

Ахмет повесил его пиджак, сел напротив.

Бешир, полежав немного с открытыми глазами, передохнув, решил перейти к делу. Кашлянул, дал понять, что он хочет говорить.

– Отдохни, успеем, – еще раз предложил Ахмет, уловив его намерение.

– Ахмет, надо сейчас, по прохладе легче добираться домой, – настоял на своем Бешир. Поднимая голову, он большим носовым платком вытер лицо.

– Тогда немного подожди, я сейчас, – Ахмет вышел и объяснил жене, что гость торопится. Она занялась обедом.

– Ахмет, – начал Бешир, сразу переходя к делу, – в жизни происходит постоянное обновление. Старые умирают, пожив свое, а молодые подрастают, создают семьи. Рождаются дети, и продолжается жизнь. Слава Аллаху, хорошо живем, время мирное. В нашем ауле джигит, а в вашем – невеста, аллах нам путь сюда указал. Создание новой семьи – радость для всех. Поэтому и я сюда к вам...

У хозяйки в котле варилось мясо, вот-вот закипит чай, а она пекла лепешки на сковородке и одновременно прислушивалась к разговорам мужчин. Суть разговора она поняла сразу: старик пришел засватать дочь брата ее мужа и

просить их благословения. Несколько раз подходила к люльке...

– Мы хотим с вами породниться, завязать родственные узы. Счастьем молодых поживем и мы, – продолжил гость свою заранее приготовленную речь, изредка покашливая и одновременно подыскивая нужные слова и собираясь с мыслями. – Слава Создателю, нам очень по душе быть с вами такими близкими...

У хозяйки как-то внезапно зашумело в голове, в ушах засвистело. Из рук выпала лепешка. Собака Майра испуганно завизжала. Хозяйка растерялась. Но быстро сумела себя одернуть. Собака ушла за угол дома...

– Ваш род славный, наши предки знали друг друга давно, слава Аллаху, вражду не имеем между собою...

Ахмет слушает молча, не перебивая. Так положено.

У матери снова защемило сердце, закололо, она невольно встала, как-то потянуло ее к люльке. О плохом и не думала, да и думать не могла. Подошла, прислушалась: та же тишина. Как открыла лицо ребенка, вся застыла, перед глазами стало темно, не поймет ничего. С трудом наклонилась к люльке: лежит безжизненный сыночек. Ноздри и животик без движения. Щеки потемневшие. Губы, еще не успевшие остыть, пухленькие, ни капельки пота.

Она тронула лобик – холодный, пальцами коснулась губ – остались ямочки. Отпустила тесемки: руки и ноги без движения. Только что погасшие его глазки полуоткрыты, тускло смотрят на нее. Она дрожащей рукой повела по ним, они покорно закрылись навсегда.

– Мой маленький! – тихо произнесла она, а по щекам покатились крупные слезы. Она поняла и осознала, что произошло что-то страшное, непоправимое: потерян сыночек! – Что делать? Ой... О Аллах! – поцеловала в лобик, аккуратно сложила пухлые ручонки на груди. Снова накрыла люльку, но на этот раз без тесемок... Кругом все стало мертвенным, страшным. Ей стало холодно...

– ...Обновление родства – дело Аллаха, его веление, мы только рабы и исполнители, поэтому, Ахмет, я пришел просить у вас... – она слышит, что они говорят, но не понимает, о чем.

– Жена! – крикнул Ахмет, когда гость закончил свою мысль. – Чай готов или нет? Поспеши! Гость торопится, – повернувшись к гостю, задумался, чтобы еще раз продумать свой ответ.

Она через силу взяла себя в руки, отошла, окончательно поняла, что в их доме страшное горе – сына у них нет!.. Как быть? Сказать им или нет? Горе-то какое... Но обычай велит другое: сначала гость, потом только думай о своем горе. Иначе нельзя. Она, подчиняясь этим законам и подавляя свое горе, занялась угощением.

–...Уважаемый Бешир, мы очень рады твоему приходу. Внимательно тебя выслушал, если не возражаешь, хотел бы несколько слов сказать в ответ, – попросив разрешения у гостя, начал Ахмет, когда жена вошла в комнату с посудой в руках.

– Я буду чрезмерно рад, Ахмет, если уважишь, слушаю тебя, – разрешил гость.

Хозяйка, стараясь не мешать их разговору, тихо расставила посуду и вышла. Вернулась, разложила лепешки, потом принесла чай, сахар, конфеты и мед, налила им по чашечке и пошла за мясом...

За едой продолжался разговор. Мать свое горе держала внутри себя.

– Ахмет и хозяйка, большое вам спасибо, уважили вы старика, обрадовали, теперь пора порадовать и других! До свидания, счастье вашему дому, – поблагодарил еще раз на улице Бешир обоих. – Мы расстаемся ненадолго, скоро встретимся. Свадьбу на весь мир устроим, я первым выйду на танец, притом с тобой, хозяйка.

– Баркалла, Бешир, до встречи, счастливого, благополучного пути тебе, – коротко ответил Ахмет.

– Ну, хозяйка, лепешки твои были как раз по моим зубам, бывайте, – взяв в руки посох, Бешир вышел на дорогу.

– Ждем, приходи, – с холодной улыбкой смогла сказать она, сдерживая вырывающееся из груди горе, на глазах были слезы, но гость этого не заметил.

Проводив гостя, Ахмет направился было к сараю с мыслью еще поработать, но хозяйка остановила его:

– Хозяин, у нас горе! – выдавила она с трудом из себя и заплакала.

– Что ты сказала? Какое еще горе! – отец почувствовал что-то недоброе.

– Сын… сыночек...

– Что с ним?!

– Его уже нет с нами, его душа на небесах, играет с ангелами!

– Как?.. Не может быть!

Он присел, схватился за голову.

– О, горе! Горе! – крикнул он.

– Хозяин, пойдем, посмотри, как сыночек лежит в люльке...

Они подошли. Дитя лежало безжизненно, осунувшиеся щеки – восковые. Отец прикусил губы, проглотил свое горе. Они не плакали, вида не подавали. Так требовал обычай...

– Как же это произошло? – спросил, наконец, он жену.

– Не знаю, когда я вернулась с водой и пришел гость, он уже, оказывается, был мертв, я не смогла сказать при нем.

– Спасибо тебе, ты правильно поступила, а то народ не понял бы: мол, при госте расплакалась, разговоры пошли бы разные. Горе у нас огромное. Аллаху одному ведомо, почему он с нами так поступил, не имеем мы с тобой права Его гневить. Крепись! Пошли по соседним аулам человека с сообщением.

– Хорошо, хозяин, – сказала она.

«Значит, Аллах заметил, что я его так рано в руки брал, разгневался и решил отобрать», – про себя подумал отец.

– Нечистые силы его задушили, – заключила мать.

Про змей, хотя они здесь водятся во множестве, они и не подумали.

– Жена, пошли человека и в аул Бешира, пусть осторожно сообщат ему, старик тут не причем, – добавил Ахмет.

– Хорошо.

– Я пойду, чтобы и к своим братьям кого-нибудь послать...

Свадьба отодвинулась на неопределенное время.

Иэс

Кузаев Махьмуд

Вайнах махках бахар

Хилларг

Тахана санна дагадог1у суна д1адаханчу б1ешеран 1944-г1а шо. Нохчий, г1алг1ай махках бохур бу бохуш дуьйцуш хабарш хезара. Амма иза бакъ ца хетара. Муха хетар дара, вайнехан к1ентий массо а фронташкахь немецки фашисташца т1емаш беш хилча?! Берриге а махкахь евзара Нурадилов Ханпашин, Ибрисов Абухъаьжин, Магомедмерзоев Хаважин, кхечу а Советски Союзан Турпалхойн ц1ераш. Цул совнаха, мостаг1чунна т1ехь толам баккха а гена дацара. Когашна к1елхьара латта дагош лоьхкуш бара гитлеровски йовсарш.

1944-чу шеран февраль. Ц1ечу Эскаран 26 шо кхачар даздан кечлуш дара советски адамаш. Цунна лерина Бух1ан-Юьртарчу цхьана ишколехь вовшахтуьйхира собрани. Дезчу денна кечамаш бинера кхузахь. 1аьнан мур белахь а, къегина хьаьжначу малхо серладаькхинера дуьне. Бераш доцурш, собране кхайкхинера баккхийчаьрга а. Къамел деш юкъавелира лаккхарчу чинехь волу эпсар. Ц1ечу Эскарна толам баккха г1о дарна баркалла бохура цо нохч-г1алг1айн халкъана. Иза иштта дан а дара. К1ентий т1аме хьовсийна ца 1аш, ц1еэскархошна т1ерг1ан пазаташ, каранаш, кхачанан сурсаташ дохьуьйтура бахархоша. Орловско-Курски дугехь хиллачу буьрсачу тасадаларшкахь дакъалаьцначу тхан вохкхах волчу вешан Хьамидах лаьцна цхьа а хаам бацара. Советски Союзан лаккхарчу чинехь волчу эпсаро нохч-г1алг1айн халкъ хестош собранехь динчу къамело лаьхкина д1аехира зударий, бераш, баккхий нах махках бохур бу боху шеконаш.

Т1аьхьо хиира суна вайнах махках бахар ч1ог1а къайлахь латтош хилар. Ц1ечу Эскарехь г1уллакхдеш йолчу цхьана оьрсийн зудчунна тоьпаш тоьхнера и къайле нохчашна хаийтар гучудалар бахьанехь.

– Собрани чекхъяьла, божарий бухасовца, зударий, бераш ц1аг1о, – аьлла, хаам бира хьакамо. Ишколан кертара арадевлча гобаькхина лаьтташ автоматаш карахь салтий бара. Хьалхарчу деношкахь ц1ийнах хьуьйсуш д1аяьхнера шаьлтанаш, таллархойн тоьпаш. Дег1ах хьуьйсуш, киснара арсаш д1адаьхнера ишколехь совцийначаьргара.

Шолг1ачу дийнахь са а хилаза тхан коре салтий х1иттича, уьш чу а бахкийтина, юха а юрг1ана к1ел вуьйлира со. Г1айбина к1ела а хуьйсуш, меттанаш кего х1иттира ц1еэскархой.

– Тхан дац герзаш, селхана д1аехьна таллархойн топпий, шаьлтий, – элира ас. 1адийча санна лаьттара тхан наний, нуссий, йижарий. Герзаш ца карийча, уьш д1аг1ур бу моьттуш 1адда 1уьллура со.

– Хьала г1атта, шу д1адохуьйту кхузара, – олуш, суна т1ера юрг1а юьстах кхоьссира салтийчо. – 20 минот хан ю шуна кечам бан. – Т1аккха зударшна т1евирзинчу цуо, – Сихо е дашон х1уманаш охьаяхкарна, иштта омра ду правительствон, – элира.

Кхераеллачу несо а, цхьана йишас а шайн лергара а, кочара а ч1агаш, з1енаш охьаехкира. Сан шийтта шо бен дацара, х1ун дан деза ца хууш лаьттара со. Йоккхаха йолу йиша Сепият ц1ахь ца хиллехь цхьалха дог1машца арадевр дара тхо. Тхан доьзал юьрта схьакхелхинчул т1аьхьа а Соьлжа-Г1алахь доьшуш сецна хилла иза, оьрсийн мотт шера хууш а, къарлур йоцуш а яра. Шегара дашо х1умнаш д1а-м муххалле а ца елира, катоьхна схьадаькхира стоьлан

г1утакхчуьра салтичо д1адахьа г1иртина ахча а, эрна хилира йоза-дешар ца хаьа моьттуш, х1ара пачхьалкхан ду бохуш, цо схьагайтина кехаташ а.

Сихо е, бохуш салтичо мохь хьоькхушехь говр д1а а йоьжна, масех гали ялта а, цхьацца сал-пал ворданна т1е а кхоьссина, адамаш гулделчу Саппарчин маьждиган майданехьа д1адахара тхо.

Гулам хуьлучу дийнахь къеггина малх кхетта хиллехь а, ирча деара шолг1а де. Буьйсанна кхоьссинчу лайно к1аййинера аре. Шийло яра 1уьйре. Тхо ворданахь маьждиган майдане доьлхуш сайна гина инзаре сурт цкъа а диц ца ло суна. Тхуна гена боццуш 1аш бара Бешаевг1ар. Бераш д1адигинчул т1аьхьа меттара г1атта ца луш йиснера церан цомгаш нана. Кест-кеста охьаюжура салтичо пхьарс лаьцна д1аийзо г1ора дайна зуда. Д1акхаьчча хье ца луш кхелхинера и миска.

Соьлжа-Г1аларчу ц1ерпоштнекъан цхьана станцехь шайн доьзалех схьатуьйхира ишколехь совцийна хилла божарий. Могг1ара д1а а х1иттийна, г1аш схьабалош цхьа г1улч юьстахваьллачунна тоьпаш тухур ю аьлла, д1ахьединера. Спискашца ц1ерш йохуш, киралелочу вагона чу ховшийра тхо. Тхох схьатуьйхира партехь боцурш мукъабохуш эскарера ц1а веана шолг1а ваша 1алавди. Тхан вагонан старшина х1оттийра иза. Сталинан, Бериян къинхетам боччу кхиэло мича боьду, х1ун лелор ду ца хуучу новкъа бехира цхьа а бехк боцу, шайна юккъехь бераш, зударий, баккхий нах, цомгашнаш болу мисканаш. Гуттар а дагахь лаьтта генарчу новкъа доьлхуш вагона чохь лайна халонаш. Ха харца йиш йоцуш, кеп тоьхча санна, нараш т1ехь д1анисдинера бераш, зударий. Божарий лахахь бара. Латош стогара ца хиларна къаьсттина сингаттаме хуьлура буьйсанан боданашкахь. Цкъа иштта кошахь санна тийна 1аш, ц1еххьана зударийн белхарш девлира. Мича дуьгу ца хуучу церан дегнийн 1овжам божаршка а кхаьчнера. Хийланна б1аьргех девлла хир дара дуьра хиш. Амма уьш къайладахнера, бодаша хьуьлдина хиларна. Х1орда чу кхисса дуьгу бохуш, цхьаболчара даржийн хабарша алсамбаькхинера сингаттам.

Дегнийн 1овжам са лоцуш хиллехь а, сингаттам байбан г1ертара цхьаберш. Тхоьца вара Мохьадди ц1е йолуш, хаза къамел долуш, забаре стаг. Цо дуьйцучу туьйренех самукъадолура нехан. Цкъа лакхарчу нари т1ера чу а кхевдина ладоьг1уш 1аш волу со вагон тоха а елла, лахахь 1ачу баккхийчийн гона юбккъе вуьйжира. Берахьлера хан цкъа а йиц ца ло. Мацаллиний, хьогаллиний са тохалора, къаьсттина ницкъ хуьлура ц1анонна аравала йиш ца хиларна. Цкъацкъа де-буьйса а долура вагонан не1 схьа ца йоьллуш. Иттех минотана аравалар нисделча эхьах ларлуш, маь1-маь11е д1асахьолхура адамаш. Амма салташа тоьпийн баххьаш детташ бухаберзабора юстаха бовла г1ертарш. Зударшний, мехкаршний кхин а хала дара. Оьздангаллех боха ца луш, ахкаргаш лелхаш меттигаш яьхкинера цхьаццаболчарна. Тхоьца вара пачхьалкхан г1уллакхехь лелла Дакаев Мазлак. Вагонан не1 д1а ца йоьллуш хьейича, берте веана салти човхийра оьг1азваханчу цо. Дукха хан ялале кхайкхина эпсарш болчу вигира Мазлак. Иза дийна схьавог1ур ву моьттуш бацара чохь берш а, цуьнан доьзалш а. Амма цхьа хан яьллачу хенахь Мазлак схьакхаьчча сапарг1ат делира массеран а. Г1уллакхехь лелла а, коммунист а волу стаг кхин т1ехдаькхина х1ума ца олуш схьаваийтинера эшелонан хьаькамо.

– Бакъхьарниг нисвелла хьаькам, иза вийча а цхьанне а дан х1ума дацара, – бохура наха.

Наггахь юург лора тхуна. Дуьххьара иза яла йолийча, чорпа чуйотта долчо сирдиллина ведар я кхийолу пхьег1а а кечъе тхан вашас 1алавдис аьлча, теша а ца тешара, дайа дуьгу бохучу хабарша б1арздина адамаш. Шеца масех стаг вуьгуш станцерчу буфете воьдура иза. Бепиггий, чорпий схьа а оьций, йоьхьаш бухадуьтура хьакхин хиларна кхоьруш. Кхечу вагонашчуьра адамаш хуьлура

цигахь. Цаьргахула хезара новкъахь кхелхинчийн хьокъехь ирча кхаъ. Лайна бухахь д1аверзавора велларг.

Шийтта дийнахь-бусий д1аоьхуш гинарш, лайнарш дийцина вер вац. Адамашка 1азап далош халонех боьттина инзаре некъ бара иза. Дагадог1у: «Д1акхаьчча т1улгаш деттар делахь а, цкъа охьадиссийна делара вай», – цхьана зудчо аьлларг. Нах хьоьгур болуш дацара д1акхаьчча гинарг а. Буьйсанна цхьана станцехь охьадиссийра тхо. Стерчийн ворданашка а ховшийна д1адигира цаевзачу меттигашкахула. Цхьана юьрта д1а а кхаьчна, ишколе охьадиссийча са хилира. Акхарошка санна тхоьга хьийса оьхура казахийн бераш, зударий. Цул т1аьхьа цхьана лаппаг1ашчохь д1а а нисдина, колхозе балха даха деза элира баккхийчаьрга. «Даа х1ума ца хилча болх балур бац», – массарна а хьалхара жоп делира 1алавдис. Меттигерчу бахархоша дийцина 25 километр генахь Или ц1е йолчу ц1ерпоштнекъан станце дахара тхо. «Скотоимпорт» олучу даьхнилелочу бахамехь тхан гергара нах карийна, цигахь севцира тхо. Цхьана ц1а чохь д1анисбира боккха ши доьзал. Х1етахь тхоьга веара, лозуш болу пхьарс коча а тесна, Бух1ан-Юьртарчу ишколехь хьехархо хилла Газиханов 1ала. Шайн чуьра араваьлча новкъара схьавалийнера иза ца бевзачу нахаца. Берашна ч1ог1а дукхавезаш хьехархо вара иза. Цуьнан да Мохьмад паччахьан заманахь хьуьжарехь дешна 1еламстаг вара. Цу хенахь муьлххачу а динна дуьхьал пропаганда лелош йоллушехь, нохчийн меттан урокаш луш волчу цо 1аьрбойн туьйранаш т1ера хаза х1умнаш дуьйцура. Кхечу предметашкахула йолу урокаш сихха д1а а евлла, перемена хилахьара, аьлла хетта бераш, 1алас луш йолу нохчийн меттан урок яхлахьара, аьлла хетара.

Или станцехь ши шо даькккхинчул т1аьхьа комендатурера бакъо яькккхина Казахстанан столица хиллачу Алма-Ата кхелхира тхо. Цхьана районера кхечу районе ваха мегаш дацара бакъо йоцуш. Х1ора баттахь комендатурехь куьйгаш язда дезара. Цул совнаха, немцошкахьа хилла бандиташ бу кхуза балийнарш, аьлла харц ц1е а кхоьллинера вайнахана т1ехь. Юьхьанца оцу питанех тешаш хиллехь а, т1аьхьо кхийтира иза бакъцахиларх. Бедарш тоьгучу цхьана предприятехь балхахь йолчу тхан йишега: «Шу акхарой санна къиза, ирча адамаш ду бохуш дийцинера тхуна, шу-м кхидолу къаьмнаш санна адамаш ма ду», – аьллера цуьнца балхахь долчу оьрсийн зудбераша.

Казахстанан кхечу областташка нисбеллачу вайнаха къаьсттина алсам лайна халонаш. Мацаллиний, шелонний х1аллакъхилла эзарнаш адамаш. Тхан нана Шелара яра. Т1аьхьо д1асалела мелла а парг1ато яьлча, тхоьга веара цуьнан гергара стаг. Цо дийцира тхан ненан нана а, ваша а, вешин к1анта, йиша а, ден вешин к1ант а, ден вешин йо1 а, ден вешин зуда а кхелхина хилар. Цо беана ирча кхаъ нене ца хоуьйтуш, дикка хан яькккхира оха. Т1аьхьо дерриге а ма-дарра дийцинчул т1аьхьа, саг1а даькккхира кхелхинчарна т1ера. Йоккхастаг йолу ненайиша шен доьзалца Лениногорске нисъеллера. Шахтехь болх бина волу цуьнан к1ант силикоз цамгар кхетта кхелхинера. Вешин йо1 берийн ц1ийне нисъелла, йоккха хилла ц1а еача а нохчийн мотт ца хууш яра. Ненайишас дийцира, Лениногорске вербовщикаш баьхкича, цара лелийна къизалла. Ц1енна го бохуш, к1елхьара яла г1ерташ идина нохчийн йо1 йийнера цара. Шахтехь болх беш хиллачу шина нохчочунна т1ехула доладелла дов, цхьадика, Москвара еанчу комиссино вербовщикаш бехкебеш д1адирзира. Бандиташ бу, аьлла махках баьхна белахь а, нохчийн г1о лецира шахтехь хьанал къахьоьгуш хиларна. Иштта бу-кх суна цкъа а бицлур боцу вайнаха махках бахаран дагалецамаш.

Дебют

Хава Гагаева

Родилась в 1987 году, школу окончила в селе Ванавара Красноярского края РФ. В настоящее время является студенткой 3 курса отделения инструментального исполнительства (фортепьяно) Чеченского государственного колледжа искусств. Пишет стихи с пятнадцати лет. Увлекается музыкой в стиле арт-хаус; любимые поэты – Ахматова, Цветаева, Хлебников, Маяковский, Бродский.

Стихолистики

***

Брать звуки в руки и писать
Животрепещущих картин полотна
О доброте и свете,
Как на лугах смеются дети.

***

Все удивительно рядом,
Ты сам себе и друг и враг.
Я тут прочла, что быть крылатым –
Прекраснейшее из всех благ.

***

Когда я слышу
лихую претенциозность,
Мне мнется и хочется выйти
Наружу,
Глотнуть бодрящего коктейля
Из свежего воздуха
с терпкой терпимостью
Напополам.

***

Держись легко,
как стаи птиц
над проводами электропередач.
Вся моя вера – способ слепого
о цвете говорить на ощупь.
Я знаю, непременно прорастет
ногами в почву тот,
кто понадеется на постоянство ветра,
всеемкость человеческого метра,
на урожай в хороший год.

Ленту о Любви

Товарищ Режиссер,
снимите ленту о Любви,
такой пронзительной и искренней,
непозволительной по вольности,
перетекаемой, но в своей сути –
вечной;
вечно-прекрасной, той единственной
незримой направляющей,
что направляет к свету
наши неловкие шаги.

Мой Друг Музыкант

Косноязычен чертовски…
Не для того ли,
чтобы краснословить частотами
метко?!..

Обещания

Я защищу тебя
от собственной жестокости.
Частоколом огражу от глупости своей.
Эгоистичность закопаю
И над пропастью
прокину мостик. Усмирю зверей.

Спирали

Завернет и ласково и сильно
изменчивого постоянства миг.
В своих решениях не дойти
до точки (или ручки?),
проснуться вдруг за пять минут
до окончания фильма,

выйти из зала до начала титр,
намокнуть,
дождевою влагою напиться
и, глядя в небо, любоваться тишиной.
Плыть, не касаясь слов,
чьи смысловые вихри сбивают с курса
компас сердца.
Точно
я здесь уже бывала…
Видимо, во сне,
заночевав под молчаливым небом
в пустой лодке,
укрывшись пледом чистой совести.

Кот ученый

Нахватавшись нелюдимости,
набравшись мудрости с чужих уст,
так бы
я бы
ушел бы
в лес,
кабы не эта златая цепь.

Лошади

Все мы немножко лошади,
И каждый по-своему лошадь,
Привыкшая бегать в подковах
По сочной и рыхлой земле.

Память

Память идет за мной по следу
и наступает мне на тень.
За любованием кометой
тихо скончался бурный день.
Резвилось ветреное лето:
бросало крылышки на пень.

Память устала и споткнулась,
мое сознание тут как тут:
его улитки встрепенулись,
трансцендентальные, ползут.
Две параллельные сомкнулись –
кругами по воде бегут.

Волосы

Светлы полосы,
ветром волосы
разлетелись,
замерли.

Светловолосы
ветром в полосы
захотелось
крыльев высь.

Вас ли, волосы,
тихим голосом
напевали
и унесли?

Ветра полосы
свежим колосом
травы-волосы
заплели.

Красота озера твоего

Очаровавшись ею,
красотою спокойствия
озера твоего,
закидываю удочки.
Слова кругами
по поверхности…

Малыш

Твой мир – лишь способ
видеть вещи,
на солнце тени станут резче,
то, что тебя сегодня лечит
Назавтра встанет и уйдет.
Твоя сестра рисует двери.
Ее глазам так сложно не поверить.
Открой окно – впусти
бумажный самолет.
Когда ты станешь старше,
все само собой пройдет.

Гляди, в этом фургоне
едут президенты
в отставке и свободные от дел
В страну, где не бывает новостей:
ставить спектакли для детей.

Доброту

Доброту твоим именем нареку,
заткнулась ирония, спит в углу.
Ей там место.
В голос твой,
как в плед закутавшись,
буду молчать слова вслух.
Буду вместо.
Кто хоть раз побывает в горах,
вернется туда непременно.
Чтобы вновь, да, наверно.
Пусть она изливает тебя
в радости ли, в тоске ли.
Пусть всегда внутривенна.

Проза

Иса Гунаев

Доза

Повесть

Продолжение. Начало в №№ 3, 4.

Ночь Малика провела бессонную. Ей казалось, что это была самая длинная ночь в ее жизни. Утро следующего дня она встретила с ужасом. Ей не хотелось, чтобы оно настало. Казалось, что жизнь закончена. Но она понимала, что должна продолжать жить, хотя бы ради ребенка, которого она носила под сердцем.

Малика медленно встала и подошла к кроватке, в которой спал Ислам. Она смотрела, как тот сладко спит, затем бросила взгляд на Мусу. «Нет! – сказала она себе. – Не позволю я этому уроду разрушить счастье своей семьи. Я перегрызу ему глотку, как голодная волчица, если он не оставит меня в покое».

Теперь Малика была настроена решительно. Несколькими минутами раньше она думала о том, что бы придумать, чтобы сегодня не пойти на работу. Теперь она с нетерпением ждала встречи с Казбеком. Она догадывалась, о чем он примерно будет говорить с ней. «Ему нужны только деньги для очередной дозы, – думала она. – Но одним разом это не закончится. Если уступлю раз, он будет меня шантажировать и требовать еще и еще, и с каждым разом все больше. Я не должна и не пойду у него на поводу».

К началу рабочего дня Малика, как всегда без опоздания, пришла на работу. Она переоделась и первым делом зашла в палату, в которой лежал Казбек. Малика была настроена решительно. Но в палате Казбека она не нашла.

– Всем приготовиться к утренней процедуре, – громко предупредила пациентов медсестра.

Малика подошла к ней и поинтересовалась, где находится больной.

– Это из шестой палаты? – спросила ее сестра.

– Да.

– А он уехал еще вчера ночью.

– Как уехал? Он же еще не закончил лечение!

– Не знаю. Меня он ни о чем не предупредил. Наверное, еще приедет.

Малика этой новости не обрадовалась. Она боялась, что время сыграет против нее. Боялась, что ожидание угасит в ней тот пыл и решительность, с которой она хотела поговорить с Казбеком.

Она быстро зашла в сестринскую комнату и хотела позвонить ему. Но телефон Казбека был выключен. Малика глубоко вздохнула. Она решила забыть обо всем и приступить к своей работе.

Время уже было к обеду. Медперсонал заканчивал дневные процедуры с пациентами. Вдруг зазвонил телефон Малики. Это был Казбек.

Малику очень испугал этот звонок. Эта была уже не та, решительно настроенная Малика, что утром. Проведенная бессонная ночь и долгое ожидание дали свой отрицательный результат.

Малика попросила коллегу заменить ее и зашла в сестринскую, чтобы без свидетелей поговорить с Казбеком.

– Привет, Малика. Как дела? – спросил ее Казбек.

– Ты где? Почему тебя нет в больнице?

– Хотела уколоть меня каким-нибудь ядом? Избавиться от меня?

– Неплохая идея, между прочим. Такое только тебе могло прийти в голову. Очень жаль, что ты не намекнул мне об этом вчера.

Казбек рассмеялся в трубку:

– Не такой уж я и глупый!

– Как же низко ты пал, Казбек. Я надеюсь, что больше никогда наши пути не пересекутся.

– Ты хочешь этого?

– Больше всего на свете.

– Можешь на это рассчитывать.

– Я буду тебе благодарна, – сказала Малика и выключила телефон.

Она положила трубку в карман халата и направилась к выходу. Малика вышла из комнаты, как телефон зазвонил снова. Это снова звонил Казбек. Малика вернулась в сестринскую комнату.

– Куда ты так торопишься? Зачем отключила телефон?

– Мы же договорились, что ты больше меня не потревожишь.

– Ты все такая же наивная дурочка. Ведь разговор еще не был окончен.

– О чем нам с тобой еще говорить?

– Мое молчание и уход из твоей жизни стоят денег. За все в этой жизни нужно платить.

У Малики словно отказали ноги. Она присела на кушетку. Конечно, она понимала, что все к этому и придет. Она теперь думала, сколько же попросит у нее за молчание Казбек и сможет ли она выплатить ему такую сумму.

– Сколько ты хочешь? – спросила она как можно мягче, в надежде, что в собеседнике заговорить совесть или жалость.

– Штуку, – сказал Казбек. – И ты меня больше не увидишь и не услышишь.

Малика чуть успокоилась.

– Я надеюсь, штука – это тысяча рублей?

– Дура! Штука баксов, зелени.

Силы снова покинули Малику. И тысяча рублей для нее была значительная сумма, но тысяча долларов... Для нее это очень даже большие деньги. А уж отдать их Казбеку, чтобы в семье никто об этом не узнал, было практически невозможно.

– Казбек, это очень большие для меня деньги. Клянусь тебе! Будь человеком.

– Большие деньги? Они висят у тебя на шее, на ушках. Отдай их мне, и тебе будет легче ходить. Сбросишь с себя лишний груз.

Малика закрыла рукой золотую цепочку, которая висела у нее на шее.

– Я не могу тебе это отдать, – сказала Малика.

– Тогда ищи штуку зелени к завтрашнему утру. И живи спокойно.

– Откуда в тебе столько жестокости? – еле слышно спросила Малика.

– Не я такой, жизнь такая.

Малика не знала, что делать. Она была загнана в угол. Ее мозг перестал работать. Она решила воспользоваться его же оружием, его мастерством выворачиваться из любых сложных ситуаций.

– А что ты сделаешь, если я не дам тебе денег?

– Ничего, – спокойно ответил Казбек. – Просто позвоню твоему мужу и скажу, что мать его детей – шлюха. А сможешь ли ты доказать обратное и поверит ли он тебе на слово? Думай сама.

Казбек окончательно добил Малику. Ей не хватало воздуха.

– Ты не человек, Казбек, – еле выдавила она. – Ты даже не животное. Не было ведь между нами ничего. За что ты так со мной...

– В твоем распоряжении почти сутки, – с абсолютным равнодушием сказал Казбек. – Я завтра позвоню тебе и скажу, как передать деньги или украшения.

Но Малика его уже не слышала. Она теряла сознание и медленно повалилась на кушетку. Она лежала на краю и уже в бессознательном состоянии упала на пол.

Услышав грохот в сестринской комнате, туда вбежали две медсестры. Увидев на полу лежащую без чувств Малику, они подняли ее и положили на кушетку. Затем привели ее в чувство.

Одна из медсестер подняла с пола трубку и подала ее Малике. Та, не обращая на него внимания, положила рядом.

– Что с тобой, Малика? – спросила одна из сестер.

– Все хорошо, – с трудом ответила Малика. – Просто голова закружилась.

– Ты побудь с ней, – сказала одна из сестер второй. – Я к больным. Крикнешь, если что.

Рабочий день близился к концу. Медперсонал собирался домой. Малике уже было немного лучше. Она тоже засобиралась.

Вечером, накрыв стол для ужина домашним, Малика зашла в свою комнату. Магомед видел, в каком она находится состоянии, и попросил остальных членов семьи не тревожить ее. Он думал, что состояние невестки связано с беременностью.

В спальне Малика находилась одна. Она долго ходила по комнате. Ничего разумного не приходило в голову. Ни с кем она не могла поделиться своим горем, даже с мужем. Сначала она хотела позвонить матери, но потом передумала.

Она подошла к комоду, где находились их общие с Мусой сбережения. Взяв их в руки, она думала, брать их или нет. Она думала, что объяснит это Мусе тем, что подруга попросила в долг. Или еще что-нибудь придумает. Она знала, что Муса ее поймет и поддержит. Но эти деньги они с мужем копили на машину. Знала, как Муса хочет купить машину – почти у всех его друзей были машины – и не хотела лишать его этой радости, оттолкнув покупку в долгий ящик. И к тому же, это были их общие, семейные деньги.

В этот момент в комнату зашел Муса. Малика растерялась и быстро положила деньги обратно. Муса заметил, как Малика возвращает деньги на место.

– Уже катаешься на нашей машине? – пошутил Муса. – Ничего, еще парочку месяцев, и мы на новенькой машине поедем куда-нибудь на природу. Покажем Исламчику наши горы, наши реки.

Малика еле сдерживала слезы. Теперь она твердо решила, что не тронет эти деньги.

– Что с тобой? – спросил Муса. – Ты неважно себя чувствуешь? На тебе лица нет.

– Да нет. Все нормально. Устала просто.

– Может, возьмешь больничный? Отдохни. А я бы на твоем месте вообще уволился с работы, сидел бы с сыном дома.

– С ним и Луиза неплохо справляется. Вместе будем работать. Я с ума сойду, если буду сидеть дома.

А про себя Малика подумала: «Если бы время можно было повернуть назад, хотя бы на парочку дней, я бы с удовольствием бросила эту работу». Любимая до этих пор работа вдруг резко стала ей противной.

– Как знаешь! – сказал Муса. – Наше дело предложить.

На следующий день Малика взяла с собой на работу еще цепочку, простую, дешевую, чтобы сразу заменить ее на ту, что висела у нее на шее. Сначала она хотела отдать Казбеку ту, что подешевле, но понимала, что его трудно будет обмануть, и боялась тем самым разгневать его еще больше. Вторая цепочка стоила намного меньше тысячи долларов. А та, что она носила, даже больше.

Время уже было ближе к полдню. Казбек все не звонил. Малика очень надеялась, что и не позвонит. Но как только она об этом подумала, зазвонил телефон. Это был Казбек.

– Ну что? Принесла деньги? – спросил ее Казбек.

Малика зашла в сестринскую.

– Я не нашла, – это была ее последней надеждой на спасение.

Она очень хотела надеяться на то, что Казбек проявит к ней жалость. Как когда-то она проявила к нему. О чем она теперь очень жалела.

– Что значит, не нашла? – крикнул Казбек. – Ты за кого меня принимаешь? Играть со мной вздумала?

– Казбек, за что ты со мной так? Что я тебе сделала плохого? Пожалей меня. Прошу тебя.

Но на понимание и человечность Казбека Малика рассчитывала зря.

– Что значит, пожалей меня? А меня кто пожалеет? Ты знаешь, если через час

я не рассчитаюсь с человеком, он мне просто-напросто башку продырявит.

– А я-то тут причем? Разве я сделала тебя наркоманом?

– Почему вы все спрашиваете: «Причем тут я?» Да все вы притом... Теперь давайте, платите мне, содержите меня. А что ты сделала, чтобы я не стал наркоманом?

– Ты что такое говоришь, Казбек? Что я могла сделать? Не вали с больной головы на здоровую.

– Слушай, ты. Ты уже начинаешь действовать мне на нервы. У меня есть телефон Мусы. Ведь так зовут твоего мужа?

Малика нисколько не удивилась тому, что Казбек знает имя ее мужа, и нисколько не сомневалась в том, что у него есть номер телефона Мусы. Она понимала, что сейчас нельзя заставлять нервничать Казбека. Он был способен на любую подлость.

– Я могу дать тебе только цепочку. У меня нет больше ничего, – сдалась Малика.

– Да ты что, девочка? Мы что, на рынке что ли находимся?

– Она стоит больше тысячи долларов.

Наступила пауза.

– Ладно, – сказал, наконец, Казбек. – Ты же знаешь, что я это проверю. И понимаешь, наверное, что с тобой будет, если надумаешь обмануть меня?

– Конечно, понимаю.

– Ровно через полчаса к тебе подойдет парень. В черной кожаной куртке. Отдашь ему цепочку. Поняла?

– Хорошо.

Казбек выключил телефон.

Малика сняла с себя цепочку и повесила другую, попроще, которую она взяла с собой. Она долго смотрела на цепочку, на ее глазах выступили слезы. Это был свадебный подарок матери. Малика расставалась с ней, словно с памятью.

Прошло ровно полчаса. Малика вышла на лестничную площадку. Она ждала появления на площадке посланца Казбека.

К ней подошел молодой человек в кожаной куртке, как и говорил Казбек.

– Ты Малика? – спросил он ее.

– Да, – еле слышно ответила Малика, протягивая ему цепочку.

Она посмотрела в его глаза, все еще надеясь, что они смилостивятся над ней. Но надеялась зря. Взгляд друга Казбека был такой же холодный и безжизненный.

Он быстро выхватил из дрожащей руки Малики цепочку и убежал прочь.

Прошло чуть более двух месяцев с тех пор, как Малика, как ей казалось, избавилась от Казбека.

Конечно, то, что на ней нет красивой золотой цепочки, обнаружили, и в первую очередь это заметила Луиза, жена старшего брата Мусы – Мовсара.

– А где твоя цепочка? – спросила она.

Они с Маликой находились вдвоем на кухне.

– Я дала ее подруге, – ответила Малика. – Она выходила замуж, попросила на время.

Малике стало не по себе после такого ответа. Она, конечно, догадывалась, что Луиза ей не поверила. И ей просто оставалось надеяться на ее молчание. А Муса даже не заметил отсутствие украшения. Дома Малика снимала цепочку и убирала к другим своим украшениям. Муса мало обращал на это внимания.

Малика находилась на работе. Она уже начала приходить в себя от пережитого. Время было ближе к обеду, как зазвонил ее телефон. Номер был незнаком. Малика не хотела брать, но машинально нажала на зеленую кнопку.

– Алло, Малика? – спросил ее незнакомый мужской голос.

По голосу Малика определила, что звонит нездоровый человек или же невыспавшийся. Голос был очень жалобным и немощным. Малика подумала, что это кто-то из пациентов.

– Да. Кто это? – ответила Малика.
– Как дела?
– Нормально. Кто это? – переспросила Малика.
– Малика, мне срочно нужны деньги.
– Не поняла. Кто это?
Малика с ужасом подумала, что это, возможно, Казбек. Случилось то, чего можно было ожидать.
– Я Казбек…
– Забудь этот номер, Казбек, – не дала ему договорить Малика. – Исчезни из моей жизни.
– Малика, выручи меня. Мне очень плохо.
– Сдохни, скотина.
– Ну, смотри. Я тебя предупреждал.
Но последние слова Малика уловила наполовину, она отключила телефон.
Малике снова стало не по себе. Но на этот раз она не поддалась страху, не проявила слабость и бессилие.
Она понимала, что Казбек снова может появиться на ее пути, и очень жалела, что в прошлый раз пошла у него на поводу. Просто она не была готова к встрече и к такому нападению. Малика очень жалела о том, что отдала ему цепочку, но уже было поздно.
Муса в это время тоже находился на работе. Он только что проводил одну из клиенток, которая пришла в их лечебницу со своей кошкой.
Зазвонил телефон Мусы. Он не был любителем долго говорить по телефону. Номера многих друзей или родственников у него даже не были сохранены. Он узнавал своих по голосам и не обращал внимания на то, какой или чей номер высветился на дисплее. И на этот раз он поднял трубку, даже не посмотрев на дисплей.
– Алло. Это Муса? – спросил его тот же мужской голос, что звонил Малике.
Муса подумал, что это кто-то из клиентов:
– Да. Кто это?
– Ты муж Малики?
– Да. А кто это?
– Я бывший парень Малики. Она была моей девушкой.
Сначала Муса подумал, что его кто-то разыгрывает. Но никто из его знакомых с ним никогда так не шутил.
– Уважаемый, ты не ошибся, случайно, номером? – спросил его Муса.
– Нет. Не ошибся. Ты работаешь в ветлечебнице, Малика – в четвертой городской больнице.
– Да, ты прав. Но мне твои шутки не нравятся.
– Это не шутки. Ты живешь со шлюхой. Отпусти ее ко мне. Возможно, она носит под сердцем моего ребенка, а не твоего.
Муса пришел в ярость:
– Слушай, ты, урод. Ты знаешь, что за такие слова придется ответить? И ты должен знать, каким будет спрос. Кто ты? И как ты это можешь доказать?
– А ты спроси у нее. Куда она дела свою красивую золотую цепочку. Или ты совсем слепой?
Никогда еще Муса не подвергался такому унижению. Он только теперь начал вспоминать, что не видел на ней той цепочки, о которой говорил этот человек. Ему казалось, что земля уходит из-под ног. Он сейчас был готов разорвать Малику на мелкие кусочки.
Муса отключил телефон, быстро переоделся и выбежал на улицу. Он поймал такси и решил поехать к ней, разобраться.

Муса был уже на половине пути к Малике. Добро и зло, ангел и бес боролись сейчас в его душе с равными силами. Он не знал, что делать, как быть...
«Неужели все это время я жил с неверной женой? – думал он. – Какой позор! Знает ли об этом еще кто-нибудь? Сейчас я приеду в больницу. И что я буду

делать? Буду разбираться с ней на людях? Нет. Мне нельзя в таком состоянии ехать туда. Я лучше поеду домой и поговорю с ней дома. О чем? Ведь у нее действительно исчезла цепочка. И почему я этого не заметил? И куда она ее дела? Неужели она содержит этого урода?»

– Разверни машину, – обратился Муса к водителю такси. – Поедем в Мичурино.

– Это уже будет двойная цена, – предупредил шофер.

– Ты что? За дурака меня принимаешь? – прикрикнул на водителя Муса. – Я не прошу тебя отвезти бесплатно. Вы кроме денег ничего не видите? Удавитесь за рубль.

Водитель отъехал с дороги и остановил машину.

– Слышь ты, герой. Быстро вышел из машины, – сказал таксист. – Я просто предупредил тебя. Если нет денег, я и бесплатно могу отвезти. Но за такой тон... Пока я просто прошу тебя покинуть салон.

Муса понял, что был не прав, знал, что должен извиниться, но не смог сделать этого. Сейчас он был не в том настроении, чтобы извиниться или быть с кем-то мягким, даже с собой. Он выложил на сиденье денежную купюру и вышел из машины. Водитель хотел вернуть деньги, но Муса, не обращая на него внимания, вышел из машины и пошел пешком.

Водитель выкинул в окно деньги, которые дал Муса, и поехал дальше.

Муса решил пройтись пешком. До конца рабочего дня времени еще было предостаточно, а дома он не смог бы спокойно дожидаться Малику.

Он никак не мог собраться с мыслями. «А почему я должен верить этому незнакомцу? – думал он. – А какой ему смысл мне врать? Ничего не понимаю. Я-то его точно не знаю. Может быть. А знает ли его Малика? Наверняка, иначе зачем ему звонить мне? Наверное, он хочет ей отомстить. А за что? Чем она могла ему навредить? Или это безответная любовь? Вопросов больше, чем ответов. В любом случае, в этом деле нужно разобраться спокойно. Ведь она носит под сердцем ребенка. Почему он сказал, что это его ребенок? Неужели это правда? Нет. Ни за что в это не поверю. Не способна она на такое. А вообще-то… Да черт побери, что же это происходит?»

Весь день Муса бродил по городу, думал, как ему быть. Как разобраться в этом деле, не вынося сор из избы.

Вечером, очень уставший, Муса пришел домой, зашел в спальню и стал дожидаться Малики.

День Малики тоже был тяжелым. Все из-за того же звонка.

Она догадывалась, что Казбек мог позвонить Мусе. Даже если и не позвонил, она сегодня решилась все рассказать Мусе. Больше всего ее мучил вопрос, поверит ли ей Муса? Она очень жалела, что в прошлый раз пошла на поводу у Казбека и не рассказала все мужу.

Муса сидел за компьютерным столом, когда Малика вошла в комнату. Ислам, их сын, пока находился с Луизой. Малика молча вошла и села на кровать, повернувшись спиной к Мусе. Она сидела, схватившись обеими руками за голову, не зная, с чего начать разговор и ей ли начинать его.

В комнате наступила мертвая тишина.

– Где твоя золотая цепочка? – нарушил тишину Муса.

Они продолжали сидеть спиной друг к другу.

– Я отдала ее, – сказала Малика.

– Кому?

– Казбеку.

– Кто такой Казбек?

Малика встала и хотела подойти к Мусе. Тот обернулся и жестом руки остановил ее:

– Не подходи ко мне.

Малика остановилась. Обессилевшая, она села на пол, облокотившись на кровать.

– Я слушаю тебя, – сказал Муса.

Малика рассказала все как есть. Все как было, с самого начала и до конца.

– У меня даже нет сил плакать, – закончила свой рассказ Малика. – Этот человек измотал меня всю.

– Почему ты раньше мне об этом ничего не говорила?

– А ты бы мне поверил? Ты-то, может, и поверил бы. Но он на этом не остановился и опозорил бы нас на весь поселок. Я хотела спасти нашу семью от позора, Муса. Ты человек неглупый. Надеюсь, ты поймешь меня.

В глубине души Муса, конечно, верил ей. Но сказать об этом открыто пока еще не был готов. Он должен был во всем сам разобраться. Но как? Как он мог поймать этого Казбека? Вопрос оставался открытым.

«За что же мне такое наказание? – задавал себе вопрос Муса. – Конечно, что же тут непонятного?» Первое, что пришло на ум Мусе, это то, что они отмечали его свадьбу распитием спиртного, «Аллах наказал нас в тот же вечер, – продолжал думать Муса. – Треснула по швам наша детская дружба. Конечно, и этого наказания следовало ожидать. Как можно построить счастье, здоровую семью, нарушая запреты религии? Ничего этого не было бы, если бы мы послушались Аслана в тот вечер. Если бы вместо распития спиртного мы прочитали мовлид. Тогда Всевышний уберег бы мою семью от такого позора. Ну, что случилось, то случилось. Теперь нужно искать пути выхода из сложившейся ситуации. Надеюсь, это пройдет не так болезненно».

Утром следующего дня Малика начала собираться на работу. Ислам к тому времени уже проснулся, она отвела его к Луизе и вернулась к себе в комнату. Она заметила, что Муса никуда не собирается. Обычно они вместе выходили утром из дома.

– Ты не собираешься на работу?– спросила его Малика.

– Чуть позже, – ответил Муса.

Малика знала Мусу и знала, что «чуть позже» он тоже не пойдет на работу. Она не знала, как быть. Но оставить его одного тоже боялась. Понимала, что Муса будет разбираться в этом деле, но ее пугало, что она не знала, как и что он собирается делать.

– Может, и мне подождать? – сказала Малика. – Вместе выйдем.

– Ты иди. Не жди меня.

– Муса, я боюсь оставлять тебя одного. Что ты намерен делать?

– Собирайся и иди на работу, – суровым тоном сказал Муса.

Малика не смела его ослушаться, собралась и вышла из комнаты.

Муса еще долго сидел в кресле. Он о чем-то усердно думал. На работу он, конечно же, не собирался. Он думал, как бы заманить в ловушку Казбека. О хитрости, трусости и актерском мастерстве наркоманов Муса был наслышан.

С очень маленькой надеждой на то, что телефон Казбека, с которого тот звонил вчера, будет включен, Муса, обдумав план действий, решил ему позвонить. Как он и ожидал, телефон абонента был отключен. Теперь ему оставалось только ждать звонка от него. Муса был уверен в том, что тот обязательно свяжется с ним. Ведь не просто так Казбек вышел на него и наговорил на Малику.

Время было уже ближе к обеду, но телефон Мусы все молчал. Муса начал нервничать. Он решил позвонить другу, Анзору.

– Ассаламу алайкум, Анзор.

– Ваалейкум ас-салам, Муса. Как ты?

– Нормально. Ты, наверное, на работе?

– Да. А что?

– Да так. Ничего. Просто хотел спросить тебя кое о чем, вернее кое о ком. Ты сейчас не сильно занят? Можешь поговорить?

– Да, конечно. Я слушаю тебя.

– Ты знаешь Казбека? Это тот парень, что учился с вами в медучилище.

– А-а, этого наркошу, что ли? Конечно, кто этого урода не знает? А что? А ты его откуда знаешь?

– Да я его не знаю. Просто слышал о нем кое-что. Хотел навести справки. А ты не знаешь, как его можно найти?

– Даже так? Извини, конечно, но мне очень интересно. Зачем он тебе понадобился?

– Просто узнать у него надо кое-что.

– Я очень не хотел бы, чтобы ты с этим человеком общался. Я, правда, сам после учебы его не видел и не горю желанием встретиться. О нем ходят очень дурные слухи. Везде за собой он оставляет горький след. Даже родные братья не могут его найти, чтобы наказать, остановить.

– Так значит, и дома его не застать?

– Однозначно. Его отец выгнал из дому. Его семья только тем и занимается, что расплачивается за его долги.

– Понятно, – еле слышно сказал Муса.

– А что ты хотел у него узнать? Ни у кого другого нельзя это спросить?

– Нет. Мне он нужен лично.

– Это будет проблемно. Я не удивлюсь, если его вообще нет в республике.

– Ладно, Анзор, спасибо за информацию. Не буду больше отнимать у тебя время. До встречи.

– Будь осторожен с этим человеком. И не иди к нему на встречу один, если она даже и состоится. Позвони мне. Надеюсь, у тебя от меня нет секретов?

– Нет, конечно. Я буду держать тебя в курсе.

На этом разговор друзей закончился.

Муса продолжал ждать звонка.

Наконец зазвонил телефон Мусы. Номер был не знаком, но Муса надеялся, что это Казбек вышел с ним на связь. Он поднял трубку.

– Алло. Это Муса? – Муса узнал голос Казбека. Он понимал, что с ним нужно говорить как можно мягче, чтобы не спугнуть.

– Да, я. А ты кто?

– Я Казбек. Так что ты решил? Ты разведешься с Маликой? Отпустишь ее ко мне?

Конечно, Муса понимал, что это психологическая атака, что Малика ему не нужна.

– Ты сильно ее любишь? – спросил Муса.

– Мы оба любим друг друга, с тобой она живет просто из жалости.

Мусе было очень больно и трудно говорить на эту тему. Но он не мог выпустить из рук этого человека. На кону стояла честь его семьи. И он должен был держать себя в руках, не давать воли эмоциям.

– А сколько ты за нее заплатишь? – спросил Муса.

– Что-о?

– Ты же говоришь, что вы любите друг друга. Она сейчас моя жена. Хочешь, чтобы она стала свободной, плати. В жизни за все надо платить, а за любовь даже двойную цену. Я ее тоже люблю, но если она любит тебя, а не меня, понимаю, что насильно мил не будешь. Так что, заплати, и я отпущу ее к тебе.

Наступила пауза. Муса понял, что его слова дают должный результат. Теперь главное было не сломаться и дойти до конца.

– Да ты ее тогда не любишь, – сказал Казбек.

– С чего ты взял?

– Ты готов обменять свою любовь на деньги?

– Да. И тебе предлагаю то же. Я теряю любовь – получаю деньги. Ты теряешь деньги – получаешь любовь. И все остаемся в выигрыше. И к тому же, ты говоришь, что она ждет ребенка от тебя.

Опять наступила пауза.

– Ну-у… Подумай сам, ведь она сейчас твоя жена. Люди думают, что ты отец ребенка. Как я сейчас могу на ней жениться или жить с ней? Давай подождем, пока она родит. Пусть пока поживет с тобой.

– Нет. Я не собираюсь растить чужого ребенка, – сказал Муса. – Мы должны

решить вопрос сегодня же. Или она уходит к тебе, или ты уходишь из нашей жизни. Выбирай.

– Ты меня озадачил, Муса. Не думал, что с тобой так легко и быстро можно будет договориться. Приятно иметь дело с понимающим человеком. Но, знаешь, у меня есть некоторые нерешенные бытовые, материальные проблемы. Я сейчас не готов к созданию семьи. Просто нам надо будет повременить.

– Давай тогда договоримся так, – сказал Муса. – Временить с этим мы не будем. Я готов принять твоего ребенка как своего. Откажись ты от Малики, ради своего ребенка. Он ни в чем не будет нуждаться, обещаю. Оставь Малику мне, уйди из нашей жизни. Ведь ты не желаешь зла своему ребенку?

– Конечно, нет. Ну, понимаешь, мне будет трудно жить, зная, что мой ребенок, моя любимая женщина живут с чужим мужчиной.

– Я понимаю тебя, – сказал Муса. – И ты, наверное, понимаешь, какой позор я взваливаю на свою семью. Этот разговор должен остаться между нами. Никто не должен знать об этом.

– Да. Но...

– Я заплачу.

Опять наступила пауза.

– Понимаешь, такое предложение трудно принять, – произнес Казбек. – Но ради ребенка я даже не знаю, как правильно поступить.

– Ладно, – сказал Муса. – Прекратим разыгрывать спектакль. Давай снимем маски. Не будем тянуть резину. Тебе нужны деньги, мне нужен покой в семье. Сколько ты хочешь?

– Круто ты все повернул. Не был я готов к такому повороту. Ну, пожалуй, за три тысячи долларов я откажусь от счастья с любимой ради ребенка.

– Хорошо, – сказал Муса и сразу пожалел о том, что так быстро согласился. – А ты обещаешь, что больше не появишься в нашей жизни?

– Клянусь. Когда ты сможешь передать деньги?

– В течение часа, я думаю, что смогу набрать эту сумму. Ты понимаешь, что на руках такие суммы не всегда бывают. А где мы встретимся?

– Найди деньги и позвони, когда они будут у тебя на руках. И мы договоримся о встрече.

– Хорошо. Мне на этот номер позвонить?

– Да.

– Хорошо. Только не отключай его.

– Я в этом меньше заинтересован.

Муса почувствовал, как ожил собеседник при последних словах. Теперь для него было главным попытаться встретиться с ним лично и довести свое дело до конца. Защитить семью от нависшей над ней угрозой самого унизительного позора, который хуже самой смерти.

Из переговоров с Казбеком Муса получил ответ на один из вопросов: Малика была ему верна.

Прошло чуть более часа. Муса, конечно же, никуда не ходил, не искал денег. Он и не собирался их давать Казбеку, зная, что на этом Казбек не остановится. Единственное, о чем жалел Муса, что у него не было пистолета. Он не был лично знаком с Казбеком, не знал о его спортивных, физических возможностях. Он просто боялся, что тот сможет убежать, вырваться из его рук.

Сначала он хотел взять с собой кого-нибудь в помощь, кого-то из друзей или родственников. Но он не хотел, чтобы этот скандал вышел за пределы его семьи.

Теперь он был готов к встрече с Казбеком. Муса позвонил ему, они договорились о месте встречи, которое назначил Казбек – в парке, на окраине города, чего хотел и Муса.

Муса вызвал такси и поехал на встречу. Примерно через полчаса он был на месте и ждал Казбека. Тот подошел не сразу, сначала он убедился, что Муса приехал один.

Муса не собирался с ним долго говорить. Главное для себя он узнал. Малика была с ним честна, Казбек просто вымогал с них деньги, и он не остановился бы ни перед чем. Два варианта могли остановить вымогателя: схватить его, передать властям, чего Муса делать не собирался, второй – лишить его жизни. Муса очень этого не хотел, но выбора для него Казбек не оставил. Прежде чем принять такое решение, Муса все четко взвесил. Он не исключал, что в отношении его, возможно, будет объявлена кровная месть. Но это его не пугало, он, прежде всего, думал о своем сыне. Муса не мог позволить, чтобы Казбек пустил, пусть и ложную, но сплетню о том, что его мать была неверна своему мужу.

Муса с Казбеком, наконец, встретились. Казбек подошел к нему и остановился примерно в пяти метрах от Мусы. Муса попытался подойти ближе. Но Казбек остановил его жестом руки.

– Не подходи близко, – сказал он. – Мы и так можем поговорить. В принципе, мы обо всем уже поговорили. Положи деньги там, где стоишь.

– А где у меня гарантия, что ты больше не появишься на моем пути?

– Я же дал тебе клятву.

– Мне твоей клятвы недостаточно. Мне нужна более твердая гарантия.

– Какая еще гарантия тебе нужна?

Муса достал из кармана складной кнопочный нож и раскрыл его.

– Твоя смерть! – сказал Муса и побежал к Казбеку.

Муса чуть не догнал его, он замахнулся ножом, но не смог даже зацепить.

Казбек вытащил пистолет и, отбегая назад, произвел три выстрела в грудь Мусы.

Произошло то, чего Муса боялся. Казбеку удалось перехитрить его и уйти от него. Здесь Казбек оказался хитрее и ловчее.

Сраженный тремя пулями, Муса упал на землю. Ему было больно не от раны, а от того, что он потерпел неудачу и упустил этого негодяя.

Казбек хотел произвести еще выстрел, контрольный, в голову. Но пистолет дал осечку, заклинил. Вытерев с него носовым платком отпечатки пальцев, Казбек выкинул пистолет в кусты и побежал прочь.

Муса, истекающий кровью, остался лежать на земле.

В это время неподалеку от места трагедии, у реки Сунжа, отдыхали трое мужчин. Они распивали спиртное и ко времени, когда услышали выстрелы, были изрядно пьяны.

Один из них заметил убегающего Казбека.

– Что это было? – спросил он своих товарищей.

– Да, наверное, просто стреляют. Здесь на прошлой неделе были двое. Один покупал автомат, проверял на точность попадания. Наверное, то же самое.

– Я видел, как один побежал от того места.

– Значит, нам тоже надо бежать отсюда.

– Что значит «надо бежать»? Вдруг он убил кого-то?

– Вот поэтому я и говорю. Бежать отсюда надо.

– Ты ненормальный? Вдруг там раненый кто лежит? И ему нужна помощь?

– Зачем тебе эти бандитские разборки? Тебе что, проблемы нужны?

– Ты что? Американских фильмов насмотрелся? О каких бандитских разборках ты говоришь? Мы же чеченцы и находимся в Чечне.

Махнув на своего товарища рукой, мужчина побежал в сторону, откуда бежал Казбек. Под одним из деревьев он заметил истекающего кровью Мусу и подбежал к нему, попытался поднять его и позвал на помощь своих друзей.

– Потерпи немного, брат. Сейчас мы отвезем тебя в больницу.

Двое товарищей поспешили к ним и отнесли Мусу к машине. Уложили его на заднее сиденье. Один сел с Мусой, двое впереди, и они быстро выехали на трассу.

Окончание следует.

Драматургия

Муса Ахмадов

Встреча с избирателями

Комедия

Действующие лица:

Бийберд Алмалаков
Бикату Периева
Ведущий
Представитель Аламбека
Первый человек
Байтаев
Бакболат
Представитель Алмалакова
Ашми
Маржан

ВЕДУЩИЙ. Товарищи! Братья! Сестры! Мне хочется начать с пословицы. Каждому стаду нужен вожак. Если мы стадо, нам нужен вожак, чтобы вести нас. Положение овец во многом зависит от вожака. Если вожак хороший, он ведет стадо на луга, покрытые сочной травой и цветами. Если же плохой, он ведет его прямо к пропасти. Так и наши дела будут зависеть от вожаков… вернее, депутатов, которых мы изберем. Настоятельная просьба к вам не превращать наше мероприятие в базар, как обычно всегда выходит. Так вот…

Уважаемые избиратели! Сегодня у нас в гостях кандидаты в депутаты. Я познакомлю вас с ними в алфавитном порядке:

1. Алмалаков Бийберд, бизнесмен;
2. Гендарханов Аламбек, экстрасенс;
3. Периева Бикату, Мисс Кавказских гор.

Дадим им слово в том же порядке. Слово предоставляется Алмалакову Бийберду.

АЛМАЛАКОВ. Добрый день, сограждане! Меня не было на родине пятнадцать лет. Но я всегда думал о нашей родине, и днем и ночью. Чаще мысли о том, чем бы помочь своим соотечественникам, приходили мне в голову ночью. Приехав как-то домой, я раздал своим односельчанам десять мешков кукурузной муки. Потом пожертвовал ради нашей родины двадцатью тремя копейками. Не потому, что подать больше не было возможности, просто жертвование двадцати трех копеек – это вайнахская традиция. А традиции надо беречь.

Я всегда, даже будучи вдали от родины, соблюдал наши традиции. Жена каждую неделю готовила для меня жижиг-галнаш. Галушки были из кукурузной муки, а к ним чесночный соус. Если вы изберете меня, я постараюсь, чтобы у каждого из вас была возможность еженедельно готовить жижиг-галнаш. Я даю вам слово.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я извиняюсь, мясо какое будет – говядина или баранина?

АЛМАЛАКОВ. Какое хотите.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я хочу говядину, от баранины у меня поднимается давление.

АЛМАЛАКОВ. Тогда я дам тебе говядину.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Это еще не все. Баранина дороже, поэтому на каждый килограмм баранины, который получат другие, я хочу полтора килограмма говядины. Потому что баранина стоит шестьдесят рублей, а говядина – сорок.

АЛМАЛАКОВ. Хорошо, так и сделаем.

БАКБОЛАТ. Подождите! Я не согласен. Мяса надо дать всем одинаково, а ты, если против, бери баранину…

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Тебе какое дело, у тебя что, умирает семь близких человек, если мне дадут полтора килограмма?

БАКБОЛАТ. А у тебя что, умирает восемнадцать, если я прав? Ешь баранину…

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. А ты ешь, если хочешь, свинину…

БАКБОЛАТ. Все твои семь предков ели свинину!

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Будь прокляты семь твоих отцов, если ели!

Бросаются друг на друга.

ВЕДУЩИЙ. Эй, прекратите! Мясо еще никто не раздает. Это будет только тогда, когда Алмалакова изберут депутатом. Подождите!

Усаживает обоих по своим местам.

БАЙТАЕВ. Послушайте. Наша беда в том, что мы не умеем слушать друг друга. Каждый желает высказаться. А как должно быть? Умный должен говорить, остальные – слушать. Знаете, почему у нас случились две войны? Потому что мы не слушаем друг друга. Умного человека надо слушать. Иначе начинается война. Если вы не будете слушать меня, может начаться и третья война.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Хочешь сказать, что ты такой умный?

БАЙТАЕВ. Подожди, не спеши. Сейчас все объясню. Богословы говорят, что Бог одним дал ум, другим – денег, третьим – силу, четвертым – красоту. Мне не дали ни денег, ни силы, ни красоты… Дали ум. Поэтому, если не хотите, чтобы вновь начали падать бомбы, слушайте меня.

БАКБОЛАТ. Люди, слушайте! Если не хотите, чтоб началась третья война, послушаем его.

ГОЛОСА. Правильно!

Правильно!

Будем слушать его!

БАЙТАЕВ. Я сейчас сочинил стихотворение в честь нашего бизнесмена и купца. Хочу зачитать его.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Давай, вперед!

БАЙТАЕВ.

Наш Бийберд,
В твою честь
Сложил стихи я.
Я рад,
Что ты
Купец.
Верю,
Что раздашь
Ты мясо.
Поэтому
Я слагаю
Стихи.
Будем раздавать:
Ты – мясо,
Я – стихи.
Твое мясо,
Мои стихи
Нравятся людям.

Хочу передать тебе эту рукопись. Береги ее, это я написал собственной рукой. В будущем продашь ее в музей и восстановишь деньги, которые тратишь сегодня.

Передает тетрадь Алмалакову.

АЛМАЛАКОВ. Спасибо. Это очень ценный подарок.

БАЙТАЕВ. Этого добра у меня много, вот если бы ты помог мне издать книгу.

АЛМАЛАКОВ. Как только я стану депутатом, я издам твою книгу.

БАЙТАЕВ. Спасибо!

БАКБОЛАТ. Подождите! Подождите! Меня зовут Бакболат. Что это значит? Первая часть имени – Бак (бакъ[1]) – означает, что я всегда говорю правду. Вторая часть – Болат[2] – означает, что я буду тверд, как сталь. Поэтому я и сегодня буду говорить одну лишь правду. Мне есть что сказать и про Алмалакова.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. У тебя, наверное, дома компьютер, и ты на всех собираешь досье.

БАКБОЛАТ. Моя голова работает не хуже компьютера… Я хорошо знаю Алмалакова… Знаю, чем он занимался, как сколотил свое состояние. Сначала он был в Москве кидалой… Брал с людей деньги, вроде бы, на покупку машины, потом кидал их… Потом занимался рейкой… Вы, наверное, подумали, что он трудился на стройке… Куда там! Их рейка была иной… Если выразиться точнее, это не рейка, а рэкет… Отъем денег запугиванием…

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛМАЛАКОВА. Это неправда! Ложь!

БАКБОЛАТ. Не перебивай! Как бы ни старался, тебе не остановить меня… Слушайте, это пойдет вам на пользу… После этого, осуществив операцию с «воздухом», он привез два «КамАЗА» денег. Несмотря на то, что денег у него куры не клевали, он не дал ни копейки ни родственникам, ни односельчанам. Ох, сколько ж у него было денег, сколько денег! У-у-у! Не пересчитать! Они не умещались под навесом, ящики мокли под дождем, лежали в грязи. На эти деньги он закупил и привез в республику шестьдесят «КамАЗов» сливочного масла и двести голов скота. Холодильников, чтобы хранить это масло, у него не было, раскупали его плохо, и оно испортилось, и он стал его топить. От этого в городе поднялась такая вонь… До сих пор стоит. По крайней мере, стоит ему появиться, как эта вонь ударяет в нос.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛМАЛАКОВА. Что за бред?! Что это за концерт ты тут устроил?!

БАКБОЛАТ. Так вот. Затем он привез хороших, больших дойных коров. Красивые, пестрые коровы русской породы. Не коровы, а загляденье. Их он, погрузив на машины, отвез в горы. В горах в то время были яки, которых завезли с Алтая. Алмалаков хотел скрестить своих коров с яками, чтобы вывести новую породу. Мичуринец! И что из этого вышло? Да ничего! Ни один як даже не посмотрел в сторону его коров. Они постепенно сгинули – пали от болезней, сорвались в пропасть. Вот такой вот бизнес он тогда провернул. Я не знаю ни одного человека, кому бы он тогда помог.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛМАЛАКОВА. Зато я знаю таких людей, и немало. А ну-ка, Ашми, заходи, скажи…

Заходит Ашми.

АШМИ. Он дал мне мешок муки и мешок сахара… Сказал, что купит машину, построит дом…

БАКБОЛАТ. Не переживай, будет тебе и дом, и машина…

В это время на сцену из зала поднимается Маржан.

МАРЖАН. Подожди! Не могу терпеть ложь, которую наговаривают на

моего сына, что он заработал деньги рейкой, «воздухом»… Вы можете сколько хотите перегонять «воздух», но денег вам это не принесет. Если хотите знать, как он заработал деньги, спросите меня… Я вам расскажу. Как вы знаете, овцы с равнины к весне тощают, и их перегоняют в горы. Осенью овцы, набрав вес, обрастя шерстью, возвращаются обратно. К этому времени мой сын на узких улочках села соорудил изгороди из колючих веток. И вот солнечным осенним днем по нашим улицам потянулась отара. Зацепилась овца за колючку изгороди – вот тебе клок шерсти, зацепилась за другую – еще клок… Мы не успевали собирать… За неделю собрали два «КамАЗа» шерсти. Мы вдвоем с сестрой Хазбикой постирали ее. После этого, устроив белхи[3], чесали ее в течение недели. Девушки чесали шерсть, пели, молодые люди слушали их, шутили, время от времени они устраивали танцы. Так, танцуя и шутя, молодежь помогла нам с работой. Мы с сестрой быстро сделали из шерсти пряжу. Из нее мы связали свитера, безрукавки, варежки, отправили их в Сибирь, к хантам и манси (говорят, два этих народа произошли от братьев-чеченцев Хантига и Мансура, отправившихся некогда в Сибирь на шабашку), и продали там. С вырученными на них деньгами мой сын отправился в Турцию, привез оттуда много «Бакусов» и сосисок, продал их и отправился в следующий рейс. Такой вот честной торговлей мой сын заработал деньги.

БАКБОЛАТ. Если это так, почему старики из вашего села не идут, когда вы их зовете, к вам на мовлид?

МАРЖАН. Потому, что у них сердца черные! Ты спроси, опустила я после этого руки?! Нет. Я привезла из города молодых ученых-богословов, крепких, здоровых. Они и мовлид прочитали, и зикр сделали. Я и окна открыла: пусть недоброжелатели слышат и завидуют!

Мюриды из Грозного, поужинав вареными бараньими ребрами и галушками, запив их чаем, скушав по банану, уехали, получив от меня каждый по сто рублей. Эти деньги могли бы получить мюриды нашего села, если бы они, закрыв свои рты и не злословя, пришли, когда их позвали. Не пришли…

БАКБОЛАТ. Выходит, ты и твой сын правы, а все село не право?

ВЕДУЩИЙ. Подожди, Бакболат. Не превращайте нашу встречу в базар. Маржан, иди на свое место, садись.

Маржан возвращается на свое место.

Тише, люди! Предоставим слово второму кандидату – экстрасенсу Гендархалову Аламбеку

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Вместо Аламбека говорить буду я. Сейчас у него время молчать. В такое время голова усиленно работает. Он дал обет не говорить до тех пор, пока его не изберут депутатом.

АЛМАЛАКАОВ. Долго же ему придется молчать!

ВЕДУЩИЙ. Не шумите! Продолжай.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Божьей милостью этот человек живет среди нас. Знаете, что это за человек? Вы знаете его?

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Конечно, знаем. Разве это не Гендархалов Аламбек?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Знать фамилию и имя недостаточно, чтобы узнать человека… Нужно знать семь его отцов. Его седьмой прадед Аха трое суток сражался с драконом, который залег у родника, на четвертый день убил его, но и сам умер от яда, что изрыгал дракон.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Вот это да!

Не может быть!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Да, да. Это правда. Его шестой прадед… Аа был шаманом, танцевал вокруг костра… Когда устанавливалась засуха и гиб урожай, Аа неистово, как Махмуд Эсамбаев, начинал танцевать, и шел дождь.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Ах! Ну и ну!

Неужели это правда?!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Его пятый отец Ама лечил домашних

животных и зверей. Раз к нему приходил даже волк из леса, чтобы он вынул застрявшую в горле кость. В другой раз его посетил медведь, чтобы он вытащил занозу из лапы…

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Ого!

Вот это чудеса!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Четвертый отец Аламбека Даа лечил людей травами. Очень хороший был лекарь. Возвращал молодость. Лечил от всех болезней. Третий его отец, Ада, предсказывал будущее по бараньей лопатке. Видел также прошлое.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Вот это да!

Чудеса, да и только!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Дед Аламбека Аба тоже предсказывал будущее, но по звездам. Небо было для него книгой, в которой он ясно видел судьбы людей.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Ах!

Не может быть!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Его отец был вначале директором самой крупной базы в Грозном, затем стал заведующим самым крупным складом в городе. Мало найдется в республике людей, кому бы он ни помогал. А мать его имела связь с джиннами и с их помощью лечила людей.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Вот это да!

Невероятно!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Сам Аламбек имеет способности всех своих семи отцов и восьми матерей. Он и лекарь, и провидец, и мастер.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Чудеса!

Неужели такое возможно?!

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. И что он предсказал?!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Много чего. К примеру, в прошлом году, в мае, он сказал, что в декабре выпадет снег. И, представьте себе, снег в декабре действительно выпал!

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вот это да! Я проголосую за Аламбека!

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Если его изберут депутатом, Аламбек намерен излечить всех жителей нашей республики. Единственное, против чего он бессилен, это смерть. Вылечить людей от всех остальных болезней в его власти.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА. Я проголосую за Аламбека.

Я тоже!

И я!

БАЙТАЕВ. Я хочу сказать несколько слов. Почему? Потому что поэт лечит сердца людей, а Аламбек – их тела…

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Аламбек и сердце может вылечить.

БАЙТАЕВ. Ты меня не понял. Я выразился образно. Поэт лечит сердце человека, его разум, душу… Поэтому мы с ним будем работать вместе, он будет лечить болезни людей, а я – их сердца, души. Тогда увеличится численность нашего народа. Через десять лет она составит уже десять миллионов.

БАКБОЛАТ. Э-эх! Тогда-то мы показали бы этому миру, кто мы!

БАЙТАЕВ. Подождите! Этого не случится, если Аламбек не согласится работать вместе со мной! Ты согласен?

Аламбек в ответ что-то бурчит.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Приятель! Я же уже говорил вам! Ему пока нельзя разговаривать! Говори быстрее, что хотел сказать, и не пытайся заставить Аламбека нарушить свой обет!

БАЙТАЕВ. Ты прав! Да, ты прав! Я скажу стихами.

Аламбек, Аламбек,

Мастер он на все руки.

Он лечит больного,
Он лечит копыто лошади.
Он лечит ухо осла,
Удалит зуб ребенку…
Все в его силах!
Аламбек – золотые руки!
ГОЛОСА. Как хорошо сказано!
Мне понравилось про ухо осла!
А мне – про зуб ребенка!
БАКБОЛАТ. Подождите! Тише! Я хорошо знаю и Аламбека, и семь его отцов! Никого они не лечили… Никакого дракона Аа, седьмой предок Аламбека, не убивал. Мне отец рассказывал, что у него не все были дома, он все время бесцельно ходил по улицам и питался лопухами. Поэтому и прозвали его так – Аа[4]. Как-то он копался в лопухах, его укусил паук, и от его укуса Аа умер.

Аламбек бурчит что-то нечленораздельное.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Не пытайся заставить его нарушить обет! Не лги! Какое ты имеешь право говорить о его седьмом отце, который умер в незапамятные времена! Оставьте в покое покойников!
БАКБОЛАТ. Я не намерен лгать про человека только из-за того, что его нет в живых…
ГОЛОСА. Не трогайте покойников!
Оставьте в покое мертвых!
Им и так тяжело!
Бедные, в тесных могилах!
БАКБОЛАТ. Ладно, раз вы просите, не будем говорить о мертвых… А Аламбек живой?
ВЕДУЩИЙ. Был жив, если ты не убил его своей болтовней.

Смотрит внимательно на Аламбека.

Моргает. Значит, жив!
БАКБОЛАТ. Очень хорошо… Буду говорить о живом. Этот Аламбек начал экстрасенсом… Дурачил людей, называя себя экстрасенсом. Как-то к нему явился один пожилой горец с дочерью, которую мучили джинны. Девушка была писаная красавица. Обещав отцу, что вылечит ее, Аламбек довел бедную девушку до того, что та забыла про джиннов. Ее родные, поклявшись убить Аламбека, искали его по всей республике, и он скрылся в калмыцких степях. Через пять-шесть лет, когда старик умер, вернулся…
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Это ложь! Неправда! Этот человек пытается опорочить добрые имена чеченских молодцев, каковым является Аламбек! Из-за таких людей по нашей республике и прокатились две страшные войны. Его настоящее имя Харцболат[5], а не Бакболат! Все, что я говорил про Аламбека, истинная правда…
БАКБОЛАТ. Есть здесь хоть один человек, которого вылечил Аламбек?
ПРЕДСТВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Есть. Я… Год назад у меня парализовало левый бок, я потерял зрение, речь, возможность передвигаться. Одним словом, я был бревном, а не человеком. Аламбек поднес руку к глазам – вернулось зрение, поднес руку к губам – вернулась речь…
БАКБОЛАТ. Лучше бы он не делал этого, а то слишком много болтаешь…
ПРЕДСТВИТЕЛЬ АЛАМБЕКА. Подожди, дай закончить… Аламбек провел рукой по левому боку, и я смог встать… Так, в течение минуты, он излечил меня от всех болезней…
ГОЛОСА. Вот это да!
Настоящий лекарь!
Экстрасенс!

Наш наставник!
Я проголосую за него!
Я тоже…
И я…

ВЕДУЩИЙ. Тише! Дождитесь выборов, тогда проголосуете, за кого хотите. Слово предоставляется Периевой Бикату, Мисс Кавказских гор! Прошу, Бикату!

БИКАТУ. Леди энд джентельмены! Дамы и господа! Женщины и мужчины! Я Мисс Кавказских гор. Знаете, как трудно было завоевать этот титул?! Не могла позволить себе поесть, чего хотелось. Железная диета! На завтрак – толокно с простоквашей, на обед – жареная кукуруза, на ужин – молотый овес… Тяжким трудом достигла я таких высот. И я поверила, что покорю любую вершину, потому что мне море по колено. Если хотите, чтобы в нашей республике воцарился порядок, голосуйте за меня. Красота спасет мир! Слышали такое выражение? Эти слова сказаны про меня и про подобных мне. Мы должны спасти этот мир!

БАКБОЛАТ. Хочешь сказать, что ты красива?

БИКАТУ. Это видно и без моего утверждения, стоит лишь взглянуть на меня.

БАЙТАЕВ. Подождите! Тише! Молчите все, меня охватил творческий порыв! Его называют вдохновением! Как скромна наша Мисс Кавказских гор! Я написал про нее стихотворение. Вернее, эти строки сами сложились в моей голове.

Бикату, Бикату,
Скромный человек,
Наполнила красотой ты
Весь этот мир.
Красавица Хазбика[6],
Светлая Нурбика[7],
Гордая Курбика[8],
Скромная Бикату.

ГОЛОСА. Да-а!
Каков парень!
Хвала Бикату!
Она этого стоит!
Талант!

БАКБОЛАТ. Эй, подожди-ка! Ты посвящаешь стихи всем подряд. Скажи нам, за кого ты?

БАЙТАЕВ. Как это? Я за всех! Если на выборах победит Бикату – буду за нее, если Аламбек – за него, ну а если Бийберд – за Бийберда. Я даже за тебя буду, если победишь ты.

БАКБОЛАТ. Поразительно!

ЖЕНЩИНА ИЗ ЗАЛА. А скажи, кто наградил тебя этим титулом – Мисс Кавказских гор?

БИКАТУ. Я завоевала его на нашем сельском конкурсе, заняв первое место!

ЖЕНЩИНА ИЗ ЗАЛА. Если самая красивая ты, представляю, как выглядят ваши некрасивые девушки!

ВЕДУЩИЙ. Вопросы будете задавать после ее выступления. Продолжай, Бикату.

БИКАТУ. Аламбек, который выступал до меня, сказал, что у него нет лекарства от смерти… А вот у меня есть… Человек должен жить вечно! Это называют бессмертием! Если изберете меня, я гарантирую вам бессмертие!

БАКБОЛАТ. Что она несет?

БИКАТУ. Да, это так. Американские ученые замораживают больного, помещают в холодильник, а потом, когда изобретут лекарство от его болезни,

вытаскивают, лечат и отпускают уже абсолютно здоровым человеком. У меня заключен договор с их фирмой. Кто хочет жить вечно, записывайтесь сегодня же!

ГОЛОСА. Запиши меня!

Меня!

Подожди, я первый сказал!

Это ты подожди!

Меня-а!

Люди рвутся на сцену.

БАКБОЛАТ. Тише, люди! Успокойтесь! Все люди смертны! Каждый, кто утверждает обратное, либо безбожник, либо шайтан!

Устанавливается тишина.

ГОЛОСА. Шайта-ан?

Как, шайтан?

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. А если это правда?

БАКБОЛАТ. Это легко проверить. Бисмиллах1ир рохьманир рохьим![9]

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ой! А куда это они все подевались?

Три кандидата, Представитель Аламбека и ведущий исчезают, словно испарившись в воздухе. Их ищут и под столом, и под стульями.

ГОЛОСА. Ой-й!

Они все оказались шайтанами!

БАКБОЛАТ. Послушайте, люди! Мы чуть не позволили обмануть себя шайтанам! После сегодняшнего мы все должны призадуматься. Нельзя верить всему, что нам говорят. Задумайтесь! Задумайтесь!..

Занавес

---

[1] Бакъ (чеч.) – правда.
[2] Болат (чеч.) – сталь.
[3] Белхи (чеч.) – коллективная взаимопомощь.
[4] Аа, 1аь1 (чеч.) – лопух.
[5] Харцо (чеч.) – ложь, неправда.
[6] Хаза (чеч.) – красивый, красивая.
[7] Нур (чеч.) – свет.
[8] Кур (чеч.) – гордый, гордая.
[9] Бисмиллах1ир рохьманир рохьим! (араб.) – во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Молитва, с которой начинается каждая сура Корана.

Перевод с чеченского С. Мусаева.

История

Вахит Акаев

Чеченский алим Магомед-Башир-хаджи Арсанукаев: духовное возвышение и поиск истины

Тасу Арсанукаев

Если бы мне физическое здоровье позволило,
то я непременно поехал бы учиться,
чтобы пополнить свои знания

Слова муфтия М.-Б. Арсанукаева,
произнесенные им в возрасте 80 лет.

1. Духовное становление и репрессии власти

Магомед-Башир Арсанукаев – известный чеченский богослов, алим, как принято называть в местной религиозной традиции. Родился он 10 марта 1913 года в селе Алхан-Юрт Урус-Мартановского района Чечни в семье Тасу-муллы Арсанукаева (1880-1943), известного на Северном Кавказе богослова. В Алхан-Юрте Тасу имел медресе (хьуьжарш), где обучались муталимы из Чечни, Ингушетии и Дагестана.

Тасу, сын землепашца и сельского лекаря Арсанака из Алхан-Юрта, религиозное образование начал у Ибрагима-хаджи Гойтинского, затем, по просьбе Хака-муллы из Урус-Мартана, перешел обучаться в его медресе, где завершил свое духовное образование. Как утверждает предание, местным муталимам не понравилось, что более способного, чем они ученика, переводят к ним. Когда об этом стало известно Хаке-мулле, он заявил, что недовольные могут покинуть медресе.

Пытаясь оказать помощь своему талантливому ученику, Хака обратился к одному купцу с просьбой профинансировать Тасу для продолжения учебы в арабском мире. Богач ответил: «Зачем направлять молодого человека из чужого села, когда можно поддержать своего?»

Тасу, получивший основательную религиозную подготовку у именитого чеченского богослова Хака-хаджи, в начале 20-х годов XX века становится имамом мечети с. Алхан-Юрта. Здесь он практиковал недолго. Как-то ингуши из Назрани, не имевшие образованного религиозного наставника, обратились к Хаке-мулле с просьбой переехать к ним для руководства религиозными обрядами. Но мулла Хака в силу своего преклонного возраста не мог удовлетворить их просьбу. Он посоветовал ингушам обратиться к Тасу-мулле, отметив, что тот подготовлен не хуже, чем он сам. Тасу переехал в Ингушетию, где в течение нескольких лет являлся имамом мечети в Насыр-Корте. Спустя некоторое время односельчане вернули Тасу-муллу домой в Алхан-Юрт. Здесь он создал медресе (которое называлось Тас-хьуьжарш) и начинает учить чеченских и ингушских детей.

По своему религиозному мировоззрению Тасу являлся мусульманским ортодоксом, строго придерживавшимся канонов классического ислама. Когда к нему обращались представители разных вирдов с просьбой разрешить им в местной мечети исполнять религиозный обряд с учетом особенностей, введенных их устазами, то Тасу-мулла отвечал, что он тоже имеет устаза, но в мечети всем следует поступать, как велит шариат, а не так, как якобы сказал его устаз или другой устаз.

Споры, которые возникали между последователями различных вирдов, он разрешал ссылками на шариат. Это позволяло преодолевать конфликты между мусульманами, почитавшими разных устазов и следовавшими их суфийским наставлениям.

Однажды к Тасу обратились два его односельчанина по поводу следующего факта. В реке, зацепившись за землю, лежало большое дерево, снесенное во время дождей. Подойдя к нему, житель села топором сделал зарубку. А другой житель это дерево перенес к себе домой. Тот, кто сделал зарубку, заявил, что дерево принадлежит ему, поскольку оно им было найдено первым, и он оставил на нем отметину. Второй заявил, что дерево его, ибо он не видел отметины, и привез его к себе домой. Когда они обратились к Тасу рассудить их, тот лаконично ответил, что первому принадлежит щепка от зарубки, а второму само дерево.

В начале 20-х годов Тасу избирают председателем Грозненского окружного шариатского суда. Он отказывается от должности председателя суда, заявив, что ему легче будет нести ответственность перед Всевышним за личные решения, чем за судебные решения других судей, и согласился стать рядовым судьей. Кстати, одно из его судебных решений, датированное 1924 годом и написанное им самим, сохранил до настоящего времени его бывший ученик, известный мулла Билал Алимханов и перед своей кончиной передал потомкам Тасу-муллы. Как известно, шариатские суды в Чеченской автономной области были ликвидированы в 1926 году.

Советские чиновники религию в Чечне рассматривали как канал кулацко-клерикального влияния на массы. 4 августа 1928 года от краевого чиновника Д. Нагиева в Президиум Северо-Кавказского крайисполкома поступила докладная о результатах обследования деятельности Чечоблисполкома. В документе отмечалось, что в Чечне при населении 307 752 чел. общественных мечетей – 675, кубовых – 2 тыс., разных сект, группирующихся вокруг шейхов и шейхствующих – 38. Против 105-ти советских школ с 6-ю тыс. учащихся имелись 180 арабских школ с 3-мя тыс. учащихся[1].

Далее утверждалось, что рост арабских школ и влияние арабизма является самым серьезным политическим вопросом, ибо через них воспроизводятся кадры арабистов, мулл и шейхов. Духовенство обвинялось в агитации против советской власти, т.к. они заявляли, что в светских школах воспитывают безбожников, а власть выступает против адатов и ислама. Местные органы власти, судя по докладной записке, были не способны этому противостоять, они обвинялись в преступной бездеятельности[2].

Описанная в документе чиновника картина передает духовное состояние чеченского общества, в котором невольно шла борьба за души людей. Большевики как противники ислама, арабских школ были обеспокоены тем, что среди чеченцев ислам сильно укоренен. А советская школа не была в силах переломить ситуацию, отсутствовали квалифицированные кадры из числа чеченцев, русских было мало, отсутствовали светлые оборудованные учреждения.

9 апреля 1930 года командир 28-й стрелковой горной дивизии А.Д. Козицкий в своих заметках, посвященных причинам бандитизма на Северном Кавказе, пишет, что борьба с мулльским влиянием ведется не культурными способами, а административным нажимом, в результате чего население в мулле видит мученика за веру, а не эксплуататора, играющего на народной темноте[3].

С укреплением советской власти в Чечне начался процесс раскулачивания. В феврале 1935 года Тасу был арестован, обвинен в кулачестве и вместе с семьей сослан в Узбекистан. Вместе с ним в ссылку были отправлены его супруга Айбат, сыновья Магомед-Башир, Шарпуддин, Пахруддин, Абдулла. В связи с ухудшением состояния здоровья главы семьи лагерное начальство в конце 1936 года разрешило им вернуться домой. Второй раз чекисты арестовали Тасу и Магомед-Башира в 1938 году. Последний был осужден на три года и отправлен в Мурманск, а Тасу осудили на два года и оставили в колонии в Грозном.

В 1992 году автору этих строк удалось поговорить с Магомед-Башир-хаджи. Я задал ему вопрос, правда ли, что в Чечне было расстреляно большое количество мулл. Он подтвердил это и назвал цифру 300 человек, сообщив, что они все расстреляны и похоронены у подножия Терского хребта.

Косвенным подтверждением его слов является докладная записка секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) Ф.П. Быкова в ЦК ВКП (б) о методах борьбы с бандитизмом в республике под грифом «совершенно секретно», написанная 13 июля 1938 года. Автор секретной записки в качестве метода борьбы с бандитизмом в Чечне называет факт «ареста 300 мулл и 300 руководителей и актива мусульманских сект»[5].

Но какова судьба этих людей? Об этом молчит отечественная история, до этого нет дела никому. Из этих 600 человек как минимум 300, как утверждал М.-Б. Арсанукаев, расстреляны по обвинению в антисоветской агитации, антисоветской деятельности. В связи с этим приведем некоторые факты.

Так, 29 декабря 1937 года был арестован «тамада секты «Кунта-Хаджи», исполняющий обязанности муллы» Маха-Маха Башаев из с. Шароя, за антисоветскую деятельность и приговорен тройкой при НКВД к высшей мере наказания. Реабилитирован Указом Верховного Совета СССР 16 января 1989 года. 5 марта 1938 года был расстрелян Абубакар Бацалгов из селения Тазбичи как участник буржуазно-националистической организации и реабилитирован тем же указом. За антисоветскую деятельность в 1937 году был арестован и расстрелян мулла Магомед Беймурзаев из с. Мудар-Юрта. Реабилитирован, отмеченным указом. В этом же году арестован и расстрелян за антисовескую деятельность, маскируемую религиозной догматикой, Солса Бейсагуров, «мулла, тамада секты Кунта-Хаджи». Он также реабилитирован.

Эта незначительная часть фактов, которые мы можем подтвердить соответствующими документами, но их было сотни. Судьбы этих часто безграмотных людей, не скрывавших недостатки советской власти, не изучены, их обвинительные дела не найдены, многие из них сгорели.

Находясь в заключении, отец и сын Арсанукаевы переписывались на арабском языке. Как прекрасные знатоки этого языка большую часть своей переписки они вели в восточной стихотворной форме. Стихи в основном были религиозно-нравственного содержания, иногда отец давал советы сыну постоянно пополнять свои знания, постигать углубленные смыслы божественного учения, быть в жизни милосердным, всегда прислушиваться к чаяниям людей. Настаивал, что нужно укрепиться в мысли о необходимости отвечать добром на людское зло.

Первый раз Тасу и Магомед-Башир подверглись аресту как кулаки, хотя таковыми никогда не были, а второй раз их осудили за то, что они якобы самовольно покинули место ссылки, хотя они имели документы, подтверждающие их освобождение лагерным начальством. Магомед-Башир работал в Алхан-Юрте учителем начальных классов и подвергся аресту прямо во время проведения уроков со школьниками.

В тот период многих видных людей причисляли к врагам народа, участникам буржуазно-националистического центра. По мнению А. Авторханова, этот центр был искусственно создан НКВД по предварительно составленным спискам[6]. Но ни к этому центру, ни к другим незаконным организациям Тасу и Магомед-Башир никакого отношения не имели. Никаких противоправных действий они не совершали. Ибо вся их деятельность заключалась в служении Богу и своему народу, наставлении его на путь истины, духовного совершенства.

После начала войны с Германией органы НКВД предлагают Тасу Арсанукаеву сотрудничество, быть другом данного ведомства. Он должен вести пропаганду против людей, орудовавших в горах, обвинять их в предательстве. Получив от него вежливый отказ, власть отправляет его в ссылку в Узбекистан. В 1943 году он умер и похоронен в узбекском селе, расположенном на расстоянии 30-ти км от Ташкента. Магомед-Башир часто ездил в Узбекистан, чтобы посетить могилу своего отца.

2. Знаток исламских традиций

Магомед-Башир-хаджи совершил хадж в Мекку пять раз. Узнав, что он находится в хадже, власти Мекки предлагали ему машину, сопровождение и другие знаки внимания. Но он от них отказался, заявив, что хочет пройти все ритуалы паломничества со своими земляками. Это говорит о его скромности и нежелании выделяться среди других паломников, имея некие привилегии.

Однажды полиция в Мекке стала предъявлять к нему претензии по поводу того, что он и руководимая им группа якобы неправильно совершают религиозный ритуал. На что он, ссылаясь на ряд достоверных религиозных источников, доказал, что прав. Блюстители порядка, выслушав его позицию, признали его правоту. Проявив к нему весьма уважительное отношение, они стали говорить, что в Саудовской Аравии надо иметь таких, как он, мусульманских теологов. Об этом ни разу не упоминал сам Магомед-Башир-хаджи, но об этом факте неоднократно рассказывали очевидцы-паломники из Чечни, присутствовавшие при споре.

Магомед-Башира-хаджи хорошо знали в мусульманском мире, поскольку он переписывался с известными арабскими богословами. Он имел переписку с крупнейшим мусульманским богословом Ахмадом Кафтару из Дамаска. В письме, адресованном Магомед-Баширу в период трагических событий в Чечне, Ахмад Кафтару сочувствует чеченскому народу, глубоко переживает трагедию, постигшую Чечню и выражает надежду, что чеченский народ с Божьей помощью выдержит это испытание и вновь приобретет спокойную, мирную жизнь.

Рукопись одного из богословских трактатов Арсанукаева на арабском языке попала в сирийский университет «Абу-Нур». Профессора этого университета были удивлены четкостью и глубиной изложения мыслей в тексте рукописи. Они поражались тому, что человек, находящийся вне арабского мира, смог с такой глубиной постичь основы ислама и блестяще обосновывать свои доводы и излагать мысли на превосходном арабском языке.

Известный на Ближнем Востоке мусульманский теолог и государственный деятель Иордании Абдул-Баки Джамо, с которым Магомед-Башир-хаджи был знаком и имел длительные беседы, относил его к высшей иерархии мусульманских теологов.

Перу Арсанукаева принадлежат многочисленные религиозные трактаты и назмы (духовные песни), написанные на арабском языке. В ходе депортации чеченцев он сочинил назм, неполный текст которого переведен на русский язык:

Нужду испытывают мусульмане,
О свободе часто мечтают,
К Тебе с надеждой они обращаются,
Боже, прояви милосердие.

Грешное тело – в поисках плохого,
Душа устремлена к Тебе,
Установи между ними гармонию,
Прояви милосердие, Боже.

Рабы Твои предстали перед Тобой,
В совершенных грехах повинные,
Суд вынеси праведный,
Прояви милосердие, Боже[7].

3. В контексте политических событий

После прихода Д. Дудаева к власти муфтият ЧИ АССР был реорганизован и создан Совет улемов, возглавленный муфтием Магомед-Баширом-хаджи. В этот период им было заявлено, что мусульманское духовенство берет под защиту представителей всех конфессий. И это его высказывание было опубликовано в центральной печати. А задачу духовного управления он определил следующим образом: «Институты религии и их структуры на местах должны заниматься нравственным религиозным воспитанием верующих, не сращиваясь с институтами светской власти, не вмешиваясь в политическую борьбу»[8].

Однако эта позиция не могла устроить «чеченских революционеров», жаждавших уничтожить «старый и построить свой новый мир». Они нуждались в муфтии и духовенстве, которые безоглядно поддерживали бы антинародную и антироссийскую политику.

Свое недовольство деятельностью муфтията и его руководителя выражал З. Яндарбиев, утверждавший, что «после избрания Президента и Парламента ЧР муфтият начал обособляться, отделяться от интересов народа и государства и там нашли приют политические силы антигосударственного характера»[9]. А самого М.-Б. Арсанукаева он обвиняет в политической пассивности. Между тем, каждого, кто не был согласен с «ичкерийской политикой», власть тут же обвиняла врагом чеченского народа.

То ли с подачи З. Яндарбиева или еще кого-то, затевается очередная реорганизация муфтията, по указу Д. Дудаева создается Комитет по делам исламской религии при Президенте ЧР, его председателем и советником по делам религии назначается М.-Х. Алсабеков, работавший до появления в Чечне заместителем муфтия Казахстана. Такая реорганизация была необходима, чтобы создать параллельную муфтияту религиозную структуру, свести на нет его роль, а затем избавится и от неугодного муфтия.

Когда муфтию Магомед-Баширу-хаджи была предложена охрана, он отказался от нее, заявив, что является мирным человеком и никому никакого вреда не сделал. Однажды в печально известном Мехк-Кхиеле ему хотели выделить автомашину, он от нее отказался, предложив отдать автомашину инвалиду. Когда его позиция была отклонена, он покинул собрание.

На продудаевских митингах ему предлагалось выступать, восхваляя новую власть и ее политику. Но он заявил, что это сделает в том случае, если увидит улучшение жизни народа. По какому-то важному вопросу Дудаев через своих помощников обратился к известному чеченскому алиму Боле из Элистанжи. Тот в своем ответе порекомендовал, чтобы по данному вопросу представители власти посоветовались с Магомед-Баширом-хаджи Арсанукаевым.

В период активного противостояния оппозиции и ичкерийской власти З. Яндарбиевым был составлен список из 18-ти человек, которых следовало объявить врагами народа. В этом списке оказался и муфтий Магомед-Башир-хаджи. Узнав об этом, Д. Дудаев, говорят, заявил, что, если бы все мусульмане были бы такими, как Магомед-Башир-хаджи, у нас давно установился бы рай. После такой оценки список врагов Ичкерии был сокращен. Тем не менее З. Яндербиев писал, что «бывший муфтий Арсанукаев М.-Б. четко руководил мятежом на Театральной площади, попирая и Коран, и Сунну, благославляя преступников и раскалывая чеченский народ»[10].

Однако имеется другое, но объективное и справедливое свидетельство, записанное и сохраненное известным чеченским журналистом Шерипом Асуевым: «15 ноября. 20 ч. 17 м. к миру, добру и согласию призвал своих земляков только что выступивший по телевидению с обращением к народу муфтий духовного

управления мусульман Чечено-Ингушетии Магомед-Башир-хаджи Арсанукаев. «Юноши и девушки, – сказал духовный лидер, – не растеряйте чести своих отцов и дедов, не допустите, чтобы из-за ваших негативных действий пострадало доброе имя вайнахского народа». Родителей он призвал быть ответственными за поступки своих детей, вкладывать в их души только добрые намерения. Муфтий особо подчеркнул, что в кипении митинговых страстей ни в коем случае нельзя забывать о насущных земных проблемах.

Магомед-Башир-хаджи не стал оценивать сложную общественно-политическую ситуацию в республике, не желая, видимо, подогревать и без того накаленные страсти»[11].

Еще одна цитата, но другого автора: «В этот период повсеместно стали проходить съезды представителей тейпов. Создалась ситуация, близкая к расколу народа. Кому-то этот раскол, видимо, очень был нужен… Естественно, запахло смутой. К счастью, раскола не произошло – опять же благодаря муфтию Арсанукаеву и улемам, сплотившимся вокруг истинных и чистых религиозных ревнителей, к числу которых и принадлежал Магомед-Башир-хаджи»[12].

М. Вахидова детально раскрыла препоны, которые ставил З. Яндарбиев муфтию Арсанукаеву. В своей статье «Кому мешает муфтият?» она описала действия власти по срыву съезда мусульман Чечни, проведение которого планировалось 11 апреля 1992 года в ДК им. Ленина в Грозном. На съезде, который проходил в СШ № 46, М.-Б. Арсанукаев произнес лаконичную речь: «Если надо будет оставить должность, не сочту себя менее значимым в этой жизни, поскольку чтить Коран, учение ислама мы обязаны в любом качестве. И в Коране сказано: не ищи должностей, чтобы возвыситься над человеком. Да хранит нас Аллах от неверного пути и искушений»[13].

Как отмечала М. Вахидова, «по неписаному закону имя муфтия в республике стало запрещенным, и поэтому телевидение сняло даже запланированную передачу: «Итоги съезда». 17 апреля муфтия Арсанукаева вновь не пустили на телевидение и отказали в эфире[14].

И тогда, и сегодня преобладающая часть населения обвинение в расколе чеченского общества справедливо адресует ичкерийской власти, ввергшей чеченский народ в междоусобицу и в колоссальную трагедию.

В сентябре 1992 года в Чечню пребыли представители международной миротворческой организации «International Alert» («Международная тревога») в составе Пола Хензе, Абдураззака Эсайеда, Марты-Лизы Магнуссон и Стефана Саливана. Эта группа была приглашена в Москву В.А. Тишковым (тогдашний глава Государственного комитета по делам национальностей) и направлена в качестве наблюдателей за ситуацией в Чечне. В программе этой организации были встречи с представителями дудаевской власти, оппозиции, журналистами, учеными, представителями религиозных организаций.

В рамках своей программы они встречались и с муфтием М.-Б. Арсанукаевым и задавали ему вопросы, в которых выявляли религиозную ситуацию в Чечне, взаимоотношения власти и духовенства. В основном беседа происходила между муфтием и Абдураззаком Эсайедом (бывший посол Туниса во Франции). Они общались на арабском языке. Из встречи было видно, что собеседники понравились друг другу, на английском языке тунисец сообщил своим коллегам, что муфтий является мудрым человеком. Эти слова на русский язык мне перевела Марта-Лиза Магнуссон, в то время профессор университета г. Эсберг (Южная Дания). В память об этой встрече были сделаны фотографии, которые лично у меня не сохранились.

Пол Хензе, возглавлявший эту группу, пишет, что «когда мы встретились с муфтием Магомед-Башир-хаджи Арсанукаевым, он подчеркнул свою поддержку демократии и свободы религиозного выбора. Он высказался против политизации ислама. Но считал необходимым активное духовное воспитание молодежи. На вопрос об отношении духовенства к женщине заявил, что женщина очень важна и ценна для нашего общества, она ответственна за нравственность в большей степени, чем мужчина. Она должна быть защищена

и не изолирована. Ислам запрещает подавление женщины, чеченская женщина, говорил муфтий, выступает за ислам, как и все остальные наши люди»[15].

Американский исследователь Пол Хензе муфтию Арсанукаеву дал следующую оценку: «Среди прочего, он установил высокие стандарты для морального поведения и выразил решительное осуждение чеченцев, которые участвуют в насилии и незаконной деятельности»[16].

Осенью 1992 года, собрав Совет алимов Чечни, отчитавшись перед ним, Магомед-Башир-хаджи уходит со своей должности. Муфтием Чечни становится М. Гаркаев, который из-за ссоры с Д. Дудаевым также покидает этот пост.

Когда в декабре 1994 г. в Чеченскую Республику были введены российские войска для наведения «конституционного порядка», чеченский муфтий Х. Алсабеков, по настоянию Д. Дудаева, объявляет, что сопротивление чеченцев является газаватом, но, оказавшись в селе Знаменском, заявляет обратное. Неоднозначная позиция нового муфтия заострила вопрос: является ли сопротивление чеченцев федеральным войскам газаватом или нет?

Традиционное чеченское духовенство практически выступило против признания сопротивления газаватом. Эту же позицию выразили известные чеченские алимы: М.-Б.-Х. Арсанукаев, А.-Х. Берсанов, Ш.-Х. Газабаев. А ичерийская власть их зачислила в коллаборационисты.

В 1994 году, пытаясь не допустить войну в Чечне, Р. Хасбулатов создает миротворческую группу, состоявшую из известных в Чечне религиозных деятелей, в их числе был Магомед-Башир-хаджи. Он обвинял в гражданской войне в Чечне как Д. Дудаева и его сторонников, так и федеральные силы, действия которых оборачивались против мирного населения. По этому поводу Дж. Гакаев писал: «Возлагая главную ответственность за развязывание гражданской войны в Чечне и ввод российских войск на режим Д. Дудаева, М.-Б. Арсанукаев и его сторонники решительно осуждают и действия федеральных войск, развязавших широкомасштабную войну против мирного населения»[17].

Магомед-Башир-хаджи был возвращен на должность муфтия в 1995 году и находился на ней до 1996 года.

4. Устремленность к познанию

Духовным наставником Магомед-Башира-хаджи был Абдул-Ваххаб Дыдымов[18]. Это подтвердил и Абдула Арсанукаев – сын Магомед-Башира-хаджи. «Еще при жизни Абдул-Ваххаба мой отец сделал тоба с ним», – утверждает он. «Сделать тоба» означает покаяться в своих грехах. И эта процедура выполняется при наставничестве живого шейха.

Магомед-Башир-хаджи, стойко прошедший ужасы репрессий и депортации, бдительный контроль спецслужб, непоколебимо придерживавшийся исламских ценностей и никогда не отступавший от них, пользовался большим авторитетом среди мусульман ЧИ АССР. Поэтому многие мусульмане обращались к нему с просьбой принять от них «тобу». На такие обращения он отвечал, что не считает себя авлийа и не позволит себе встать в один ряд с известными чеченскими святыми. Позиция крупного чеченского алима – ярчайший показатель его скромности и отсутствия тщеславия. Эти качества, а также праведный образ жизни способствовали тому, что он в народной памяти навсегда сохранился как авлийа.

Кто только не приходил к нему в поисках истины, Божьего слова. И каждый получал от него исчерпывающие ответы на поставленные вопросы. В присутствии нескольких человек один старец попросил его послушать, правильно ли он читает аят из Корана. Магомед-Башир-хаджи ему ответил: «Я прочту этот аят, а ты проверь, так ли читаешь. Впоследствии этот уважаемый старец от души благодарил муфтия, что он спас его от позора перед присутствовавшими. Оказывается, он до преклонного возраста читал аят с ошибками. Но об этом никто не узнал».

Как-то женщина спросила у него: «Не нарушает ли она каноны ислама, если приобретет машину для своих хозяйственных нужд и сама будет водить ее?»

Не имеет значения, кто будет сидеть за рулем, важно, чтобы на этой машине ты не отклонялась от праведного пути, – был ответ муфтия.

В трагическое для республики время в одной из своих проповедей Магомед-Башир-хаджи сказал:

Бакъдерг дийца наха ца вуьту,
Харцдерг дийца Делах кхоьру. –

Правду сказать люди не позволяют,
Ложь распространять – Бога боюсь.

Впоследствии это выражение стало крылатым. Оно нравилось и Ахмат-хаджи Кадырову. В своих публичных выступлениях, ссылаясь на автора, он его неоднократно приводил.

Высочайшая религиозная подготовка Магомед-Башира-хаджи, его безукоризненный духовно-нравственный образ жизни, мудрость, народолюбие явились основанием того, что народный писатель ЧИ АССР А. Айдамиров признал его одной из двух выдающихся личностей XX столетия, существовавших среди чеченцев. В своей книге «Вай амалш» («Наши нравы») А. Айдамиров пишет: «Нохчийн къомана тIе хIара бохам кхозабеллачу 1991 – 1994-чуй шерашкахь Далла хьалха а, халкъана хьалха а шен декхар кхочушдина, хьекъал, Iилма, собар, оьздангалла, доьналла а долуш, сунна хууш, цхьа Iеламстаг хила Нохчийчохь. Иза вара цхьа йоццачу хенахь муфти лаьттина Арсанукаев Мохьмад-Башир-Хьаьжа. Оцу чолхечу, адамаш тиларчу даханчу шерашкахь цхьанна а воххa а ца велира, цхьанна хьалха кхеравелла, вуха ца велира. XIетахь и санна цхьа бIе Iеламстаг Нохчийчохь хиллехьара, нохчийн къомана хIара бохамаш ца хила тарлора»[19]. («В 1991-1994 годах, когда чеченский народ был ввергнут в эту катастрофу, мне известен только один ученый-богослов, который перед Богом и народом исполнил свой долг, продемонстрировав ум, знание, терпение, культуру, стойкость. Это был занимавший короткое время пост муфтия Магомед-Башир-хаджи. В это трагическое время заблуждений он никому не продался, никого не испугался, не отступил. Если бы в то время было сто таких богословов, чеченский народ, возможно, не претерпел бы этого горя»).

Основатель российской этнопедагогики Г.Н. Волков в Москве в 1993 году высказывал желание приехать в Чечню для знакомства и общения с Магомед-Баширом-хаджи. Но последовавшие военные действия не позволили состоятся этой встрече и реализовать творческие замыслы педагога, которые скорее всего были связаны с изучением народной педагогики чеченцев.

Магомед-Башир-хаджи высоко ценил не только духовное, но и светское образование, и всем своим детям и взрослым внукам создавал условия для его получения, поэтому все они имеют высшее образование, а некоторые из них успешно трудятся в сфере образования и науки. Один из его внуков, Абдул-Гафур, имеет два высших образования. По настоянию своего дедушки он закончил духовный университет «Абу-Нур» и светский вуз – исторический факультет Дамасского гуманитарного университета.

В лице Магомед-Башира-хаджи мы имеем пример удачного сочетания религиозного и светского образования, которое приносило мусульманам в строительстве общества прекрасные результаты.

Ему принадлежит следующая максима: «Многознающий думает, что мало знает и устремлен к познанию, а малознающий думает, что все знает и не стремится к расширению своего кругозора». Абдула Арсанукаев привел автору публикации слова своего отца, передающие его духовно-интеллектуальное состояние. Магомед-Башир-хаджи в возрасте 80-ти лет заявил: «Если бы физические возможности мне позволили, я непременно поехал бы учиться для пополнения своих знаний».

Каков смысл высказывания чеченского алима? Как известно, Коран поощряет стремление к учебе, верующий всегда должен обращаться к Аллаху с мольбой

прибавить ему знания. В хадисах пророка сказано, что «знания – это душа ислама и опора религии». Прекрасно зная высокое отношение ислама к знаниям, он был всегда был устремлен к расширению своего познавательного горизонта.

Арсанукаев Магомед-Башир-хаджи прожил 85 лет сложной и тревожной жизни. Журналист Марьям Вахидова, которая в течение некоторого времени общалась с ним и хорошо знала Магомед-Башира-хаджи, писала: «Восемьдесят пять лет. Ничтожно короткий срок для живущих в Чечне. Но когда в течение нескольких лет уничтожают твой народ, оскверняют твою землю, редко какое сердце может выдержать. Хроническая боль в груди вынудила его переступить порог больничной палаты. Роковой порог…

Это обычный пятничный вечер. 14 марта 1998 года. Проводив односельчан, посетивших его в этот день, он совершил вечерний намаз. Поднявшись с молитвенного коврика, подошел к своей кровати, но раньше, чем опуститься на нее, он предстанет перед Всевышним…

Такую легкую, мгновенную смерть нужно было заслужить, а не вымолить: последние несколько лет он постился каждый день, очищая не только плоть, но и душу, готовясь в истинный и вечный мир. И вечерняя молитва будто подвела черту его земной жизни, в которой у него не осталось более незавершенных дел. О чем была его последняя молитва? Не сомневаюсь, что просил он мира и согласия для своего народа, своей земли, не зная, что осиротит их в следующую минуту еще на одного их сына. Лучшего сына».

Весть о смерти Арсанукаева Магомед-Башира-хаджи дошла до арабского мира. Верховный муфтий Сирии Ахмад Кафтару в Дамасской мечети, вмещающей более 10-ти тысяч человек, совершил заупокойную молитву (Докъан ламаз) Магомед-Баширу-хаджи.

В арабском журнале «Эхо ислама» (№ 1, 1998 год), издаваемом в Ливане, был опубликован большой некролог, содержащий подробные сведения о жизни и деятельности мусульманского богослова Арсанукаева Магомед-Башира-хаджи.

Нам, живым, нужно помнить, рассказывать, писать о лучших сыновьях чеченского народа. Осмысливать их жизнь, дела, учиться у них нравственности, преданности духовным традициям, понимать их поступки и извлекать ценное, поучительное, что имеется в них. Нет сомнения в том, что Магомед-Башир-хаджи Арсанукаев являет собой редчайший пример высокой духовности и нравственности для современного чеченского общества.

---

[1] Цит.: Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) – М., 2011. С. 551.

[2] Там же. С. 552.

[3] Там же. С. 567.

[4] Там же. С. 627.

[5] Там же. С. 630.

[6] См.: Уралов Александр (Авторханов А.). Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. – М., 1991. С. 36-54.

[7] Арсанукаев І.М. Нохчийн литература. 9 классана учебник. – Грозный: «Альфа-Пресс», 2008. С. 63.

[8] Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях. – М., 1997.С. 164.

[9] Яндарбиев З. Чечения – битва за свободу. – Львов, 1996. С. 235.

[10] Там же. С. 236.

[11] Асуев Ш. Трудная дорога к свободе. Часть 3, глава 1.

[12] Сайдулаев М. Вчерашние кумиры предстали без грима. Интервью с Андреем Берковичем // Еженедельная газета «Российская Федерация». 1998. №45. Октябрь.

[13] Вахидова М. Кому мешает муфтият? // Голос Чеченской Республики. – 1992. – 22 апреля

[14] Там же.

[15] HENZE Paul B. ISLAM IN THE NORTH CAUCASUS The Example of Chechnia // http: // www.circassianworld.com/pdf/Henze_Islam_NorthCaucasus.pdf. С. 21-22.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 166.

[18] Об Абдулвахабе Дыдымове // http://kumukia.ru/modules.php?

[19] Айдамиров А. Вайн амалш. – Грозный, 2003. С. 11.

Память

Насрудин Дабачхаджиев

Благодарность в письмах

Более 60-ти лет отделяет нас от грозовых событий Великой Отечественной войны. Это возраст нескольких новых поколений, рожденных в огне народной борьбы с гитлеровскими поработителями. Еще живы солдаты, отстоявшие честь и независимость нашей Родины. Но их остается все меньше. Нет сегодня среди нас и жителя Гудермеса Али Мерзуевича Мерзуева, находившегося в рядах Советской Армии с июня 1941 по 20 декабря 1946 года. О его боевом пути мало кто знает. Известно только то, что он был механиком – водителем боевой машины и дошел до Дрездена, где прослужил в комендатуре два года до 1946.

На снимке: А.М. Мерзуев.

До войны в свободное время Али любил поиграть на балалайке (дечиг пондур) и, когда уезжал на фронт, попросил мать сберечь любимый музыкальный инструмент. Сказал, если не вернется, будет память о нем. Во время депортации мать взяла бережно завернутую балалайку, чтобы увести с собой как память о сыне. Но у нее вырвали из рук сверток, решив, что в нем оружие. И когда поняли, что это балалайка, рассерженный военный разбил ее о косяк двери. Мать Али восприняла этот случай как предвестник гибели сына на фронте. И уже в Караганде, не получая от Али весточки, все больше связывала этот случай с гибелью сына.

Али не знал о горе, постигшем чеченский народ. В 1947 году он вернулся в Гудермес. Случайно встретил соседку своей сестры из Брагунов кумычку Кулсам, которая его узнала. Из ее рассказа ему стало известно о событиях, произошедших в злосчастное февральское утро 1944 года. Сестру Али вывезли в Казахстан без детей, они остались на попечительстве у Кулсам, которых она приютила. Али забрал малышей и выехал к семье в Караганду. Первым, кого он здесь встретил, был Мутуш Гастемиров. Мутуш был поражен и удивлен, увидев живого Али, которого все считали погибшим.

Боевой и ратный труд Али Мерзуевича Мерзуева, награжденного 4 мая 1946 года медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», дополняют выдержки из благодарственных писем: «Уважаемый Али Мерзуевич! Сердечно поздравляем Вас с 30-ой годовщиной Победы над гитлеровской Германией и награждением юбилейной медалью.

В годы суровых военных испытаний Вы находились в рядах активных защитников нашей Родины. Ваши заслуги в Великой Отечественной войне будут вечно в памяти нашего народа.

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья в жизни и успехов в труде на благо социалистической Отчизны.

Министр обороны СССР,
Первый секретарь ГККПСС Волков А.В.,
Председатель горисполкома Киндаров А.Г.,
Военный комиссар Мозгонов В.С.»

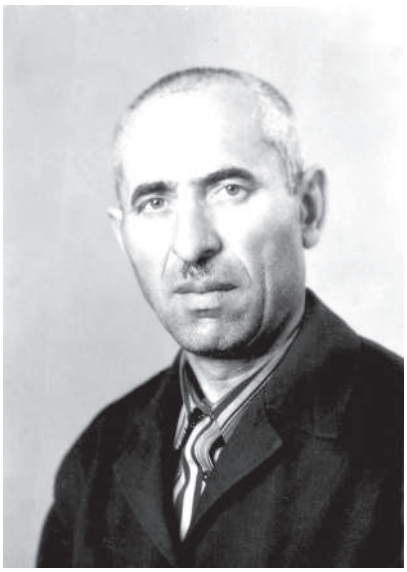
На снимке: А.М. Мерзуев с боевыми товарищами.

Особо отличился Али во время боестолкновений в Польском направлении. По приказу командования Али сквозь шквальный огонь неприятеля, рискуя жизнью, подвозил боеприпасы к наступающим войскам и вывозил с поля боя раненых. При взятии Польши был назначен заместителем командира механизированного батальона.

После демобилизации, будучи в Караганде водителем автобазы № 5 Карагандинского автотреста, Али Мерзуевич постановлением Совета Министров Казахской ССР №860 от 17 декабря 1955 года был удостоен высокого звания «Лучший шофер Казахской ССР».

И в аул пришла беда...

Из воспоминаний Айбертуева Имрана-хаджи



На снимке: И. Айбертуев.

Зимой1944 года я учился в первом классе. В аул Гудермес стали въезжать американские грузовые студебеккеры. Они были обтянуты брезентом, а по краям свисали канатные веревки для обтяжки тентов. Мы с братом Джамли с маленькими перочинными ножичками догоняли машины и на ходу обрезали эти веревки. Думали, что это хорошая добыча для привязи скота. Но нас быстро вычислили солдаты и остановили нашу «хулиганскую» деятельность.

Через некоторое время к нам во двор загнали арбу, запряженную волами. Нам приказали загрузить на нее домашний скарб и продукты питания. Отца Сайта в тот момент не было дома, он накануне уехал на мельницу в ближайшее село Гельдиген. Затем нас направили к кургану, который находился в ауле в районе ул. Чернышевской, где живет Бадруди Ахмадов. Всех жителей нашей стороны аула собрали возле этого кургана. Место это было оцеплено солдатами, и выйти с этого оцепления никому не давали. Женщины плакали, и мы, дети, тоже рыдали взахлеб. С этого сборного пункта людей, дрожащих от холода, на машинах вывозили на железнодорожную станцию для погрузки в вагоны. С центральной части аула людей сгоняли в лощину к реке Гумс, где находится нынешний пешеходный мост, ведущий к больнице.

Вагоны были скотные, с нарами и буржуйками. Нас в том вагоне было где-то восемь семей. Помню, что с нами был Кана с семьей и Чукаевы. Кана был очень опрятным молодым человеком. С верхней полки на него сыпались крошки, и он, возмущаясь, часто вытряхивал свою циновку во время движения состава. Дверь вагона держали часто открытой, чтобы проветрить от спертого воздуха. И вот однажды, когда Кана в очередной раз вытряхивал свою циновку, ее вырвало ветром из рук. Все стали кричать: «Прыгай, прыгай, пересядешь на другой вагон!» Кана посмотрел на всех и сказал: «Хотите, чтобы я спрыгнул с вагона – и потом всем рассказывать, что Кана из-за циновки отстал от поезда?» Циновка была немалой утратой для переселенца. Она, как и кавказская бурка, давала тепло, заменяя теплый пуховый матрас.

Мне никогда не забыть голод и холод тех лет. Мы жили в маленьких домиках, которые в лютые зимние морозы заносило снегом. Двери в этих избушках открывались вовнутрь. Наружу открыть их было невозможно из-за сильных снежных заносов. Открывая дверь в избу, мы всей семьей делали из снега кирпичики. Заносили их в избу, чтобы освободить проход. Потом по узкому коридору кирпичики выносили, выходя, таким образом, из снежного плена. Мать часто ставила кастрюльку с водой на печь, делая вид, что готовит еду. Убаюкивала нас, надеясь, что мы заснем, и забудем о голоде. А голод был страшный. К весне многие выходили в степь, кормились всякими травами, от которых вздувались животы, опухали ноги, и чуть ли не ползком добирались до своего дома. По осени, после уборки урожая, шли на поля в поисках оставшейся картошки, которую сушили и делали из нее муку, а затем пекли лепешки.

Моему двоюродному брату Берсе Канаеву посчастливилось поступить на курсы водителя в Караганде, где он успешно окончил их и устроился на работу. К тому времени мы всей семьей перебрались в другой район. Помнится, как мы учились в казахской школе, где нам выдали учебники, чему были очень

рады. Но в один прекрасный день приехал Берса на машине, чтобы вывезти нас в Караганду. Тайно готовились к переезду. Но каким-то образом учительница узнала о планах нашей семьи и после занятий забрала у нас учебники, которые мы собирались увезти с собой. Ночью Берса погрузил нас в машину и отвез в Михайловку. Через некоторое время он сменил работу водителя на экспедитора. После трехмесячных мытарств приехал к нам и отец Сайта из другого места ссылки. Многие семьи тогда выселялись порознь: кто был в командировке, кто отлучился по своим делам – а отец, как уже упоминалось выше, находился в Гельдигене.

Он в свое время был старшиной Гудермеса, о нем писали в своем рассказе «И в аул пришла война» Р. Эльмурзаев и Л. Юсупова. Я часто бывал в детстве в семьях Канаевых и Айбертуевых. Помню кучу зеленых помидоров: сын Берсы Бадруди, Сайханов Эми и я ели их. Эми тогда еще говорил: «Солите больше, полезно для зрения». Помидоры в Караганде были диковинкой, мы чаще ели пасленки. Бегали с детворой по Зелентресту и другим местам в Михайловке.

Бадруди рано ушел из жизни, а по приезду в Гудермес моя дружба продолжилась с младшим братом Бадруди, Пахрудином. О Пахрудине я могу сказать только самое хорошее. Это безотказный парень, который в любой момент поможет в любом деле. В молодые годы, когда у многих не было и велосипеда, Пахрудин катался на отцовской «Победе», в которой Берса никогда ему не отказывал, и он возил нас по всей республике.

Уважаемым человеком в Гудермесе стал Имран-хаджи Айбертуев, возложивший на себя неимоверный груз ответственности на всех похоронах и в других важных делах, касающихся жителей. Порой удивляешься его энергии и благим деяниям. В лице Имрана-хаджи мы имеем авторитетного старейшину, болеющего за всех нас. Благодаря Имрану-хаджи мы имеем список всех умерших односельчан с 1980 года, которых похоронили при его активном участии. Для нас этот список ценный архивный материал. Любой житель аула, открыв книгу, сможет узнать дату смерти отца, матери, деда – и почтить их память. На данный момент в «Книге памяти» Имрана-хаджи записано около 2000 тысяч имен людей, похороненных при его участии. Как-то я спросил у него, сколько времени уходит у него на подготовку могилы, – на что он ответил: «До полутора часов». При несложных подсчетах, я определил, что Имран-хаджи Айбертуев провел живьем в могиле около трех лет. До него эту процедуру исполнял Гази Амиев до конца своих дней. К сожалению, Гази список не вел. В Караганде и мне часто приходилось участвовать в похоронах. Земля была настолько мерзлая, что мы разводим костер, чтобы прогреть место захоронения. Могилу рыли обычно шахтерской киркой, которая со звоном отскакивала, отколупывая грунт величиной с куриное яйцо. Меня часто отец посылал на эти мероприятия. Похоронная процедура – это целая наука, которую я освоил будучи еще совсем юным.

Яркой личностью в семье Канаевых был Мяхти, один из старейших жителей аула. Он мог бы рассказать много интересного о Гудермесе и его жителях. Считаю своим большим упущением, что не нашлось времени выслушать его и взять более подробную и достоверную информацию. Несмотря на свой довольно преклонный возраст, он был человеком с хорошей памятью.

Записал Насрудин Дабачхаджиев

Память

Асвад Ирзаханов

Судьба старшего сына

Мой очерк о бывшем воине-солдате, участнике Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, Газиеве Жабраиле Ильясовиче, которого давно нет с нами. Он умер лет 10 назад и похоронен на кладбище в станице Гребенской Чеченской Республики, где и поныне проживает его семья: жена Роза, сыновья: Аббас, Мурад, Юсуп (недавно умер) и дочери: Хазман, Яха, Айна. Также проживал здесь родной брат Вазраил (тоже умер недавно) и сестра Бука, которая переехала в Алерой. Будучи коренными выходцами из Алероя Ножай-Юртовского района Чеченской Республики, до начала войны их семья проживала в селе Адиль-Отар Хасавюртовского района Дагестанской АССР. Отец у них рано умер, в Алерое.

Перед самым началом войны Газиев Жабраил был призван в Советскую Армию. Как только началась война, он сразу попал на фронт.

Как и все остальные семьи, дома ждали от него писем. Но «треугольника» все не было и не было. В села стали приходить похоронки.

Не обошла эта бумажка Абдат и ее семью. Весть о гибели на войне Жабраила разнеслась быстро. Стали собираться в Алерое родственники, в основном женщины и дети, кой-какие старые люди из-за немощности их не призванные на войну солдатами. Оплакали Жабраила. «Ведь все от Аллаха», – успокаивала себя мать, хотя ее сердце не признавало смерть старшего сына, другой еще мал был для войны. Абдат видела вокруг себя горе, и она не одна, у кого гибнут мужья, сыновья, братья.

Так проходило время, годы. Вскоре пришло еще одно известие о гибели Жабраила Газиева. Это всполошило ее, оно не так испугало, а наоборот, зародилась мысль, «ведь командиры, военкомат могут ошибаться, и ее сын, возможно, жив, или это то же извещение, но шло очень долго, как и у других людей – приходят же письма-треугольники 2-3 месяца спустя».

А матери, да и вообще женщины, у кого хоть кто-то был на фронте (а таких было кругом много), как единая организация тыла, особенно близлежащих сел, знали все: весточки и просто слухи передавали друг другу. А если кто раненым возвращался с фронта, женщины тут же начинали расспрашивать о своих родственниках.

Время шло, люди уже почти привыкли к войне, но все были уверены в полном разгроме фашистов и ждали победы.

Чеченскому же народу было суждено пережить еще одно страшное событие – полное выселение с родных мест, любимого края, в Среднюю Азию и в Сибирь. 23 февраля 1944 год. В товарных вагонах, почти без еды, без тепла, в позорных стесненных условиях.

Газиева Абдат со своим младшим сыном Вазраилом и дочерью Букой попала в Киргизию, в местечко Кара-Алма. Это был ореховый лесхоз. По всем горам росли ореховые леса, чистый воздух и вода. Деревня была небольшой. Жили здесь и киргизы, и русские, а также было много переселенных с Кавказа чеченцев.

Место красивое, хорошее, здесь с голоду не умрешь, до районного центра Октябрьское было 18-20 километров, а до областного – 54-55 км. Это город Джалалабад. Все бы хорошо, если бы Жабраил (мать называла его Хуцей) был жив. Вот уже прошло более 10-ти лет. Не было дня, чтоб она не вспомнила

его, ей даже казалось: «А что если жив и вернется домой, на Кавказ? Он же не знает, что нас выслали, сможет ли он найти нас?»

Она на каждом намазе просила Аллаха сделать так, чтоб ее сын Жабраил остался жив и вернулся в родной дом. Он не был женатым до войны – не успел, хотя у него и была на примете одна очень красивая сельчанка. Скоро уже 16 лет исполнялось, как не было рядом Жабраила. Вазраил подрос, стал настоящим мужчиной, дочь Бука тоже выросла, стала стройной, красивой – настоящие помощники дома, в хозяйстве. Они работали в лесхозе, получали зарплату, которую всегда отдавали матери. Не забывали и про Аллаха, молились, хотя это последнее не очень поощрялось советской властью. Однажды хороший близкий человек, сосед по дому, заболел. Его повезли сначала в районную, а потом в областную больницу. Почти через месяц, подлечившись, сосед вернулся домой, в деревню Кара-Алма.

Абдат, узнав, что он вернулся, взяла десяток куриных яиц в подарок, и вместе со своим сыном Вазраилом и дочерью Букой пошла проведать к соседа. Другие люди тоже приходили, сочувствовали, поговорив чуть-чуть, а потом быстро уходили, чтобы не утомлять его.

Сосед рассказывал, какие замечательные русские врачи его лечили. Правда, он их не очень хорошо понимал, так как сам плохо владел русской речью.

Сосед рассказал о странном человеке, который лежал какое-то время с ним в одной палате.

И странное было в нем то, что сам он был вроде как русский, а фамилия его была Казиев – «как ваша Газиев, и звали его Жабраил». Сосед не знал подробно о потере семьи на войне. У Абдат сразу закружилась голова, она заторопилась домой. Никто из нас не спал в ту ночь. Абдат была уверена, что этот русский – совсем не русский, а ее родной сын Жабраил, ее Хуца, и никто другой. Пусть прошло 16 лет со времени сообщения о гибели ее сына! Пусть получила аж два извещения о смерти и пусть они дважды оплакали его… «Это Аллах услышал мою мольбу, и не только оставил сына в живых, но и перенес его в Среднюю Азию – именно в областной центр Джелалабад, и через нашего соседа сообщил: «Вот, Абдат, твой сын Жабраил, иди и забирай его! Я исполню твою просьбу в награду за то, что ты никогда не забывала обо Мне, и учила этому своих детей, несмотря на лишения, войну и выселение».

Да, это так, и по-другому быть не может. Аллах как бы говорил: «Да, Я поистине Всемогущ и Щедр к тому, кто от всей души уверовал в Меня».

Не выспавшиеся, потому что никто не сомкнул глаз (Абдат до утра просидела после ночных молитв на молитвенном коврике), рано утром они, взяв с собой немного денег на дорогу и кое-что съестное – кукурузный хлеб, несколько больших кусков сахара, вареных яиц, – собрались в путь. Тогда рейсовых автобусов или такси было мало – ездили больше на попутных бортовых полуторках. В дорогу прихватили с собой старенькую единственную фотографию, на которой они были вместе с Жабраилом.

Плохо говорили по-русски, но понимать понимали. Русская женщина в белом халате сказала, что, действительно, есть такой человек, и привела к его палате. Сначала пустила только мать.

В эту минуту у Абдат екнуло сердце, она остановилась у дверей, ей хотелось закричать: «Ва, Х1уца, сан к1ант, гуча валахь, со хьан нана ма ю, хьо стенгахь вара ялхитта шарахь?» (Ва, Хуца! Сын мой, покажись. Я же твоя мать! Где ты был шестнадцать лет?)

Абдат не сомневалась, что в больничной палате ее сын.

Когда она шагнула в комнату, где лежал больной, то увидела своими глазами: это был ее Хуца, ее родной старший сын Жабраил! К матери присоединились

и Вазраил с Букой.

Она что-то говорила, тянула к нему руки – казалось, просто сошла с ума от радости. И долго не приходила в себя. Стали собираться к этой палате ходячие больные, санитары, врачи с других отделений. Тут и киргизы, русские, больные других национальностей, расспрашивали, что случилось. Удивленно на всю эту картину в его палате смотрел больной, он присел, мог бы и выйти, ходить мог, но ничего не говорил и не понимал, что здесь происходит. Когда та женщина в белом халате, лечащий врач, объяснила, что это мать, брат и сестра его, больной сказал, что у него нет ни матери, ни сестры, ни брата и он не понимает, кто это люди. Еще через минуту он закричал, требуя оставить его одного, мол, у него болит голова, и он не выносит шума. Больной стал кричать: «Вон! Вон! Оставьте меня в покое! Я русский, с Магадана, оленевод. Приехал сюда лечиться. Мне посоветовали врачи теплый климат...»

Врачи быстро разогнали всех зевак, и в том числе Абдат с детьми. Но мать была теперь спокойна, она знала, что нашла своего Хуцу. Пусть он пока не признает ее, но она никуда с этой больницы не уйдет, пока не заберет его с собой. «О Аллах! Ты велик, я благодарна тебе безмерно, можешь теперь забрать мою душу», – думала Абдат.

Не осмеливаясь снова приблизиться к его палате, они долго сидели во дворе больницы. Может, врач спокойно поговорила, а может, он сам тоже размышлял, анализировал услышанную чеченскую речь. Да и ранее лежавший рядом с ним больной тоже пробовал заговорить с ним то по-русски, то по-чеченски. Наверное, все это смягчило его, и он уже не был так агрессивен, когда врач предложила поговорить спокойно – ведь такие случаи не часты, чтоб погибшего сына мать нашла через 16 лет, а он ее не признает, ни ее, ни языка родного. 16 лет не такой уж большой срок, чтобы все забыть.

Они снова пришли к нему, присели рядом и стали рассказывать: что он ее сын из Алероя, ушел на фронт с Адиль-Отара, что получили похоронку и т. д. Показали ему старую фотографию из дому. Жабраил молча смотрел и слушал рассказ матери, посмотрел на фотографию. У него медленно из глаз выступили слезы и потекли по щекам. Это был знак признания. Дальше все они вышли из больницы, он начал вспоминать чеченские слова, речь. Часто путался, замыкался, брался за голову. Трудно поверить, но это было. Жабраила забрали домой, в Кара-Алму. Приходило много людей посмотреть, поговорить с ним, послушать. Он хорошо восстановил за короткое время чеченский язык, потом женился, вместе со всем чеченским народом вернулся на родину. В их доме жил чужой человек, который категорически отказался вернуть дом хозяевам. Этого человека давно нет, он умер раньше Жабраила. Позднее семья Газиевых переехала в станицу Гребенская ЧИАССР, где вот уже более 25-ти лет проживает.

Жабраил рассказывал о войне охотно, хотя его мытарства никак не кончались. В паспорте у него была фамилия Газиев, а в военном билете какой-то «грамотей» написал с ошибкой: «Казиев». Его долго не признавали участником ВОВ, хотя у него были две справки с разных госпиталей о ранениях, контузиях. Около сердца так и остался осколок, который врачи не осмелились тронуть. Так и ушел из жизни Газиев Жабраил, до конца не признанный ветераном войны из-за чьей-то нелепой ошибки. Да, ему и пенсию какую-то дали, даже машину «Запорожец» получил бесплатно, но все это было уже не на уровне других участников ВОВ.

Жабраил честно прошел всю войну. Вот передо мной лежит копия из архива Минобороны СССР, где написано: «Приказ по частям 125-ой стрелковой дивизии Ленинградского фронта за №030/н от 26 марта 1944 года. Награждаю

ефрейтора Казиева Дажабраила Иллисовича – пулеметчика 749-го стрелкового полка 125-ой стрелковой Красносельской Краснознаменной дивизии орденом Славы 3-й степени. Подпись – генерал-майор Фадеев».

Другой лист: «Представляется к ордену Красной Звезды, где кратко излагается, что товарищ Казиев проявил стойкость и отвагу. Далее идет описание подвига и подписи: командир полка – майор Колодяжный; капитан Черномаз.

Дважды попадал в плен раненым, бежал с одним русским летчиком (фамилию он запамятовал). Поймали оба раза, страшно били по голове (вот с тех пор и голова болит), травили собаками – чудом остался жив и был освобожден и передан советской стороне американцами. Сразу же по возвращении в Союз получил «сталинскую» десятку и был сослан в Магадан. Ему внушили, что у него нет никаких родственников – ни семьи, ни чеченцев на Кавказе. Требовали забыть прошлое и никого не искать, никуда не писать. Восемь месяцев он находился в психиатрической больнице среди людей, многие из которых были очень агрессивными, и почти никто не мог защитить от них. Этот ад видел и прошел Газиев Жабраил, настоящий патриот своей Родины, не сломленный никакими трудностями.

Позднее он работал в оленеводческой бригаде, потом сам стал бригадиром, но не переставала болеть голова, ныло сердце, рядом с которым находился осколок. Это часто давало знать о себе в суровые сибирские морозы, и врачи давно советовали ему покинуть эти места и уехать туда, где теплый климат. А однажды, в период длительного обострения, просто отдали на руки документы и отправили – сначала на пароходе, а потом – по железной дороге.

Так он и попал в Киргизию, город Джелалабад. Судьба знала, что делает.

Память

Увайс Лорсанукаев

Летчик-орденоносец из Гехов

Зерна, брошенные в благодатную почву, дают хорошие всходы. Так и подвиг, совершенный во имя жизни, свободы и счастья людей, вдохновляет новых героев. И.А. Бейбулатов, Х. Магомед-Мирзоев, Х. Нурадилов – эти имена золотыми буквами вписаны в анналы истории Великой Отечественной войны.

Я хочу рассказать о бесстрашном летчике из моего родного села Гехи. 30 ноября 1987 года его не стало. Но память о нем жива.

...Летчикам задача ясна еще с вечера. Понятна она и новичку в эскадрилье, молодому летчику 8-й Воздушной Армии СулимуАсиеву, которому предстоит первый воздушный бой.

«Не опоздать бы с запуском мотора. Взлететь справа от командира звена старшего лейтенанта Хасина. Он полетит на «на восьмерке». Почему-то меня взял в напарники. Опытный истребитель. С таким – не страшно… Он будет атаковать, а я – прикрывать с тыла. Не потерять бы его из виду во время боя. Сам командир полка предупрежден, что напарник – «щит героя», головой отвечает за ведущего».

Подан сигнал заводить моторы. На стоянке эскадрильи загудели моторы. Еще взмах белым флажком – и самолеты один за другим подруливали к взлетной полосе.

Проверив мотор на полных оборотах, Асиев ожидал появления самолета командира звена Хасина. Но вот «восьмерка» вырулила, словно выпрыгнула из ямы, и быстро покатилась по летному полю. Взвыл мотор и Асиева за взлетевшими звеньями.

Быстро оторвались от земли, повисли над ней на какое-то мгновение, пока самолеты набирали скорость, потом круто понеслись вверх, чтобы занять свое место над передними звеньями и прикрыть эскадрилью от нападения истребителей противника.

Мельком глянул вперед на землю. «Вот и Севастополь, течет маленькая речка. За рекой немцы», – подумал Сулим, и увидел за изрезанной траншеями линией фронта длинную цепочку летящих им навстречу немецких бомбардировщиков Ю-87. «Мессеры» сопровождают… Порядочно… Сколько же?»

Подсчитать не успел. Услышал команду:

– Приготовиться! Атакуем! Группе прикрытия сковать «мессеры»!

Ударная группа из двух звеньев понеслась вниз навстречу «юнкерсам», а старший лейтенант Хасин повел свою маленькую группу на полных оборотах моторов в лобовую атаку на «мессершмитты». Сколько их шло над «юнкерсами»», Асиев так и не подсчитал. Он старался не отстать от ведущего и выжимал из своего мотора всю его мощность. На встречных курсах сближение молниеносно. «Мессершмитты» словно распухали и с каждой секундой становились все больше. Но они явно уклонялись от звена Хасина, переходя в пикирование на ударную группу эскадрильи.

– Отсечем! – крикнул по радио Хасин и погнался за ведущим «мессершмиттом».

Асиев не отставал, летел с ведущим почти крыло в крыло. Начал было прицеливаться к тому же «мессершмитту», на которого шел Хасин. «Вдвоем наверняка угробим», – мелькнула у него мысль, но, оглянувшись, увидел совсем близко другой «мессершмитт», атакующий Хасина с хвоста: «Ах ты, гад!» Круто повернув свой самолет в его сторону, пересек ему путь и увидел протянувшуюся от немецкого истребителя искрящуюся трассу. Что-то ударило в бронеспинку. Обожгло лицо. «Мессер» проскочил мимо возле фонаря кабины. Сулим погнался за ним, навел прицел, нащупал гашетку пушки, нажал

На снимке: С. Асиев, ветеран ВОВ.

на нее изо всей силы, но фашист метнулся в сторону, и длинная трасса прошла мимо цели.

– Берегись, Сулим! – послышалось в наушниках. Оглянулся и увидел за хвостом острый нос и обрубленные крылья другого «мессера», но он тут же вспыхнул и свалился от снарядов идущей на него «восьмерки».

«Не я командира прикрываю, а он меня, – с горечью стыда подумал Асиев, смахнул перчаткой что-то теплое от своего лица, и снова пристроился к «восьмерке». Осмотрелся кругом, но второпях никак не мог разобраться, где и кто дерется, хотя тут и там кружились самолеты.

Хасин уже гнался за парой «мессершмиттов». Асиев шел справа: «Он – по ведущему, а я ведомого сшибу». И стал ловить его в кольцо прицела. Нацелился точно. Нажал гашетку, увидел свои трассы, но «мессершмитт» продолжал летать. Опять промазал. Тут он услышал Хасина:

– Не спеши, Сулим! Старайся бить с короткой дистанции.

Командир звена сблизился с ведущим «мессершмиттом», но тот круто с разворотом понесся вверх, а его ведомый пошел в лобовую атаку на Асиева. У Сулима дух захватило от злости. «Сам лезешь, так давай!»

Начался воздушный поединок. Асиев уже ничего не видел, кроме этого «мессера» да вращающейся вокруг самолетов земли. То сходились в лоб, то гнались один за другим, обмениваясь короткими и длинными очередями. Тут и там мелькали в поле зрения самолеты, но было уже не до них. Иногда вспыхивала в мозгу тревожная мысль: «А где же Хасин?» Но снова атаковал фашист. Надо было изловчиться, уходить из-под удара и заходить в хвост противнику. Тут уж кто кого… В одной из таких суматошных перепалок Сулим нажал на гашетки, но пушки и пулеметы даже не дрогнули, а «мессер» уходит на полном газу, догоняя своего ведущего.

Осмотрелся кругом. Поредевшие фашистские группы летят на Запад, а звенья самолетов ЯК-7 собираются в строй эскадрильи и берут курс на Восток, к своему аэродрому. «А где же Хасин?»

Нагнал растянувшийся строй эскадрильи. «Восьмерки» не видно. Нашел пару самолетов своего звена, но командира нет.

С тяжелыми мыслями летит молодой летчик к аэродрому в хвосте эскадрильи, даже не пытаясь пристроиться к своему звену. Приземлился последним, чтобы не мешать другим. Подбегает механик Моргун. «Как ему в глаза смотреть? Командира не уберег. Ни одного стервятника не сбил». Но Моргун уже на крыле. Открыл фонарь кабины, склонился над Сулимом, отстегнул на нем привязанные ремни и спросил с тревогой:

– Ты что, ранен? Сам вылезть сможешь?

– Совсем не ранен. Царапнуло чуть-чуть.

– А командир о тебе беспокоился. Ждал вот здесь. А сейчас в штаб вызвали.

– Какой командир? – не сразу понял Асиев.

– Да наш. Старший лейтенант Хасин. Ему мотор подбили. Еле-еле дотянул… А вот и он сам…

Асиев встрепенулся, глянул в сторону штаба и увидел идущего к его самолету

Хасина. Торопливо вылез из кабины, спрыгнул с крыла и в нерешительности остановился, опустив голову. А когда тот подошел, приложил руку к шлему и мрачновато сказал:

– Товарищ старший лейтенант. Я не справился… Впустую боекомплект израсходовал.

– Что ты, дружище, – положив руку на плечо Сулима, сказал Хасин. – Спасибо тебе, что прикрыл тогда… Иди скорее в лазарет. У тебя же все лицо в крови.

– Это пустяк, – махнув, еще более мрачно ответил Асиев, не двигаясь с места. – Я серьезно, товарищ командир звена… Может быть, другого возьмете в напарники.

– Не смеши, Сулим. Лучшего мне не надо… Задачу мы выполнили. Ни одна бомба на наши войска не упала. И сбили четыре «мессера». Кстати, и того, который тебя царапнул… А что ты не сбил, так это оттого, что в азарт вошел и торопился. Поначалу такое со всеми бывает. В воздушном бою самое главное – разгадать маневр противника, перехитрить его, подойти вплотную и сразить наверняка. Это ты, наверное, уже понял, – спокойно объяснил Хасин.

К Асиеву подошла девушка-военфельдшер и повела его к санитарной автомашине. Недалеко столпились летчики. Они дымили папиросами, громко говорили, перебивая друг друга. А когда Асиев с девушкой проходил мимо, летчики притихли. Сулим услышал чей-то полушепот.

– Этот светловолосый паренек лихо будет драться, вот увидите…

Завьюжила суровая зима 1942 года. Наступила пора свободной «охоты» на легковые автомашины с высоким фашистским начальством, на воинские эшелоны и колонны автомашин с пехотой.

В декабре полетели на свободную охоту Асиев и Хасин. За линией фронта между облаками увидели три двухмоторных бомбардировщика Ю-88, идущих на Восток. Для пары истребителей – цель немалая. Асиев предложил Хасину:

– Надо бы перехватить… Где ж такую цель найдешь при этой видимости?

Дали моторам полный газ и понеслись вверх немного выше «юнкеров».

Хасин продолжал гнаться. Когда дистанция стала подходящей для стрельбы, «юнкерсы» мгновенно утонули в облаке. Вскоре три махины вывалились из него под нижней кромкой перед носом самолета Асиева. Ему хорошо виден самолет. В прицеле пузатый фюзеляж с черными крестами. Короткая очередь снарядов. «Юнкерс» взорвался. ЯК-7 тряхнуло. Сулим быстро скрылся в облако от трасс пушек пары «юнкерсов». На них пикировал Хасин. Меткой очередью он сбил ведущего и стал заходить на повторную атаку.

Асиев погнался за третьим «юнкерсом», он уже перед ним, но хочется подойти еще ближе. Оглянулся. За хвостом быстро нагоняет «мессершмитт». Слева дернул влево, схватил его в прицел и нажал гашетку. «Мессер» вспыхнул и свалился в отвесное пикирование. В это время Хасин дрался с другим «мессером». Асиев поспешил к нему, но фашист ушел в облако...

За этот бой старший сержант Асиев получил орден Красного Знамени. Вскоре он был назначен на должность командира истребительного звена. Теперь нужно было уже самому водить в бой своего, еще не обстрелянного напарника, и молодых летчиков звена, учить их технике воздушного боя, за них решать, за них и волноваться. А уже наступил 1943 год, год решающих битв и невиданных в истории войн воздушных сражений…

Наше интервью

«Если бы я был птицей, я полетел бы домой…»

Один из самобытных чеченских поэтов старшего поколения Ямлихан Хасбулатов начал свой творческий путь еще в Казахстане, находясь вместе со своим народом в выселении. Рано лишившись отца, Ямлихан вместе с двумя младшими братьями и сестрой, которые остались на руках их матери Жовзан, познал все тяготы и лишения тех трагических лет. И если бы не их героическая нана Жовзан, наверное, и им бы пришлось «вкусить» горькую долю детдомовской жизни или расти у родственников.

Ямлихан еще в школе тянулся к поэзии – ностальгия по отнятой родине, по берегам воспетого великими русскими поэтами и писателями бурного Терека, по садам и пыльным, солнечным улицам родного аула Девлет-Гирей рождали в его детском сознании поэтические образы.

Закончив в Алма-Ате кооперативный техникум в 1955 году, Ямлихан недолго работал заведующим торговым отделом Алма-Атинского горкоопторга. Но тяга к родному слову проявилась в нем сильнее других интересов, он нашел в этом свое призвание. Поэзия, журналистика стали в дальнейшем делом всей его жизни. Ямлихан Хасбулатов – один из тех первых чеченских журналистов, которые еще до восстановления Чечено-Ингушской АССР возрождали национальные газеты, а позднее – радио и телевидение.

Начав в далеком 1955 году на Алма-Атинском радио и в первой национальной газете «Знамя Труда», Ямлихан, вернувшись в 1963 году на родину, продолжил работу на Чечено-Ингушском радио и телевидении. Был старшим редактором редакции художественных программ, в середине 90-х годов прошлого века возглавлял Союз писателей Чеченской Республики.

Ямлихан Имранович – автор и соавтор около двадцати книг, написанных в 60-80-х годах XX века. Поэзия Я. Хасбулатова переведена и на другие языки, его стихи и поэмы публиковались в литературно-художественных журналах «Дружба народов», «Москва», «Современник», «Нева», «Дон», «Простор» (Казахстан). Его произведения вошли в «Антологию Чечено-Ингушской поэзии». (Грозный, 1981), в «Антологию поэзии Северного Кавказа». (Пятигорск, 2003 г.).

– Ямлихан Имранович, для Вас трагедия выселения усугубилась еще и разлукой с отцом, о судьбе которого Вы долго не знали. Что Вам еще запомнилось из тех дней?

– Перед выселением уже ползли слухи, что нас ожидает эта кара. Но помню, как отец говорил: «Всех не вышлют». Он считал, что будут определять виновных и невиновных. Отец работал в райисполкоме.

Перед выселением отец и я лечились в больнице ст. Горячеводской.

Двадцать третьего февраля сорок четвертого года меня забрали из больницы, а отца оставили как нетранспортабельного – у него был тиф. Нас было четверо на руках матери, мне, самому старшему, было девять лет.

Самым тяжелым было для нас то, что мы не могли узнать, что будет с отцом – встретимся ли мы?

Мне часто вспоминаются те дни великого испытания для нашего народа, и я благодарю Всевышнего, что спас нас от голодной и холодной смерти на чужбине, что вернул нам Родину.

Наш эшелон стоял на какой-то станции. В вагоне было окно, и Русланбек, самый младший, увидел птицу на дереве. Он спросил меня:

– Ялимхан, что это там?

– А это птица сидит на дереве.

– А что это такое?

– У нее есть крылья, и она летит, куда захочет…

– Если бы у меня были крылья. Я бы полетел домой …

Женщина, лежащая на соседней полке, посмотрела на нас и заплакала…

– Ямлихан Имранович, что Вам помогло выжить в то лихолетье? Как Ваша мать, одна, с четырьмя малолетними детьми, смогла сохранить вас, когда целые семьи вымирали от голода и холода? Вы все получили редкое в те времена среднее и затем высшее образование. Ведь тогда просто выжить было большим счастьем?

– Конечно, тогда было не до учебы, мало кто думал об образовании. Да и власть не одобряла, чтобы дети врагов народа просвещались и задумывались бы в дальнейшем, за что власть их лишила родины.

Но люди помнили. Память, душу народа не убить. И на далекой чужбине чеченцы жили по своим обычаям и вере, не приспосабливаясь к чужому ради материальных выгод. Понимали, что без образования нет у народа будущего, что темного легче притеснять и внушать ему, что он враг государства и врожденный бандит и т.д.

Воистину героическое явление – мать. Сама, недоедая и замерзая, она спасает детей, прививает им любовь к отчему краю, к обычаям предков.

Я был самый старший, мне было девять, Асламбеку – семь, Зулай, единственной сестре – пять, и младшему, Русланбеку, нашему самому знаменитому теперь, было только два года.

Нас выгрузили в колхозе имени Макса Гельца Северо-Казахстанской области. Обосновались в селе Скворцовка Полудинского района. Здесь жили поволжские немцы, крымские татары, высланные немногим раньше жестоким «отцом народов» за те же грехи, что и мы.

Мать умела шить, и это ремесло ее было для нас большим подспорьем. Она шила нам одежду и еще продавала свое шитье. Работала на колхозной ферме телятницей, потом дояркой.

– Ямлихан Имранович, ведь Вы в начале своего жизненного пути выбрали престижную и доходную профессию торгового работника. Что Вас побудило оставить это дело и посвятить себя поэзии, журналистике?

– Подобный вопрос задал мне и Хожалиев Магомед-Эмин, когда я в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году пришел в редакцию газеты «Знамя труда» в Алма-Ате. Это была первая газета на чеченском языке, только что открытая. Так вот, он спросил меня удивленно:

– Ямлихан, ты же зав. отделом торговли в горкоопторге, с хорошей зарплатой. Зачем ты сюда пришел работать, тут и зарплата меньше?..

– Мне нужна не зарплата. Мне нужен «дош» – наше родное слово…

Вот и вам мой ответ, еще с тех пор хранимый.

– Расскажите о первых пробах пера. Когда Вы начали писать стихи?

– Вот одно из моих школьных стихотворений, написанное в тысяча девятьсот сорок девятьм году:

С Кавказа я родом,
И этим горжусь.
Я плачу с народом,
С ним вместе смеюсь.
А муки, страданья,
Что вынесли мы,
Уйдут все в преданья,
Как стены тюрьмы.
О радость возврата
В родные края,
Ты сердцу отрада,
Ты вечность моя.

– В книге воспоминаний Вашего друга казахстанской юности, однокашника по кооперативному техникуму Шамхана Якубова есть страницы о Вас и Вашем творчестве. Вы тогда написали смелое стихотворение, цитирую: «Немногим раньше окончил техникум и еще один наш талантливый земляк – Ямлихан Имранович Хасбулатов. Он уже тогда писал прекрасные стихи. Но их, естественно, не публиковали. Мы переписывали их от руки и передавали друг другу.

До сих пор помню строки стихотворения, написанного после смерти Сталина – главного виновника наших тогдашних бед:

Как праздничный день,
Тебя прославляли,
Злодейство с улыбкой встречали.
Ты сеял ужас и страх.
Могучая тень
В деяниях жестоких страдает.
И каждый в сердцах проклинает
Неронов бесчувственных прах.

Мы восхищались и обсуждали его стихи, так как считали, что наступят времена, и они будут жить в народе…»

– Спасибо друзьям далекой юности за память. Я тоже их помню и люблю.

Сознание того, что тебя помнят и твои строчки запали в чье-то сердце, – большая отрада для поэта, особенно в преклонном возрасте. Это пересортировка прожитого, переоценка своих действий, целей, моральных, нравственных идеалов, ошибок.

– Ямлихан Имранович, поэты, писатели, художники Кавказа всегда чувствуют свое родство по общему «Дому» – обычаям, языкам, фольклору, бытовым традициям, песенно-танцевальной, музыкальной культуре, истории, наконец. Ведь не одно тысячелетие родственные народы Кавказа хранят свою культуру и встречают все беды плечом к плечу.

Какие чувства были у Вас, когда вышла в тысяча девятьсот пятьдесят первом году поэма-отклик «Имам» Расула Гамзатова на выселение чеченцев и ингушей с Кавказа? Я знаю, что многие «оценили» этот его верноподданнический пасквиль. Вы тоже ответили?

– Великий русский, советский писатель Михаил Шолохов сказал, что не представляет Кавказ без чеченцев. Видимо, боль нашего народа отозвалась в его сердце. Настоящий талант – это, прежде всего, честность, гуманность. Один сказал так, а другой: «Словно черная змея сползла с гор Кавказа…».

Сталин умер, а слова Гамзатова остались и «топором их не вырубишь».

Однажды я гостил, в семидесятых годах, у своего родственника Умар-

Али в Веденском лесхозе. И как раз туда к нему приехал и Расул. Умар-Али представил меня ему: «Вот мой племянник Ямлихан, я не знал, что он тоже пишет стихи…»

– Зато я знаю, – сказал Расул.

И он припомнил мою отповедь на его стихотворную клевету:

Скажите, не вы ли,
Когда мы в немилости были,
Вдруг с жадностью волчьей завыли?
Почету вам прежнего нет,
Нечестный поэт.

Простит ли потомства сужденье
Коварные ваши слова,
Но прокляты дни их рожденья,
О вас же – худая молва.
Вы подло смеялись над прошлым,
Историю любят и чтут.
И вашу великую пошлость
Потомки навеки зачтут.

Гамзатову, вроде бы, было стыдно за свое произведение, он извинялся, но только это было после нашего возвращения.

– Хотя это уже история, но то, что ваш брат Русланбек, хоть и недолго, но стоял во главе Российского государства – это было большим праздником для всего народа. Считаете ли Вы это в какой-то мере символичным, знаковым событием?

– Когда в старину какой-нибудь человек совершал позорный поступок, говорили: «Такой-то сделал это», – называя только по одному имени, а когда кто-то совершал подвиг, героя называли полным именем, им гордился народ, его тайп, аул, братья, сестры, родственники и т.д.

Так и Русланбек стал прежде всего сыном чеченского народа, и потом только нашим сыном и братом. А насчет знаковости?.. Я вновь невольно вспоминаю: «Если бы у меня были крылья, я бы полетел домой». Так он говорил ребенком еще, почти не понимая, что происходило с ним, с его народом, в том далеком сорок четвертом.

Он стал военным летчиком, приобрел эти заветные крылья и летал, пока не произошла катастрофа и ему не запретили летать.

Он «взлетел» и на государственно-политический Олимп России, если можно так выразиться. Во время высылки, в пятидесятых годах, когда верхом мечтаний было помилование и возвращение на родину, никто бы не поверил в предсказание, что чеченец займет второе кресло в российском правительстве. Но самую большую гордость испытывала, наверное, наша мама за своего младшего.

– Ямлихан Имранович, когда и как Вы узнали о судьбе Вашего отца, оставшегося в больнице в Горячеводске?

– Отец умер через три-четыре дня после нашего выселения, то есть двадцать шестого или двадцать седьмого февраля тысяча девятьсот сорок четвертого года. Об этом нам сообщила на наш запрос лечащий врач Зубкова. А где он захоронен, мы не знали до тысяча девятьсот шестьдесят девятого. Его останки в деревянном ящике были обнаружены случайно при каких-то земляных работах.

Его прах наконец-то нашел вечный покой на нашем родовом кладбище в Девкар-ауле. Это была большая милость Всевышнего, теперь мы имеем могилу отца и можем посещать ее и чтить его память.

– Тема братства Азии и Кавказа часто затрагивается в Вашем творчестве. Вы были дружны Олжасом Сулейменовым, он перевел на казахский язык несколько Ваших стихов. Вы считаете, что Казахстан стал Вашей второй родиной и также повлиял на творчество многих вайнахских поэтов и писателей?

– Да, это так. И в те тяжелые годы, когда человек мог думать только о том, как бы хоть раз наесться вдоволь хлеба, поэты писали. Чего стоит только стихотворение Магомед-Салаха Гадаева «Стою, как чурт, в степи Азиатской…» Какая пронзительная тоска в строках поэта, смотрящего на вершины Тянь-Шаня и видящего в них вершины Кавказа… Это еще в конце сороковых, когда был жив тиран и надежды увидеть родные горы не было.

Казахстан, Киргизия стали для чеченцев и ингушей второй родиной, там родилось целое поколение, ныне здравствующее. Там много наших могил осталось…

– Ямлихан Имранович, что Вы скажете о современной чеченской литературе: поэзии, прозе... Какие новые темы, проблемы Вы замечаете в ней?

– К сожалению, мне и возраст, и здоровье не позволяют перечитывать весь этот поток печатной продукции. Ведь теперь отсутствует цензура, идеологические и прочие препоны. Каждый может выпустить всякую всячину, которая, по его мнению, является творчеством. К сожалению, больше молодых авторов пишет на русском языке. Ведь литература, прежде всего – это хранитель языка, средство художественного отражения исторических событий, явлений.

Со второй задачей, отражением, справляемся. Жизнь сама диктует темы, дает сюжеты. Недавние трагические события, вновь потрясшие Чечню – это богатый источник для творчества, и из него больше черпают российские и другие авторы, порой сильно искажая суть событий и очерняя наш народ, оправдывая карательные действия федеральных войск.

Недавно не стало Шайхи Арсанукаева, в советское время долго возглавлявшего Союз писателей ЧИАССР. Ушел замечательный поэт, много сделавший для чеченской литературы, у него училось немало молодых поэтов. Он был из той плеяды чеченской интеллигенции, которая во времена жестокой цензуры и политического надзора над всем нерусским, сумела, находясь между «молотом и наковальней», донести до наших дней, с «малыми жертвами», язык, литературу, историю, культуру.

Магомет Мамакаев, Арби Мамакаев, Магомед-Салах Гадаев, Нурдин Музаев, Магомед Дикаев, Хусейн Сатуев, Адиз Кусаев, Мусбек Кибиев и многие другие писали тогда, часто подвергаясь гонениям за «национализм». За ними шли Муса Ахмадов, Муса Бексултанов, Апти Бисултанов, Юсуп Яралиев, Леча Абдулаев и другие (пусть не обижаются, что не назвал всех). Это молодое поколение литераторов, которым мы старались помочь, поддержать.

– Ямлихан Имранович, благодарю Вас за то, что Вы нашли время и желание побеседовать и ответить на вопросы. От имени редакции журнала «Вайнах» и читателей желаем Вам здоровья и вдохновения.

Беседовал Иса ОКАРОВ

Публицистика

Ширвани Юсупов

Истоки коррупции и перспективы борьбы с ней

Слово «коррупция» в последнее время относится к числу наиболее часто употребляемых в нашей жизни, хотя слово нерусское и в нашем сознании оно не ассоциируется с конкретным явлением, а скорее, с каким-то абстрактным облаком негатива. Пришло оно к нам не так давно, когда появилась мода на аналогичные слова: «менеджер», «мерчендайзинг», «шопы» и т.д. Некоторых политологов слово «коррупция» откровенно раздражает. Они считают, что данное слово не проясняет, а наоборот, запутывает и прячет суть явления. Все его используют, понимая под ним, что кому удобнее. В итоге – каждый понимает свое. Я с ними полностью согласен. Кроме того, абстрактное понятие «коррупция» никак не вяжется с нашим прошлым, мое поколение советская пропаганда вообще убеждала в том, что коррупции при социализме, нет и быть не может. Несмотря на это, учитывая, что слово прочно вошло в нашу жизнь, включая официальные программные документы, принятые на федеральном уровне, а также документы, принятые международным сообществом, я ничего страшного в его употреблении не вижу. Но считаю своим долгом, для увязки «коррупции» с нашим менталитетом, недавним советским прошлым и историческим прошлым, перевести это абстрактное понятие на «великий и могучий», расшифровав **коррупцию как явление, состоящее из двух составных элементов: казнокрадства и взяточничества во всех их проявлениях. Обе составляющих могут одновременно в равной степени присутствовать в акте коррупции либо, в зависимости от субъекта и объекта коррупции, акцент может смещаться в сторону того или иного элемента.** Если субъектом коррупции является должностное лицо, распоряжающееся бюджетными деньгами вразрез закону, то понятно, что имеет место казнокрадство. С таким пояснением **«коррупция»** становится для нас до боли понятной и родной, поскольку претендует на наше «национальное достояние». Я не считаю **казнокрадство** и **взяточничество** равнозначными составляющими данного преступления, более того, считаю, что второй элемент в значительной мере является производным от первого. Это как раз поле законодателю для творчества. Именно такое понимание ***«коррупции»*** позволит нам в дальнейшем правильно рассуждать и, как говорится, отделить мух от котлет.

Изначально на Руси субъект, осмелившийся утянуть кошелек или курицу, звался – **тать*** (крадун). Вором же называли того, кто воровал противу государя, посягал на общественные устои – то есть запустил руку в государственный карман. Сообразно этим различиям применялись и наказания. Запускание руки в государственный карман на протяжении всей нашей истории было для государева окружения чуть ли не национальной традицией. Ничего не изменилось и по сей день. Как тут не вспомнить слова русского историка и писателя, создателя «Истории государства Российского» Николай Михайловича Карамзина (1766-1826): **«Если б захотеть одним словом выразить, что делается в России, то следует сказать: воруют»**.

Возникновение коррупции на Руси – это результат формы ее исторического развития. В Древней Руси по примеру Византии княжеская власть не платила жалованья чиновникам – их услуги фактически оплачивались за счет подданных. Особенно пышно расцвело взяточничество в период действия на Руси **«системы кормления»**. Таким образом, изначально коррупция для чиновников в России была законным видом деятельности. Государственные чиновники жили за счет «кормлений», т.е. на подношения от тех, кто был заинтересован в их деятельности. Князь посылал своих представителей (воевод, наместников) в провинцию без денежного вознаграждения, но

наделив их огромными полномочиями. Местное население не скупилось на подарки – другого-то выхода не было. Собрав мзду, наместники возвращались в столицу, где излишки накопленного добра у них отнимали в пользу казны. Так формировалась круговая порука столичных и провинциальных взяточников. «Кормления» были официально отменены в 1556 г., но традиции в нашем менталитете оказались живучими, к сожалению, и по сей день.

К XV веку коррупция в России приобрела характер системы. Если чиновник выполнял за подношение какое-то действие (в рамках своих прямых обязанностей), это называлось «мздоимство» и воспринималось как норма, если чиновник при этом не нарушал закона. Если же его подкупали для совершения чего-то незаконного, что было возможно благодаря его должности, это относилось уже к «лихоимству». С лихоимством пытались бороться.

С XVI века возникло новое проявление взяточничества – вымогательство. Глава Земского приказа Леонтий Плещеев при царе Алексее Михайловиче Романове превратил суд в преступный орган, занимавшийся вымогательством. Судебные дела решались по принципу: кто больше даст, тот выиграет (Во истину живучи традиции!). В это же время возникает практика «взятки за лицензию», начатая тестем царя Алексея, боярином Ильей Милославским. А шурин Плещеева, Петр Траханиотов, ведавший Пушкарским приказом, месяцами не выплачивал жалованье стрельцам, оружейникам и другим подчиненным, присваивая деньги (не правда ли, сохраняются эти традиции и в сегодняшней России?). В результате этих безобразий народ, наконец, не выдержал и 25 мая 1648 года поднял в Москве бунт. Погасить восстание не удалось, и царь Алексей Михайлович был вынужден выдать сначала Плещеева, которого растерзала толпа, а затем казнить Траханиотова. (Видимо, Англия в те времена еще не принимала у себя наших отставных коррупционеров, куда те с награбленным добром и всем семейством могли без ущерба, благополучно переселиться.) Бунт оказался первым (и последним) в российской истории народным выступлением против коррупции, где добились хоть каких-то результатов. Алексею Михайловичу пришлось взять на себя обязательство перед народом в том, что он сам будет следить за тем, чтобы вновь назначенные судьи **«чинили расправу без посулов»**. Как результат, в Соборном уложении 1649 года предусмотрены многочисленные наказания за преступления, подпадавшие под понятие коррупции: подлог при переписке судебного дела, утайку пошлин при регистрации дел, притеснение населения.

История противодействия коррупции будет недостоверной, если мы не уточним, что еще до Алексея Михайловича в 1497 году Иван III впервые ввел законодательные ограничения коррупции. В 1550 году в царском судебнике Иван IV(Грозный) объявил о введении смертной казни за взяточничество.

Я, увлекшись историей возникновения коррупции в России, могу создать ложное впечатление о том, что именно наши с вами предки являются ее прародителями, поэтому, справедливости ради, уточню, что коррупция гораздо древнее Руси. Письменные исторические источники свидетельствуют, что коррупция существовала во все времена. Два старейших свода законов, известных человечеству «Кодекс Хаммурапи» (Вавилон, 2200 г. до н. э.) и «Эдикт Нармаба» (Египет, 1200 г. до н. э.), относят взяточничество к преступлениям и предписывают за него самые суровые меры наказания.

В эпоху правления Петра I впервые была установлена уголовная ответственность для взяткодателей (лиходателей). Своим Указом от 22 февраля 1711 г. Петр создал в России высший государственный орган управления страной – Сенат. При Сенате была учреждена служба фискалов, тайная полиция – фактически первый в России специализированный надзорный орган.

Первым обер-фискалом России был назначен бывший учитель Петра I граф Зотов Никита Моисеевич, его заместителями стали Алексей Нестеров и Степан Шепелев. Петр выделял Алексея Нестерова из прочих фискалов, хвалил его и ставил в пример, в результате в 1715 г. Петр назначает его обер-фискалом.

23 декабря 1714 Петр I издал Указ «О запрещении лицам, состоящим

на службе, брать посулы и подряды» с предписанием довольствоваться положенным жалованием. В соответствии с этим указом, взятка стала субъектом полицейского преследования. Несмотря на это, при Петре I взяточничество достигло неимоверных размеров. Особенно преуспевалив воровстве ближайшие сподвижники Петра I. Ситуацию в государстве более чем характеризует такой факт: Петр I решил ужесточить меры наказания и сгоряча хотел издать указ, согласно которому следовало вешать любого чиновника, укравшего сумму, равную цене... веревки. Но его сподвижники в один голос заявили, что в этом случае государь просто останется без подданных. Император сподвижников послушал, но все же ввел смертную казнь за чрезмерное мздоимство.

Хорошо осведомленный Брауншвейгский резидент в России, немец Фридрих Христиан Вебер утверждал, что из ста собранных рублей налога лишь тридцать поступают в казну. А «остальные чиновники делят между собой за труды свои».

В 1719-1723 гг. фискалы подчинялись Юстиц-коллегии. С учреждением 12 января 1722 г. должности генерал-прокурора были поднадзорны ему. С 1723 г. главным фискалом стал генерал-фискал, назначаемый государем, его помощником – обер-фискал, назначаемый Сенатом. Вертикаль фискального контроля была доведена до уровня города.

Первым генерал-прокурором становится один из ближайших сподвижников царя – П.И. Ягужинский. Одновременно с его назначением учреждаются должности прокуроров в надворных судах. Вскоре началась разработка нормативных актов, определявших статус нового государственного института. В указе Петра I от 27 апреля 1722 г. «Должность Генерал-прокурора» функция этого должностного лица определяется как надзор за Сенатом непосредственно и за другими должностными лицами и учреждениями через подчиненных прокуроров; формулируются задачи и принципы организации. Такие реформы давали свои результаты.

В 1721 году перед окнами Юстиц-коллегии был повешен за взятки и казнокрадство Сибирский губернатор, князь Матвей Гагарин. Разоблачил его обер-фискал Алексей Нестеров, которого, однако, тоже не миновала сия участь. Князь Матвей Гагарин получал взятки за отдачу на откуп винной и пивной продажи. Сенат приговорил князя к смертной казни, при этом взяточник свою вину признал и, посылая Петру просьбу о помиловании, писал: «...И я, раб Ваш, приношу вину пред Вашим Величеством, яко пред самим Богом, что правил Сибирскую губернию и делал многие дела просто непорядочно и неприказным поведением, також многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал и раздачи иные чинил, что и не подлежало, и погрешил перед Вашим Величеством...» Гагарин был повешен в присутствии двора и всех своих родственников. А уже в конце 1723 года Алексея Нестерова признали виновным во взятках и приговорили к казни через колесование, и в январе 1724 года казнили. Казнь обер-фискала была показательной и очень жестокой. Помощникам обер-фискала, причастным к его деяниям, отрубили головы. В ноябре 1724 года фавориту императрицы, камергеру Виллему Монсу по обвинению во взятках отрубили голову с последующим водружением ее на высокий шест, а его сестру, статс-даму Матрену Балк, сослали в Сибирь.

Несмотря на жестокие казни, с принципом равенства всех перед законом при Петре I, как и в наше время, было не все ладно. Например, среди взяткодатетелей по делу Монса значились князья Меншиковы, Долгорукие, Голицыны, Черкасские, графы Головкин и Волынский, которые избежали наказания. Воровало все окружение императора, особенно отличался князь Александр Данилович Меньшиков. Отличался Данилыч тем, что воровал много и безнаказанно. Таким образом, знакомые нам традиции применения к казнокрадам двойного стандарта, когда одним прощалось то, за что безжалостно карали других, и привычки, как выразился бы Владимир Соловьев, «не сдавать своих» уходят корнями в наше историческое прошлое. Уже тогда обвинения в коррумпированности делаются эффективнейшим оружием

в деле внутриполитической борьбы и в интригах между многочисленными дворцовыми группировками и кланами. Уже тогда в петровском сенате государственные мужи пытались решать «кадровые вопросы» обвинениями в коррумпированности. В этом плане, рискуя утомить внимание пересказом истории, приведу примечательный пример: известное «дело Петра Шафирова со Скорняком-Писаревым».

В 1717 году в Сенате начались слушания по так называемому «почепскому делу» – и касалось оно, прежде всего, светлейшего князя Меншикова, которому еще в 1709 году Петр подарил город Почеп, ранее принадлежавший Мазепе, – подарок этот был сделан Александру Даниловичу за участие в полтавской баталии. Меншиков незаконно приумножал свои почепские владения самовольными захватами прилегающих земель. Казаки, которых он пытался обращать в крепостных, принялись жаловаться в Сенат... Сенаторы Голицын и Долгорукий, представители старой знати, пытались использовать «почепское дело» для нанесения ударов по «выскочкам», при этом действовали они тонко и не напрямую, а руками «худородного» сенатора Петра Павловича Шафирова. (Барон Шафиров, кстати, был из тех же «петровских выдвиженцев»). Петр Шафиров – человек, несомненно, образованный, историк и вице-канцлер – бесстрашно обличал князя Меншикова и стоявших за ним сенаторов. Однако пионер борьбы с коррупцией на вершинах российской власти Шафиров не учел одного обстоятельства, на котором впоследствии спотыкались многие его последователи: если уж берешься кого-то разоблачать, то желательно самому быть чистым и незапятнанным, а иначе и тебя разоблачить смогут...

Выяснилось, что сенатор Шафиров употребил свое влияние для того, чтобы брату его Михаилу выдали лишнее жалование при переходе из одной службы в другую – мелочь, казалось бы, но это смотря против кого воюешь... А 31 октября 1722 года в Сенате начали слушать дело о почте, которой как раз барон Шафиров и управлял. Так вот, Петр Павлович, не имевший по закону права присутствовать на обсуждении, устроил безобразную сцену, не желая покидать заседания. В результате «делом Шафирова» начал заниматься сам Петр. Суд вынес суровый приговор: казнить Шафирова. Судьи руководствовались указом от 17 апреля 1722 года, в котором царь называл законы «фортецией правды» и определял самую строгую меру наказания тем, кто толкует их «вкривь и вкось» и тасует их, подобно картам, «прибирая масть к масти».

Петр I потом заменил Шафирову казнь на ссылку в Сибирь, но сам факт остается поучительным.

Интересным в плане двойных стандартов представляется и то, что Петр I, если верить некоторым историкам, так энергично искоренявший взяточничество и насаждавший «коммерческую честность», так беспощадно каравший мздоимцев – тот же самый Петр широко практиковал обесценивание монет, пуская в оборот деньги «низкопробного достоинства», тогда, когда у него возникала нужда в средствах – при этом сохраняя на монетах прежние обозначения. Деньги обесценивались настолько, что правительство на операциях этих наживало 150 процентов прибыли. Это обесценивание монеты, представлявшее попытку обойти законы экономические и, собственно, государственные, развращающе действовало на все российское общество. При этом глубоко и прочно укоренялась идея, что политической властью можно пользоваться для собственного незаконного обогащения....

Думаю, порядочно утомил внимание, излишне копаясь в исторических фактах. Делаю я это из побуждений добиться максимальной объективности и чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, что «коррупция» у нас не заимствованная, а своя, доморощенная. Добавлю еще, желая отметить генетическую преемственность поколений в коррупции, что после Петра I до последнего представителя династии Романовых в России мало что менялось в плане казнокрадства и взяточничества. Конечно, законы принимались, порой и суровые, на то они и законы в России, чтобы исполнять их выборочно, к тому же не для всех они у нас писаны. Вспомним слова, которые приписывают

русскому писателю М.Е. Салтыкову-Щедрину: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения». Думаю, эти слова справедливы постольку, поскольку во все времена (по сегодняшний день) в России возле ***государя*** хватает своих «Данилычей», «Борисычей» и «Абрамычей», для которых закон не помеха.

О том, что советскому периоду нашей жизни ничто «человеческое» (коррупционное) не было чуждо, красноречиво свидетельствуют уголовные дела: под собирательным названием «сочинско-краснодарское» дело в начале 1980-х годов, в ходе которого более 5000 чиновников были уволены со своих постов и исключены из рядов КПСС, примерно 1500 человек осуждены. За многочисленные факты коррупции был снят с работы 1-й секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Медунов. «Хлопковое дело» – собирательное название для серии уголовных дел об экономических и коррупционных злоупотреблениях партийных и хозяйственных чиновников Узбекской ССР и центрального аппарата КПСС в конце 1970–1980-х годов. К числу резонансных дел относится дело Юрия Соколова, директора московского гастронома №1 (Елисеевский) в 1982 году.

Считаю, будет несправедливо не сказать, что, по оценке специалистов, размеры хищений в советский период были несоизмеримо скромны по сравнению с сегодняшним днем. Сегодня в России сложилась совершенно уникальная ситуация, когда в стране коррупцией пронизаны все структуры власти, в коррупцию вовлечены все слои общества, начиная от сантехника, кончая высшими государственными чинами. В такой ситуации возникают резонные вопросы: «А есть ли в нашем государстве какая-либо структура, которая могла бы всерьез говорить о борьбе с коррупцией?». «Остались ли в нашем обществе люди, которые имели бы моральное право говорить о борьбе с коррупцией?» У нас коррумпированы не только образ жизни, но и образ мышления. Конечно, я не беру в счет наших уважаемых фронтовиков и часть пенсионеров. Это не значит, что все наше население казнокрады, такие возможности только у государственных мужей, просто коррупция настолько многогранна в своих проявлениях, что мы перестали считать ее в повседневной жизни негативом. Богатый русский язык для взятки нашел синонимы – «благодарность», «уважение», «долг», «подарок», «на расходы», «так принято», и т.д. Взятка стала обыденным явлением. Именно поэтому нас не возмущают мелкие взятки, которые вынуждены давать инспекторам ГИБДД, врачам, учителям, работникам ЖКХ и даже пожарным. Наш народ со свойственным ему юмором сочиняет про себя поговорки и анекдоты, например: «Бороться с мелкими ворами у нас бессмысленно, зато бороться с крупными можно только мысленно». Из той же серии монолог сатирика Михаила Задорного: «…Путин В.В. собрал своих министров и объявил, что с завтрашнего дня необходимо объявить войну коррупции, те кивают, соглашаются, мол, конечно, да. На том все решили, со следующего дня объявить самим себе войну…».

Однако предвижу справедливое возмущение «некрадущих» граждан на мои слова. Они по праву владеют своей нишей в нашем обществе. Из этой категории обычно выделяют три основные группы. Первые не крадут, ибо искренне уважают закон. Они почти незаметны в силу своей малочисленности и малой активности. Эта категория людей практически не митингует и не борется с коррупцией, считают это обязанностью власти, свято веря в нее. Другие избегают красть, всерьез опасаясь возмездия. Их будет побольше. Третьи тоже не крадут из страха перед возмездием, но считают, что уважают закон. Этих большинство. И, конечно, их распирает гордость и они наиболее активные и голосистые. Есть еще небольшая категория людей, которых две тысячи лет назад Цицерон охарактеризовал словами: «Не утверждай, что ты не продаешься, если тебя еще не пытались купить».

Все, о чем мы пока говорим о сегодняшнем дне, имеет отношение только к бытовой коррупции, где преобладает элемент мелкой взятки. Я осуждаю бытовую коррупцию, поскольку она, в конечном счете, попирает наши с вами

конституционные права на образование, на здравоохранение, на охрану жизни и здоровья, но тем не менее она не угрожает государственным устоям России. Когда мы даем взятку учительнице за большее усердие по отношению к нашему чаду, врачу – за большее внимание к нашей персоне или инспектору ГИБДД, заглаживая свою вину за нарушение правил дорожного движения, все это (внатяжку) можно отнести к честному перераспределению средств. Это, отчасти, признание того, что мы с вами ценим труд этих категорий граждан выше, чем государство, определившее им мизерные размеры заработной платы. Печально то, что государство выдает борьбу с этим бытовым взяточничеством за серьезную борьбу с коррупцией. Об этом можно судить по тому, как рапортуют высокие чины о сотнях уголовных дел по взяткам, где средний ее размер не превышает 3-10-ти тысяч рублей. А как же государственная коррупция, многомиллиардные хищения? Каковы причины всплеска государственной элитарной коррупции и главное – как ее победить?

Во многом всплеск коррупции за последнее десятилетие проистекает, на мой взгляд, из сущности проведенной в России с начала 90-х годов криминальной приватизации, начавшейся тогда, и практически продолжившегося до наших дней криминального накопления капитала, из сложившихся в те годы коррупционных отношений власти и бизнеса. Способствовали росту коррупции пролоббированные и профинансированные теневым бизнесом законы и нормативно-правовые акты с коррупционными ловушками, регламентирующие отношения предпринимателей на внутренних и внешних рынках. Чего только стоит 94-й ФЗ «О госзаказах и госзакупках». Все это происходило на фоне ломки традиционной системы нравственных ценностей в государстве и навязывания идеологии рынка в самом диком ее проявлении.

Уточним, что под государственной коррупцией мы понимаем казнокрадство государственными чинами всех мастей. В литературе дано много определений государственной коррупции. Я ограничусь одним: **«Коррупция – это моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении посредством использования своих властных полномочий, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами»**. Из самого определения понятно, что одной из сторон коррупции служит лицо, находящееся на государственной службе или выполняющее некоторые властные полномочия в результате делегирования ему власти от избирателей или каким-либо иным образом. Под такими лицами подразумевают государевых людей, обозначаемых обобщающими синонимами «государственный служащий», «чиновник» или «должностное лицо». Настораживает то, что преобладает верхушечная коррупция, охватывающая политиков, высшее и среднее звено чиновников и сопряженная с принятием решений, имеющих высокую цену (формулы законов, госзаказы, изменения форм собственности и т.п.).

Я не буду расписывать все многообразие форм и видов государственной коррупции. Об этом и так много пишут, и мы наблюдаем это в жизни. Человеческая изобретательность практически бесконечна, когда дело касается конвертации власти в личную выгоду.

Серьезную озабоченность сейчас вызывает то, что коррупция в нашей стране достигла таких размеров, что уже реально угрожает нашей национальной безопасности и государственности России. Я разделяю мнение о том, что коррупция находится в причинно-следственной связи с организованной экономической преступностью и терроризмом. Факт разрушительного воздействия коррупции на основы государственного устройства и конституционные основы правового регулирования жизни общества признает и политическое руководство нашего государства. Это же в последнее время является предметом интенсивного обсуждения нашими учеными в прессе и на телевидении.

Почему нас, законопослушных рядовых граждан, этот вопрос должен беспокоить больше, чем наших крупных чиновников и политиков, чем наших

депутатов и олигархов? Потому что у нас с вами нет, и мы не хотим другого отечества, кроме России! Потому что мы с вами связываем судьбу своих детей и внуков только с Россией! Потому что у нас с вами нет двойного и тройного гражданства и у нас нет счетов в зарубежных банках! Потому что наши с вами дети не являются гражданами США или преуспевающих европейских стран, где они имеют свои компании или работают в респектабельных банках! Мы с вами обречены разделить любую участь с нашей Родиной, поэтому ее благополучие нас беспокоит больше, чем нашу элиту. Я не думаю, что господин Березовский или господин Лужков с его семейством очень уж страдают и тоскуют в Англии по Родине.

Именно поэтому всем гражданам России не следует поддаваться на провокации псевдопатриотов, которые пытаются разделить и рассорить многонациональную Россию по этническому признаку, тем самым отвлечь от реальных проблем. Нам необходимо всеми доступными конституционными методами добиваться от вновь избранного Президента России В.В. Путина решения насущных проблем и, в первую очередь, обуздания коррупции в высших эшелонах власти. Со стороны президента это должны быть реальные меры против коррупции, а не имитация борьбы с ней и не подмена ее сведением счетов внутри самих коррупционеров. По поводу выборов Путина В.В. в Президенты РФ хочу выразить свое мнение, хотя я сам голосовал за него и агитировал в его пользу в своей статье, считаю, что у него нет в стране столько сторонников. Определенная часть избирателей проголосовала за Путина, только боясь допустить к власти остальных кандидатов, выразив ему тем самым авансом вотум доверия. Не знаю почему, но верю в то, что Владимир Владимирович оправдает наше с вами доверие. Иначе нам всем будет плохо.

Я не ради красного словца подчеркнул «конституционными методами». Ранее я отмечал, что любая энергия недовольства масс моментально седлается провокаторами и прохвостами для расшатывания нашего общества. Под лозунгом борьбы с коррупцией могут решаться совсем другие проблемы. Именно под этим лозунгом были устроены государственные перевороты: в Тунисе, Египте, Йемене, Ливии. Пытаются под этим лозунгом взорвать Сирию. Можно ли говорить, что казнокрадства и взяточничества в Тунисе, Египте, Йемене после «арабской весны» стало меньше? А в Ливии?..

Но это не освобождает руководство государства от необходимости решения проблем, включая борьбу с коррупцией.

Современное законодательство о противодействии коррупции фактически стало оформляться только в 2008–2009 годах. Признавая в принятии этих законов большой «плюс», я не буду ни перечислять эти акты, ни комментировать их, поскольку цель, ради которой они приняты, не достигнута, а наоборот, коррупция увеличилась. Значит, дело не в недостатке законов, а в другом. Желая хоть как-то разобраться в причинах, я познакомился с методами борьбы с коррупцией в США, ряде европейских стран, включая Италию и в ряде азиатских стран, а именно – в Японии, Китае и Сингапуре.

Несмотря на то, что Сингапур – это город-государство, сопоставимый с каким-нибудь большим районом города Москвы, мне показался его опыт гораздо интереснее для нас, чем операция «Чистые руки» в Италии или операция ФБР «Шейх и пчела» в США. Хотя из опыта США и Японии я перенял бы опыт кадровой политики, а из опыта Китая – суровость наказания за казнокрадство.

Чтобы стартовые условия для сравнения были схожи, за точку отсчета для России возьмем период с 1990 года, то есть, практически, начало реформ, для Сингапура – период с 1965 года, когда страна получила независимость и начала реформы.

Россия, как и Сингапур, является страной с преобладанием азиатских культурно-нравственных традиций, во всяком случае, во всем, что касается казнокрадства и взяточничества. Исторически эти явления для нас не были чужды или порицаемы в общественном сознании.

Начало 90-х годов для России примечательны гиперинфляцией, начавшейся

после так называемой либерализации цен, связанным с этим резким снижением реальных заработных плат и пенсий, обесцениванием банковских накоплений и, как результат, – резким падением уровня жизни. Ознаменовались 90-е годы многими другими негативными явлениями, в том числе ростом коррупции, резким сокращением производства, а значит, и ростом безработицы, ухудшением здоровья населения и ростом смертности.

Говоря о российских реформаторах и результатах их политики, в СМИ часто приводятся слова профессора Колумбийского университета и лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица: «Величайший парадокс в том, что их взгляды на экономику были настолько неестественными, настолько идеологически искаженными, что они не сумели решить даже более узкую задачу увеличения темпов экономического роста. Вместо этого они добились чистейшего экономического спада. Никакое переписывание истории этого не изменит».

Характеризуя тех же наших реформаторов, в электронных СМИ приводятся слова, которые приписывают экономическому советнику Гайдара, Джеффри Саксу, самым точным образом передающие суть наших реформ: «Главное, что подвело нас, – это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями… И, как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».

Оценивая стартовые возможности для успешного проведения реформ, отметим еще и то, что Россия обладает мощным и разнообразным природно-ресурсным потенциалом, способным обеспечить необходимые объемы собственного потребления и экспорта, а именно: самыми крупными в мире разведанными запасами апатитов (64,5% общемировых), природного газа (35,4%), железных руд (32%), никеля (31%), бурых углей (29%), олова (27%), цинка (16%), урана (14%), нефти (13%), свинца (12%), меди (11%), одними из крупнейших в мире запасов золота, алмазов, платины и др. Казалось бы, что еще надо для успеха реформ?

Что из себя представлял Сингапур в 1965 году? Чтобы иметь представление об этом государстве, вернемся к предыстории обретения им независимости. Во время Второй мировой войны Япония заняла Малайзию и выиграла битву за Сингапур, которую неподготовленные англичане проиграли, несмотря на значительное превосходство в живой силе. 15 февраля 1942 года Сингапур перешел к Японии вплоть до ее поражения в сентябре 1945 года. После того как британцы покинули свою колонию, Ли Куан Ю в 1959 году, выиграв со своей партией «Народное действие» выборы, стал премьер-министром самоуправляемой колонии. В 1963 году в результате референдума Сингапур вошел в Малайскую федерацию вместе с государствами Малайя, Сабах и Саравак. 7 августа 1965 года в результате конфликта Сингапур был исключен из Малайской федерации, и 9 августа 1965 года получил официальную независимость.

К моменту обретения независимости Сингапур представлял собой жалкое зрелище: бедную страну, страдающую от высокой коррупции, которой приходилось импортировать даже пресную воду и строительный песок. Ли Куан Ю так охарактеризовал положение в стране: «Коррупция является одной из черт азиатского образа жизни. Люди открыто принимали вознаграждение, это являлось частью их жизни». Первое правительство страны в противостоянии коррупции столкнулось с несколькими проблемами. Закон, регулирующий борьбу с коррупцией, был откровенно слаб. Многие коррупционные преступления оказались вне сферы его действия, а работники

правоприменительных органов не обладали властью, дающей им возможность эффективно исполнять свои функции. Более того, найти доказательства преступлений было крайне сложно из-за неэффективного законодательства и вовлеченности огромного количества чиновников в коррупционную практику.

Что из себя представляет сегодняшний Сингапур и что представляет Россия после 20-ти лет реформ?

Сингапур сегодня – жемчужина Юго-Восточной Азии, один из крупнейших мировых портов. Сингапур – третий по величине (после Хьюстона и Роттердама) мировой центр по переработке нефти и четвертый производитель полупроводников. ВВП Сингапура на душу населения в 2010 году, рассчитанный по паритету покупательной способности, составлял более 57-ми тысяч долларов. Страна в 2010 году занимала по этому показателю 3 место в мире после Катара и Люксембурга. Сингапур относится к числу стран, победивших коррупцию. По рейтингу Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл», страна входит в четверку самых благополучных.

Россия по объему ВВП на душу населения находилась на 2010 год на 51-м месте в мире. По рейтингу «Трансперенси Интернешнл» по результатам исследования в 2011 на предмет коррумпированности, наша страна занимает «почетное» 143-е место (из числа 181-й страны).

В чем секрет успеха Сингапура? Что же недорабатывает Россия в своей борьбе с коррупцией? Попробуем сравнить.

Борьба с коррупцией в Сингапуре началась «путем упрощения процедур принятия решений и удаления всякой двусмысленности в законах в результате издания ясных и простых правил, вплоть до отмены разрешений и лицензирования».

Ли Куан Ю в своих воспоминаниях подчеркивал, что он постоянно насаждал принцип верховенства закона и равенство всех перед законом, включая высших чиновников и своих родственников. Был создан независимый орган с целью борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти – Бюро по расследованию коррупции (БРК). Параллельно всех чиновников и их семьи лишили неприкосновенности. Агенты БРК получили право проверять банковские счета, имущество не только самих чиновников, но и их детей, жен, родственников и даже друзей! Директор бюро подчиняется премьеру Сингапура, и никто не может приказать ему прекратить расследование (расследования были инициированы даже против близких родственников Ли Куан Ю). Были жестко подавлены триады (организованные преступные группировки).

Одновременно были резко подняты зарплаты судей, на судейские должности были привлечены лучшие частные адвокаты. Зарплата сингапурского судьи достигла нескольких сот тысяч долларов в год (в 1990-е годы – свыше 1 млн. долл.). Госслужащим, занимающим ответственные посты, были подняты зарплаты до уровня, характерного для топ-менеджеров частных корпораций. Ряд министров, уличенных в коррупции, были приговорены к различным срокам заключения, другие либо покончили жизнь самоубийством, либо бежали из страны. Среди них были и давние соратники Ли Куан Ю, такие, как министр охраны окружающей среды Ви Тун Бун. Не секрет, что в Азии традиция «дать на лапу» сидит в крови. Но до того людям изменили менталитет: не только брать – давать взятки стало стыдно! В итоге Сингапур (в соответствии с международными рейтингами) стал одним из наименее коррумпированных и процветающих государств мира.

Думаю, нет необходимости перечислять далее меры, принятые премьер-министром Ли Куан Ю, поскольку уже видна разница с Россией в подходе к решению проблемы. Да, равенство всех перед законом продекларировано нашим законодательством. А на деле?

Недавно экс-министр МВД России, генерал армии Анатолий Куликов, то есть человек сведущий, на одной из телевизионных передач заявил буквально следующее: «Проблема в том, что у нас коррупция трехэтажная. На первом

этаже позволено правоохранительным органам серьезно бороться с ней. Это ГАИ, врачи, школы и т.д. Второй этаж – избирательно, если позволят. Если кто из правоохранительных органов дерзнул подняться на третий этаж, то его бьют по рукам». Я так понимаю, что на третьем коррупционном этаже у нас трудятся в поте лица Данилычи, Борисычи и Лужковы, то бишь, Михайлычи. Лужков Юрий Михайлович так трудился на своем месте, что только за последние несколько лет службы умудрился освободить Россию от **«лишних»** 230-ти миллиардов рублей. Если пресечь казнокрадство в высших эшелонах власти, это сколько же денег появится, без дополнительной нагрузки на бюджет, для повышения заработной платы и иных мер, призванных пресечь бытовое взяточничество? Таким образом, о реальном равенстве всех перед законом говорить не приходится.

Теперь о простых и ясных законах. Я в течение 7-ми лет работал старшим следователем и следователем по особо важным делам управления Следственного комитета России. И в последнее время, пусть не так активно (из-за состояния здоровья), пытаюсь практиковать в качестве адвоката, но я простых, ясных законов не встречал даже в уголовном праве. Отдельные нормы закона вообще сопоставимы с философскими трактатами. Если сейчас начнем анализировать нормы права – это займет много времени и потребует много бумаги. Но тем не менее хочу чуть задержать внимание на нашем Уголовном кодексе. Уверен, что любой юрист со мной согласится в том, что предпосылкой коррупции вообще и в судах, в частности, является простор для субъективного усмотрения должностного лица (судьи). К примеру, ч. 1 ст. 105 УК РФ (особо тяжкое преступление) предусматривает за умышленное причинение смерти другому человеку наказание от 6-ти до 15-ти лет лишения свободы. Представьте себе, что закон дает судье простор для его субъективного усмотрения в два с половиной раза, может дать и 6 лет, а может, и до 15-ти лет. Ну чем не предпосылки для коррупции?! При этих очевидных обстоятельствах то, что Федеральным законом РФ от 7 марта 2011 г. N 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» убрали нижние пределы наказаний за совершение преступлений средней тяжести и тяжкие преступления, вообще не поддается никакой логике. Эти поправки в УК РФ инициированы были отнюдь не сторонниками борьбы с коррупцией, какой бы красивой демагогией это не было прикрыто.

Если в стране не будет равенства всех без исключения перед законом, простых и ясных законов, если не будут лишены неприкосновенности депутатский и судейский корпуса, любое повышение заработной платы должностному лицу – это второстепенно без решения основных вопросов. Я бы по аналогии с Сингапуром временно ввел для высших чиновников «презумпцию вины».

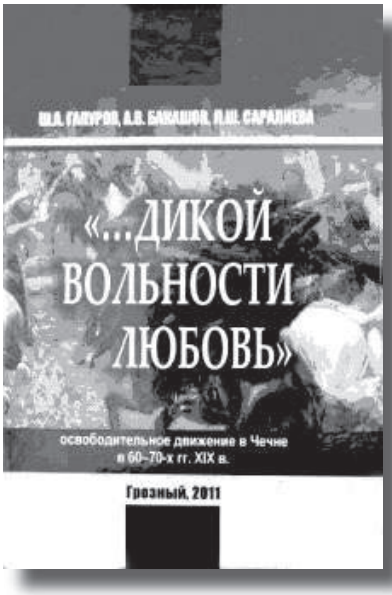
Я уверен, что если завтра же мы дадим судье зарплату 1 млн. долларов в год, то он не упустит возможности сделать второй миллион. Как говорят в народе: к хорошему быстро привыкают, да и расходы растут пропорционально доходам. Если раньше судью устраивал курорт в Сочи, с миллионом долларов (а то и с двумя), у него появятся серьезные претензии на Куршавель.

Опыт целого ряда стран, в том числе и Сингапура, наглядно свидетельствует о том, что если власть действительно заинтересована в победе над этим явлением, то достичь нужного результата вполне возможно.

В одной из телевизионных передач популярный телеведущий Владимир Соловьев предложил руководству государства два по-военному кратких рецепта борьбы с коррупцией: **«делай, как я»** и **«бей своих, чтоб чужие боялись»**. Эти два рецепта достаточно созвучны с методами реформ в Сингапуре.

Книжные новинки

Освободительная борьба чеченского народа: новое слово ученых



Вышла в свет монография президента Академии наук ЧР, доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Национального музея ЧР Шахрудина Айдиевича Гапурова «…Дикой вольности любовь» (освободительное движение в Чечне в 60-70-х гг. XIX в.» (в соавторстве с А.В. Бакашовым, Л.Ш. Саралиевой). Основное внимание в научной работе уделяется восстанию 1877 г. под руководством Алибека Алдамова.

Монография написана с использованием новейшей литературы и архивных материалов, впервые введенных в научный оборот. Глубоко изучены социально-экономические и политические причины, предшествовавшие народно-освободительному движению второй половины XIX в.

В структурном плане монография состоит из трех глав. В первой главе «Общественно-экономическая ситуация в Чечне после окончания Кавказской войны» говорится о том, как политика российской администрации при Лорис-Меликове приводила к массовым конфискациям земель у горцев, а это, в свою очередь, к антиколониальным восстаниям в 60–70-е гг. XIX в. в Чечне и Дагестане. «Если бы мы продолжали заселять плоскостные земли чеченцев станицами, – указывает Лорис-Меликов, – постепенно подвигаясь одной неразрывной линией до гор и заняли бы русским населением плоскость, мы бы не имели надобности держать теперь постоянно под ружьем войска и лишили бы возможности чеченцев быть нам опасными до сих пор». Кроме того, произвол чиновников и военных в отношении горцев, массовые конфискации горских земель, постоянные переселения горцев с места на место и прочее вызывали антиколониальные восстания горцев Чечни и Дагестана.

Во второй главе «Народные выступления в Чечне в начале 60-х годов XIX в.» авторы исследуют вопросы, связанные с восстанием горцев в Ичкеринском и Аргунском округах Чечни в 1860–1861 гг. Главным центром начавшегося в 60-е годы XIX в. восстания горцев Ичкеринского округа стало село Беной. Восстание получило название Беноевское или Ичкеринское. Его возглавил Байсангур Беноевский, бывший наиб имама Шамиля. Он был с имамом Шамилем до последнего часа в Гунибе и ушел оттуда, прорвавшись через окружение царских войск. Байсангур пользовался огромным уважением в Чечне, особенно в Ичкерии, за свою безграничную храбрость и мужество. В боях с российскими войсками в 1859 – 1861 гг. в составе повстанческих войск Шамиля он потерял одну руку, ногу и один глаз. Байсангур активно воевал против царских войск вместе с другими известными наибами – Ташов-хаджи Эндериевским, Шуаибом Центороевским, Джаватханом из Дарго и др. Беноевское восстание 1860-го года оказало огромное влияние на дальнейшее политическое развитие Чечни. Под его непосредственным влиянием в том же году начинается освободительное восстание в Аргунском округе. Восстание аргунских чеченцев возглавили наиб Шароевского наибства Ума Дуев и окружной кадий Атаби Атаев. В 1877 г. Ума Дуев вместе с Алибеком-хаджи стал руководителем известного восстания чеченцев и дагестанцев против царского режима. Исследователь Ш.А. Гапуров считает, что поскольку восстания не носили общечеченского характера, а были локальные (только в горной Чечне) и социальный состав повстанцев был неоднородный, то правильным будет назвать эти выступления как антиколониальные восстания в Горной Чечне в 1860–1870-х гг.

Третья глава – «Безумство храбрых», или Освободительное восстание в Чечне в 1877 г.». Восстание в Чечне 1877 г. по числу участников и по охвату территории восстания было более масштабным, чем выступление горцев в 60-х гг. XIX в. Народные восстания в Чечне были переплетены с аналогичными выступлениями в Дагестане. Оно охватило почти весь Дагестан. Горцы Дагестана и Чечни вели совместную борьбу, практически не зная границ. Восстание началось в Чечне, а закончилось в Дагестане. После поражения движения в Чечне руководители восстания имам Чечни Алибек-хаджи Зандакский, Ума-хаджи Дуев и Дади Залмаев со своими отрядами перешли в Дагестан и сражались на стороне горцев против царских войск. По всем признакам восстание в Чечне в 1877 г. было стихийным крестьянским восстанием. Одна из главных причин быстрого поражения восстания 1877 г. состоит в том, что оно было поддержано только жителями горных районов Чечни.

Восстание в Чечне носило освободительный, антиколониальный характер, о чем убедительно показано в монографии «…Дикой вольности любовь» (освободительное движение в Чечне в 60-70-х гг. XIX в.).

Малика Гортикова

К нашим иллюстрациям

Источник вдохновения

Выпускница Чеченского государственного педагогического института Луиза Рассуханова уже хорошо знакома любителям живописи. Она зарекомендовала себя как талантливый, перспективный и плодотворно работающий молодой художник. В ее послужном списке ряд значительных всероссийских, международных, региональных художественных выставок.

Луиза родилась 27 июля 1988 г. в городе Грозном. С раннего детства любила рисовать. Ее первым учителем и критиком был отец, который сам неплохо рисовал и всячески поддерживал дочь.

Когда во время военных действий семья переехала в Ингушетию, рядом со средней школой, куда Луиза ходила на занятия, была и детская художественная школа. Мама привела девочку в художественную школу, которую Луиза окончила в 2005 году на красный диплом.

По окончании 11 классов она не стала долго раздумывать, куда идти учиться, да и родители посоветовали девочке не останавливаться на достигнутом. Луиза поступила в ЧГПИ на факультет изобразительного искусства.

Учеба в институте Луизе давалась легко, она с удовольствием посещала занятия, принимала участие в молодежных выставках, много работала, занималась у известного художника Аманды Асуханова. В 2011 году она получила специальность учителя рисования и черчения. Вернулась работать в ту самую среднюю школу № 29, которую несколько лет назад окончила сама, учителем рисования.

В 2010 году Луиза принимала участие в Русской неделе искусств, которая проходила в Москве. Она предоставила работу «Натюрморт», которая заняла первое место и получила диплом. Еще одна маленькая победа Луизы – это конкурс, проходивший в Румынии. Ее пейзаж занял второе место. Несомненной победой молодой выпускницы является и ее первая персональная выставка, которая прошла в Грозном, в Мемориальном комплексе Аллеи Славы им. А.Х. Кадырова в 2012 г. На выставке было представлено около 20-ти работ. В своих полотнах Луиза передала свое трепетное отношение к родной природе, раскрыла богатое воображение и философию своей души.

Молодая художница пробует себя в разных жанрах, ищет свое направление, оттачивает свой почерк. Она одинаково успешно работает в разных живописных и акварельных техниках, максимально используя их выразительные возможности для передачи особенностей пейзажного образа. Красота природы родного края стала постоянным источником вдохновения для Луизы, послужила катализатором для развития ее таланта.

Отмечая способности Луизы, председатель чеченского отделения Союза художников РФ Ваха Умарсултанов отметил: «В последнее время мы стали свидетелями нового поколения молодых художников нашей республики, к которому относится и Луиза. Это поколение очень талантливое и толковое, по-настоящему работоспособное. Это первое поствоенное поколение. И наша задача – поддерживать молодых в их творческом становлении. Луиза очень тонкий лирик, чувствует свет. Да и фамилия у нее очень многому обязывающая – Рассуханова. В изобразительном искусстве ЧР был выдающийся художник Арби Рассуханов, Луиза носит эту известную фамилию, хотя и не родственница именитому художнику. Думаю, она будет такой же известной, талантливой, как и ее однофамилец».

Впереди у Луизы большие планы. Пожелаем ей осуществить все свои мечты, продолжить и в дальнейшем экспериментировать в разных жанрах изобразительного искусства и непременно найти свое место в искусстве Чеченской Республики.

Будущее за молодежью, которая в смелом поиске не забудет истинной ценности прошлого и настоящего. И самое важное, чтобы молодые таланты, только что вступившие на тернистую дорогу художественной жизни, были к ней подготовлены в современных условиях, овладели бы всеми навыками своей профессии, новыми материалами и технологиями, ярко проявили свою индивидуальность. А судя по работам Луизы Рассухановой, у нее это получается неплохо.

На обложке журнала представлены следующие работы Луизы: 1стр. – «Сельская идиллия», 2 стр. – «Старый мостик», 3 стр. – «Речная заводь», 4 стр. – «Лесная окраина».

Сацита ИСРАИЛОВА

Сведения об авторах и переводчиках

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977–79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Марьям Нохчиева (псевдоним). Журналист, поэт. Автор сборников «Земля чеченская» (2006), «Другое измерение». Материалы автора неоднократно публиковались в журналах «Вайнах», «Орга», в газете «Вести республики».

Зайнди Дурдиев (1937). Родился в с. Надтеречное ЧИАССР, В 1962 г. окончил Грозненский нефтяной техникум. Заслуженный нефтяник России. Кандидат геолого-минералогических наук. Член СП РФ.

Хапта Исабаева (1962). Родилась в с. Видучи Итум-Калинского района. Получила среднее образование в с. Гойское Урус-Мартановского района. Окончила курсы бухгалтера в 1982 году. Стихи начала писать в 1986 году.

Ахмет Денисултанов (1953). Окончил филологический факультет ЧИГУ. Публикуется с 1984 года. Жанры творчества – поэзия, проза, афористика. Художник. Автор сборника «Афоризмы» (1998), рассказов «Граммофон», «Альма-матер», «Созвездие Мельпомены», «Бригада № 6», опубликованных на страницах журналов «Вайнах», «Нана». Ведет рубрики афоризмов на страницах местных периодических изданий.

Мухтар Бокаев (1939). Родился в с. Шикарой Шаройского района ЧИАССР. Окончил Чимкентский пединститут (1969). Почетный гражданин Республики Казахстан, член Ассамблеи народов Казахстана. Автор книг «Годы и люди», «Зезаг», «Последняя улыбка», изданных в г. Уральске (Казахстан). Перевел и издал на казахском языке сборник чеченских сказок. Пишет на русском, казахском и чеченском языках. Живет в г. Аксай Западно-Казахстанской области.

Вахит Акаев (1952). Ученый, доктор философских наук. Родился в городе Ленгер Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. В периодической прессе публикуется с 1974 года (в газете «Грозненский рабочий», «Вести республики», «Столица плюс», «Молодежная смена», а также в журналах «Нана», «Вайнах», «Конфликтология» (Санкт-Петербург), «Азия и Африка сегодня», «Кавказское обозрение» и др.). Автор нескольких научных монографий («Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение», Грозный, 1994 г., «Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе», Ростов-на-Дону, 2004 г., «Национальная идея чеченцев: от постановки до разработки», Грозный, 2007 г., «Ислам в Чеченской Республике», М., 2008 г. и др.).

Насрудин Дабачхаджиев (1947). Родился в Киргизии. Заслуженный деятель искусств Чеченской республики. Окончил Волгоградский экономический техникум по специальности «товароведение и материально-техническое обеспечение», а также Чеченский государственный университет – исторический факультет. Пишет стихи, рассказы на чеченском и русском языках, а также занимается живописью. Стихи поэта-песенника пользуются популярностью: на них написана музыка современными чеченскими композиторами, песни исполняются известными солистами чеченской эстрады. Публикуется в республиканских журналах «Орга», «Вайнах», «Нана» и в районной газете «Гумс». Изданы сборники с его стихами и рассказами («Волны моей памяти», «Шел всегда прямым путем» и «Останется слово»).

Асвад Ирзаханов (1942). Родился в селе Адиль-Отар Даг. АССР. В 1968 году окончил филологический факультет ЧИГПИ. Работал в школе. Публиковался в дагестанской периодической печати. Пенсионер.

Увайс Лорсанукаев (1961). В 1986 году окончил Чечено-Ингушский государственный университет, филологический факультет. Первая публикация в местной печати появилась еще в школьные годы (в газете «Грозненский рабочий) в середине 70-х гг. Пишет стихи, новеллы. В журнале «Вайнах» публикуется с начала 2000-х годов.

Иса Окаров (1952). Родился в Семипалатинской области Казахской ССР. В 1990 г. окончил Литературный институт им. Горького (семинар «Художественный перевод»). Член Союза журналистов СССР (РФ). Работал на республиканском телевидении, в редакциях газеты «Заветы Ильича», журнала «СтелаIад».

Ширвани Юсупов. Имеет высшее экономическое и высшее юридическое образование. До 2003 года работал в различных областях экономики. С 2003 года по 2010 год работал следователем по особо важным делам управления Следственного комитета РФ по Чеченской Республике. С 2007 года по 2011 год заочно окончил Российскую академию государственной службы при Президенте РФ по специализации «Государственное управление и национальная безопасность». В настоящее время – адвокат Краснодарской краевой коллегии адвокатов.